

Елена Александровна Асеева

В поисках
меча Бога
Мндры

Книга первая.
Веремя странствий

Елена Асеева

В поисках меча Бога Индры

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

В поисках меча Бога Индры / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

Эта книга необычна и уникальна, так как написана с использованием большого количества устаревших славянских и древнерусских слов, синонимов, которые придают роману неповторимую самобытность речи и живописность. Произведение будет интересно всем любителям сказочных повествований, ибо основой ее служат верования, традиции, мифы и легенды древних славян.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Купалов День	17
Глава вторая. Жар-цвет	23
Глава третья. У Гарки	32
Глава четвертая. Домашни духи	38
Глава пятая. Ваявода	44
Глава шестая. У путь	50
Глава седьмая. Гуша	59
Глава восьмая. Зачурованный край	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

В поисках меча Бога Индры
Книга первая. Веремья странствий
Елена Александровна Асеева

*Насладитесь кунавостью, величием и живописностью русского
языка.*

© Елена Александровна Асеева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Имя... всего тока несколько звуков, каковые сказывают о тебе як о личности, каковые определяют твой человеческий лик. Звуки кои решают судьбу, направляя людские жизни по той али иной дорожке... по тому али иному пути, тропе, стёжке, оврингу.

Як часточко опрометчивые аль дуже взлелеянные отцом да матерью эвонти просты слова, указывающие на ны аки на человека, назначают нашу судьбину и дарят нам або счастливые жизненны мгновения, або полные тревог и беспокойства хлопоты.

Оно и сиче ясно, шо аки тебе не нарекли предки, выбор стежки жизни будет сегда за тобой. Одначе с того самого первого дянечка як твои родители выбрали имячко, назвали тебя им... Энто имячко уже само по себе будят своей красотой, силой або безобразностью направлять тебя по тому, а може иному пути, по тому али иному волоконцу судьбы оную, высоко во Небесных Чертогах, Богиня Судьбы Макошь спряла для каждого из нас... Спряла, а помощницы ейны Доля с Недолей смотали у чудны таки махонькие клубочки.

***

Беросы – вольный, сильный и счастливый народ, издавна разборчиво и рассудительно подходили к выбору имени своим деткам.

Имя ребятёнку засега давал отец, у тот самый миг як рожденного сына али дочь бабка принимавша роды, перьдавала ему у руки. И каждый берос-отец глянув на свово долгожданно чадо, должен был тутась же егось наречь, тем именем каковое он, верно давненько вже, носил у душе своей. И имячко сие у тоже мгновение избирало для дитятки торенку его жизни... Но иноредь, нежданно выскочившее, нежданно выпорхнувшее из уст имя прокладывало перед эвонти чадом ту тропу по которой ни овый родитель ни вжелал, абы ступало его дитя.

Сиче случилось и в ентов раз.

У боляхной бероской семье родился поскрёбышек. Самый маненький и уж подлинно последний ребятёночек, мальчоночка. Занеже оба родителя и мать, и отец были не молоды, молвим вернее, они были стары. Имелись у них ужотко и внуки... да не один, не два, а много... идей-то с десяток, потомуй как детворы родилось и выросло восемь душ. А тяперича родился вон... самый последний, поскрёбышек, махоточка, зернятко...

Внегда отцу Величке бабка вынесла сына, он, приняв егось на руки, глубоко вздохнул и уклончиво крикнул! Вжесь такой малец был крошечный, тощенький... замухрышка, водним словом. Да ащё, ко всяму прочему, не токмо беспомощные его тёмно-серы глазоньки закаты-валися, и кривились, но и весь он сам... и нос, и бледные, тонки губы кособочились у леву сторонку. А посему отец, евойный, Величка крикнув ищё раз, словно подбадривая себе, выдохнул имя, своему, ужось и верно настоящему поскрёбышку.

«Крив!» – нарек она сына!

Эх!...Эх!...Эх!... не давал бы ты, Величка, яму поскрёбышку, махоточке, зернятку такого имячка... не давал бы!... Оно аки любой берос ведаеть недоброе, неладное имя направить сына по той торенке, идеже его извечно будят поджидать, ловить и совращать силы Кривды... силы Тьмы да Зла!...

Но, увы! Величка нас не услышит, вон ужотко нарек свово малеша кривоватенького сынка. Он ужотко подтолкнул его к той самой нити, шо во множестве напярла пред мальчонкой Богиня Макошь, Небесная Мать и Небесный Закон, а поелику мальчик Крив смело, як усякий берос, потопал по энтой дорожке, пути, тропе, стёжке, оврингу... тудыличи уперёд!

Уперёд!

Уперёд!

Крив жил и рос, як и больша часть мальчишек да девчушек бероских, у малой деревушке, на песьяне узкой таки речушки Речицы. Жили вони по-простому, зане учил жить их Бог Вышня, у чистых, срубленных из брёвен, оттогось и величаемых срубами, избёнках; возделывая почвы, иде сеяли и жали пошеницу, рожь, овес, гречу; промышляючи вохотой и рыбалкой; сбиранием ягод, грибов во лесах, каковые окружали будто сберегаючи и ограждаючи их оземь.

Осе у тех местах, меж простых и славных беросов, меж земель покрытых лесами, еланиями, пожнями, речками, да озерами и рос Крив... як усе...

Обаче, был он не як усе...

Крив с малулетству отличалси от детворы свово возраста, от усех мальчишек, занеже был он весьма низкого росточку, словно недорысль. Был он худ... сице худ, шо казалось мать и отец его не докармливають... Нос и губы мальчонки продолжали кривитси улево, а став постарше, евойные глаза, приобрета черный цвет, и вовсе окосели. Отчавось усё времечко думалось, малец Крив, вроде гутаря с тобой, меже тем заритьси улево, не желаючи посмотреть тебе прямо в очи, може чё утаивая али задумывая каку подлость.

Ребятня видя таку кривизну, да знаючи подлый, скверный характер мальчонки надсмехалась над Кривом. Може именно посему он и рос злобным, да жестоким, будто и не нуждалси, эвонтов на вид невзрачный мальчик, у любви и ласке материнской, отвечая на доброту близких гнёвливыми взглядами и враждебно-яндовитными словами.

Обаче, лета шли... шли... шли.

Отец и мать Крива и вовсе состарились... а состарившись, померли да ушли их души, аки и положено людям добрым в Вырай-сад, ко отцу своему Богу Вышни.

Криву исполнилось двадцать годков, к тому времени егось сверстники вжесь обзавелися семьями, деточками. Одначе Крив сице ни на ком и не обжёнилси, оно як вельми был крив и лицом, и душой, а кто ж пожелаеть связать своу жизнь с таким кому Кривда слаще Правды!

Осе как-то раз собрал он котомку, положил у нее: рубаху льняну, белую с вышивкой по вороту и низу; охабень, абы укрываться от непогоды; немного хлеба, сала; стянул свой стан плетёным поясом из красной, тонкой, шерстяной нити; на ноги натянул чорны сапоги, со снурком спереди, шоб плотнее вони обхватывали голень. Опосля оправил на себе рубаху, да штаны, тряхнул тёмными, жалкими, точно иссохша солома волосьми и отправилси абы куды, як думали егойны братцы и сёстрички.

Но на самом деле не абы куды, а туды, кудыличи жаждал попасть, занеже знал чаво жёлала его душенька, о чем мечталось во тёмной, длинной ноченьке, долги годы взросления.

По байкам беросов, во высоких, каменных горах, идеже не жавуть люди, не жавуть звери, а лишь ходють заплутавши горны козы и бараны с витиеватыми, чудно закрученными рожками находится глубока пещтера. А у той пещере хранится камень... И камушек тот не простой... а зачурованный, нездешний он, то есть не тутошний, а верней гутарить, явившийся в ту пещтеру из самых мрачных, пекельных земель.

Калякают беросы, чё в стародавни времена ударил Верховный Бог-Держатель мира Нави ЧерноБоже по камню всех камней Алатырю, что подняла со дна Окияна мать его Мировая Уточка по велению Сварога и каковой связывал Горний мир с Дольним... Небесный с Бел Светом... Ударил ЧерноБоже, по Бел-горюч камню, крепким, мощным молотом и отскочили, разлетелися у разны сторонушки чёрны осколки... осколки Зла. И появились на Бел Свете усяки разны демоны, дасуни, мрачны колдуны, змеи, болести, холод, тьма. Оттого удара треснул камень Основы Знаний и откололси от него кусок, небольшой такой осколок... да покатилси и впал прямёхонько у Пекло. А после лёжал там евонтов осколочек многи лета впитывая, всасывая у себя зло и тьму того мрачного мира... мира иде жавуть не тока силы ЧерноБожьи, но и души грешников. И покоилси бы он у Пекле можеть и до нонешнего дянёчка кады б не возжёлалось Пану, сыну ваяводы воинства ЧерноБога, стать подобным своему тёмному властителю.

Глухой ноченькой, вегда Бел Свет окружала тьма, а уж в Пекле, она, судя по сему правила засежда, Пан выкрал тот осколок из злобных земель и принёс у Бел Свет, в скалисты горы, да поклял у глубоко печору. Потёр, очень довольный своим свершением, Пан длани меж собой, взял у них молот, тот самый, оным ударял по Алатырю ЧерноБоже, да стал колотить по останкам каменного и ужось злобного осколка. И также аки и у ЧерноБога от того камушка начали отскакивать да разлетаться у разны стороны чёрны крупичи, крохи, отломышки и падать окресть. Вударяясь о стены пещеры, об одеяние Пана, вылетаючи чрез широкий проём да тулясь к каменистой оземи горы. А чуток погода стали те отломышки превращаться во детей Пана.

Долзе... долзе стучал молотом Пан по камню, вжесь до зела он желал породить на Бел Свете як можно больше злобных детей своих, которые смогли б напоследях уничтожить деток Бога Вышни, беросов. А кады устал, сын ваяводы, бить молотом о камушок, тяжелёхонько переводя дух, опустил его униз, решив посотреть на плоды свою труда, да обернулся... Оглянулся, да-к тут же громко закричал, замекал... Потомуй как был Пан козлоногим, а то, шо создал, породив своим стучанием, напугало ано его мрачное, злобное сердце, душу... уж и не ведомо мене, чавось у него там унутри живёт. В испуге бросил молот, на оземь, Пан и громко топоча копытами по камням пещеры, покинул её, так и не успев дать повеление своим детям-уродцам ступать войной на беросов и уничтожить энтов светлый, преданный Вышне народ. А поелику, кадыличи Пан покинул своих, як оказалось, не дюже воинствующих порождений, коих стали величать панывичами, те горестно вздохнули. Опосля оглядели свои пугающие тела да лица, подобрали оброненный молот, да положивши егось посторонь расколуленного осколка камня, начали, усё также горестно вздыхаючи, жить в эвонтой пещере, в эвонтих скалистых, безжизненных горах, вылавливая и поедая глупых коз и баранов с витивеватыми, чудно закрученными рожками. И жили они там долзе... сице долзе, шо о них совсем позабыли мрачные, пекельные силы... а може и не старались вспоминать, чаво ж, у самом деле, о таких уродцах вспоминать-то...

Но байки о панывичах бероская ребятня слыхивала с пелёнок, и слыхивали она о том, шо берегаемый, энтим народом, осколок камня и молот может исполнить любое твоё злобно, чёрно пожелание... любое... любое...

Стоит токмо до него добратсьи...

Стоит токмо прошептать то прошение да вдарить тем самым ЧерноБожьим молотом по камню...

И у тот же морг то злобное, чёрное жёлание исполнитсьи, а взамен... взамен Верховный Бог-Держатель мира Нави забереть в вечное себе услужение твою бесценную душу... душу... душу!

И кажный берос слушаая те байки, предания, хоть и был смел да отважен от рождения, содрогалсьи своим детским тельцем, глубоко дышал и вельми сильно пужалсьи, занеже николи не жёлал он уйти после смертушки у мрачное Пекло, не жёлал отдавать свою светлу душеньку в услужение ЧерноБоже.... Оно аки с малулетства, с молоком матери впитывал он любовь к Богам, Асурам, Ясуням Добра создавшим весь Бел Свет, да и усех людей, зверей, птиц, рыб живущих во нём.

Верили беросы во Всевышнего, величаемого самой Поселенной. В Рода – прародителя усего сущего, земного и звёздного, шо окружает Бел Свет и ночами поблёскивает людям ярыми вогнями. Рода, того кто выпустил из лика свою Асура Ра у золотом, солнечном возу, каковой тянуть по синей степи Поселенной огромные золотые волы, освещая днем земли Бел Света. Ночью же на черно небо выходил, выпорхнувший из груди Рода, Месяц во серебряном ушкуйнике, проплывающем сквозе тёмну мглу. Это Род породил Сварога, Бога – Творца, Бога Неба установившего закон Прави, Владыку Бел Света, Небесной Сварги и Вырай-сада, да Богородицу, Ладу-матушку, Любовь, Мать большинства Светлых Ясуней, покровительницу свадеб и замужних бабёнок. Ведали беросы, что Бог Сварог не токась сотворил жизнь у Бел Свете, он

является родоначальником многих Асуров, Ясуней: Семаргла Огнебоже, Перуна Громовержца, Вышни Ясуня простора, Сына Закона, Прави и Бел Света, отца беросов.

Было преданье у беросов, чаво кадый-то на Бел Свете наступила засуха: реки обмелели; воды окиянов и морей покинули свои чевруи; травы вумерли; листва у лесах облетела, да и сами деревья засохли; погибли птицы, звери, люди... Кружил по Бел Свету лишь померклый, сухой ветворот, обрывая, уничтожая усё то, чё еще не погибло... То дасуни Чернобоже творили Зло.

Увидал Боженька Сварог, аки гибнеть то чавось он сварганил, гибнеть его оземь и послал свово сыночка Грозного Перунушку Громовержца спасти Богиню Мать Сыру Землю, шо на своём животе, груди, руках, лице держит Бел Свет. Прискакал Асур Перун на грозowych, прозрачно-бурых конях со густой, развевающейся по ветру коричной гривой-тучах, запряженных у серебристу колесницу о двух колесах, с молниями в руках, и принялся землю-матушку водами поливать, а дасуней злобных, мечущихся по Бел Свету, жечь огнём.

Да не так-то легохонько со тёмным воинством ЧерноБоже в одиночку совладать!

Мятнёт Грозный Перун молнию у одного дасуна, сожжёт егось во серебряном свете чудного полымя, переливающегося усими цветами радуги, а тут ужотко другой дасунь из-за валуна выглядывает, рожу кривить, Громовержца сёрдит... А там и трентий за деревцем прячется, подленько сице гогочеть, будто не страшитси Бога Битв и Войны! Тогда позвал Асур Перун на подмогу братцев старчих своих: Вышню и Семаргла. Пришли у зареве солнечных лучей Ра Ясуни, во руках у них мощны мечи, да щиты... никому ни вустоять супротив силы такой: ни дасуням, ни самому ЧерноБогу.

Увидали дасуни Асуров разбежались у страхе великом, а Перун Громовержец наслал воды на оземь и от той живительной силы возродилси Бел Свет: ожили растения, деревья, звери, птицы; наполнились реки, озера; вошли в свои чевруи моря и окияны.

Ясунь Бел Света Вышня спустилси на землюшку, покрытую зелеными травами, и встряхнул со своей одёжи белые капли воды. Упала та вода росой на зелены травы покрыв их, да обратилася во детей малешеньких, обратилася у народ – беросы... Долзе посем Асур Вышня жил у Бел Свете, занеже не мог он бросить не разумных деток, отроков без помочи. Научал он и взрослых беросов, а помогал ему у том ищё Ясунь Велес, Бог скота и Древней Мудрости. Вкупе вэнти два великих Бога учили рожденный от капель воды народ землю пахать, сеять и жать злаки, строить избёнки, подарили они им обряды, законы, календарь да звёздну мудрость.

И жили беросы так як гутарил им жить Асур Вышня – отец их, да Асур Велес – учитель их... Жили простой жизнью, на берегах рек, во небольших деревушках да таких же маленьких градах, совсем маханьких, потомуй как не любили вони скученности, а любили просторы: широкие луга, пожни, степи, полные ягод и грибов тенисты дубровы и чернолесья, реки у которых кипела жизнью вода насыщенная зеленцой... Словом любили они волю вольную, тем они и дорожили... оно как не зря ведь отец их Вышня – Бог простора.

В деревушках избирали беросы старшину, во градах ваяводу, кый набирал небольшую дружину, для защиты энтого града, да ближайших деревень. Не было у беросов властителей, а на, шо они вольным, простым людям... Не вскую им держать усяких правителей и без них за себе постоять беросы могли... А коли беда кака, або подлый враг придёт на земли беросов сице шаберы засегда помогут, поддержит своих воинов и деревенский люд, оный сьз-мальства топоры, комлястые дубины, луки во руках держать могёт... Эх! да ащё аки могёт. Ну, а ежели не справятся беросы теми малыми силами, ваяводы усех градов изберут старшину среди воинов и тот ужо поведёт едину рать на битву, и тады страшись враг! Занеже неть сильнее тех бероских ратников, усе точно як и отец их Вышня, дюже крепки в станах, да широки во плечах.

Жили беросы волей, верой, обычаями, трудом и Богами которых меж собой по-простому звали Асурами!

Жили... и беды вже такой, коей не смогли б противостоят, и не ведали... не ведали.

Покуда энтов самый Крив не уродился в ихнем народе... от-то не зря гутарят: «В семье не без урода»... Уж куда вернее калякать, оно как народ, энто ведь тоже семья... тока большенька така... намного большенька.

И Крив тот, он ведь тоже рос посередь беросов, да и сам им был, и байки те, да преданья слухал. И про Асура Вышню, и про Асура Велеса и конча про ЧерноБоже, который был усегда, от самого сотворения Бел Света, а може и усей Поселенной, извечным врагом усех Ясуней. Это он – Повелитель Нави и Пекла посылал на земли Бел Света демонов, дасуней, болезни, холод и тьму. Это он – Верховный Бог-Держатель и Закон мира Нави извращал слабые людски души направляя их по кривенькой стёжке.

Обаче, Криву она и нравилась, та злобна сила, посему он и был усегда жестоким, да мог подолгу измываться над каким-нить слабеньким зверьком, которого у силки поймает, криваясь, радуясь его мучениям. Не хотел ащё Крив руками своими хлеб себе добывать, а поелику засегда отлынивал от работы у поже, от охоты, рыбалки. А коли ты лентяй, да-к она еда к тебе с небушка-то не прильтит, не вопустится, и кабы ты семечко у землю не положишь, не польешь, да его солёным потом своим не взрастишь... оно есть нечего будет... У то усе знали беросы, у то и Крив ведал... да тока не жёлал он трудиться, не жёлал любить, не жёлал жить як други люди его народа. Жёлал Крив, усем обладать у так без труда... да жёлал ащё отплатить мальчишкам, тем самым кые кады-то евось обзывали, каковые выросли, обзавелись семьями и ребятышками... Жёлал энтов кривой вьюноша обладать такой силой... такой... абы усе его боялись... усе!

Оттого затаив в своей какой-то мрачной, да верно черной душе и глупой, обозлённой головёшке те мысли, шёл тяперича уперёд... Ступая по ездовой полосе, по лесным торенкам, луговым стёжкам, проходя мимо деревушек, градов... Топал он к тем заоблачным, скалистым горам, чё и не лёжать рядом с бероскими землями, а прячутси идей-то у дали, к которым не дойти за дни, за месяцы... к которым добратси можно тока за годы... за годы... за годи-нушки.

Но Крив был упрямым... настырным и, чаво не отнять у няго, смелым!

Оно ведь не правда, шо зло трусливо... Ох! Неть, то не правда!

И хотя смелость энто светлое чувство, ладное, одначе, и зло оно тоже могёт быть смелым, и ничавось не страшась направляет свову поступь уперёд... не все ж таки трусливы як Пан. Есть таки, как Крив топающий по людским дорогам, по звериным тропам... Шагающий да ничаво не пугающийся, ни волков, ни медведей частенько жёлающих отведасть такового костлявого человечка. Не страшил Крива жар и озноб, от которого не раз трясся во звериной норе, отсыпаясь и тем изгоняючи из тела хворь. Не раз он глодал, страдал от жажды... и усё ж упрямо, назойливо продвигалси туды ко своей мечте, да верил Крив с таким кривеньким лицом, да кривенькой душонкой, шо непременно дойдёт до тех гор и исполнится егось прошение.

Ну, и раз он так жёлал, да так стойчески, преодолевая усе невзгоды, боли и горести, шёл, силы Зла, каковые хоть и потешались над эвонтим человечком... потешались, а все ж вяли его, с того самого дянёчка, как крякнувший отец Величка дал ему тако дурно, отрицающее свет имя... Крив вмале, годика сице чрез три, а може и больче (кто ж у то счёт вёл) добралси до тех высоких, каменных гор, иде не жавуть люди, а лишь хаживають глупы козы и бараны с витиеватыми, чудно закрученными рожками.

Тяперича прям предь Кривом высилась могутна горна гряда, крутые да пологие хребты, нагромождали необъятну долину, преграждая стяной путь беросу. На тех буграх, кряжах да хребтах росли буйные, зелены травы, непроходимые, лесны чащи, стекали с них бурливые,

кипучие, да словно люта зима, холодны горны реки, они прорезали меж склонов уходящие углубь земли пропасти, разрывая и прокладывая такось водную чёрту.

Остановившись у подошвы одной из скалистых сопок, Крив задравши голову принялся ее разглядывать. Энта гора была оченно высокой так, шо казалось подпирала сам голубой небосвод. Не было на том хребте ни водного деревца, кустика, ни водной травинки. Уся ейна тёмно-бурая камениста поверхность была иссечена тропами, да стёжками пробитыми узкими копытами коз и баранов, будто та живность не годь, не два, а верно многи века хаживала увыспрь, и удолю по ней. Совсем на немного, стоящему у подножия той горы, Криву даж почудилось, шо допрежь чем его допустить, к энтой невзрачной, пугающей вёршине, хребет раздели донога, оголив костистые части тела, показав таку неприятную на вид не живую кожу.

«Верно, эт и есть гора Каркуша, над каковой парять стаи чорных воронов, указуя усем людям, идеже можно прошёптать прошение ЧерноБоже», – молвил вслух Крив.

И эхо, подхватив тот говорок, понесло егось по взгористым землям. Заухало имя Повелителя Пекла, отскакивая от покрытых лесами склонов, да вказалось улетев у поднебесье, зацепившись на сиг, повисло на вёршине утесистой, мёртвой сопки, идеже не було видать ни водного ворона али вороненка, да и вообще какой-нить птицы. По небесной лазури плыли лишь белые, рыхлые, точно обпившиеся водицы воблака, с розоватыми, пенистыми боками, да могучий Бог Ра, тот самый, шо у начале начал вышел из лика Рода, правил своими грузными, отяжелевшими от труда и времени, золотыми волами вязущими великого Асура на солнечном возу. Оно добре б було коли Крив видел Бога... Може испужалси тады, да поворотил назад, ан неть! то ему человечку было не доступно.

Одначе, стоило Криву подойти к подножию горы як Асур Ра, слегка развернув главу, глянул на человека со небес своими тёмно-синими очами, его златые, до плеч, кудри озарялись боляхным похожим на восьмиконечну звезду колом, расплёскивающим у разны стороны солнечны лучи. Встряхнул Ра божественной главой и всколыхнулись, подобно ниве во полюшке от дуновения порывистого ветра, его златые волосья, да кудреваты, длинны вусы и бородища. Затрепетало осеняемое солнечным светом лёгкое одеяние, окутывающее мощное, крепкое ужотко не младое, но усё ищё доколь сильное тело Бога. Полыхнул ослепительными лучами Асур у сторону неразумного человечка, жёлаючи восстановить того от скверного шага, удержать от непоправимого поступка. Обожгло кожу лица Крива, ярый свет вдарил прямо у кривые, косо-глядящие очи. И немедля опустил берос их униз, вуставилси на бурую оземь, иде меже двух угловатых, будто порубленных камней, сидел маханький, зелёный кустик, покрытый желтыми, як солнышко круглыми цветочками. Порывисто вздохнул Крив и первый раз у душу ко няму забралси страх, да жёлание повернуть обратно... туды у деревеньку, шо лежала на берегу реченьки Речицы.

Да тока, ден ноне его выпустять из своих цепких, когтистых рук силы Тьмы... Токмо на миг во душе Крива появилось благоразумие, коснулось незримыми крылами его гулко стучащего сердца, его притаившейся душонки, а засим, казалось, мгновенно кудый-то испарилось. Будто тот, кто невидимо шёл осторонь, инде издеваяся, да посмеиваяся, но усё ж пособляючи, подул на испуганну душу бероса, да своим мрачным, злобным, ничавось ня любящим дыханием прогнал тот мудрый полёт мысли, примчавшийся, по-видимому, от самого Асура Ра.

А посему Крив ещё разочек, горестно вздохнув, перьступил слепящий солнечными цветками кустик и тронулси ввысь, направив своу поступь по горной, вытопанной козыми и бараньими копытами тропушке. Подымаясь по хребту, каковой уначале был пологим, а по мере подъема становился усё круче... круче... круче... Крив перьставляя стопы шёл по горячей, выжжённой временем да солнечным жаром землице и с кажным шагом уставал усё шибче... шибче... шибче. Измученные же, покрытые толстыми мозолями подошвы стоп сталкиваясь

с острыми, может нарочно туто-ва воткнутыми або рассыпанными каменьями, мелкими да крупными, болестно скрипели.

Оно б хорошо надеть сапоги... у те самые... чорные, со шнурком спереди, шо плотно обхватывали голень ноги, да вжесь давно ничаво не осталось от тех сапог: ни подошвы, ни самих голенищ, ни шнурков. Ужотко давно истерся до дыр охабень, оный сберегал от дождя и холода, не было и той льняной, белой рубахи с вышивкой по вороту и низу... Красный, плетёный поясок стал и не поясом вовсе, а так рванью... Да и штаны кадый-то тёмно-серые, обратили свой цвет у буро-чёрный, и изодрались по низу, образовав там коротку таку бахрому, кья часточко украшает бероски бабьи платки и скатёрки.

Ну, да ден у то заставить отступить Крива?!

Да, николиже.

Вон вже верно и обезумел, от свовой мечты, непременно жёлаючи исполнить задуманное... Ужо и котомочку он давнёшенько потерял. Обронил идей-то и ту рубаху, шо носил на себе, у какой-то чащобе, откудась ретиво улепётывал ово ль от волков, ово ль от здорового ведмеда.

Осе потому тихо постанывая от боли, шо доставляли востры каменя обрезающие плюсны, стойчески шагал вверх Крив. Останавливаясь, перьдыхаючи, порой поглядывая на коло красна солнышка, слепящее своим светом очи и обжигающее жаром кожу, желяющее согнать, або вудержать такового глупого мальчонку. Крив, утирал текущий со лба по лицу пот, опускал униз свои чорны глазёнки, сотрел на иссечённые, покрытые кровавыми нарывами, усякими разными наростами, булдырями, язвинами ноги и думал о том, як тяжелёхонько було Пану затащить, на таку верхотулину, осколок камня, да ищё и молот.

Чем выше поднималси Крив, чем круче становилась пред ним гора, тем сильнее вуставал он, тем чаще останавливалси, абы перьдохнуть, набратсьи сил. И тады вон усаживалси на торенку покрытую пылью, почитай жёлтого цвету, оная от движения взвивалась выспрь укывая усё тело неразумного человека густым слоем, перемешиваясь со струящимся ручьями пОтом, и глазел туды униз, созерцая чарующее, величественное, горное благолепие. Да видел он пред собой: кряжистые взгорья, поросшие зелёными, словно смарагдовыми, елями с густыми ветвями, усыпанными тёмно-коричными шишками; низенькие кустарники с разбросанными на них ярчайшими цветками, вроде як отражающимися от красна солнышка. Видел заключенные, меж кряжистых гряд, махонисты долины, перьсекаемые хребтами понижеее, укрытые шапками дивно упавых деревцов, нити горных рек вырезавших у тех долинах да взгорьях разветвленные узбои. Видел круглы голубы, чем-то схожие со бероскими тарелями, озёра преграждающие выходы из долин, впитывающие у собя те реки, да поблёскивающие ровной гладью вод.

Ох! До чаво ж було округ живописно! Божественна, чудесна была энта дикая, горная природа, созданная Небесным Творцом Сварогом. Освещаемая, согреваемая и поддерживаемая живительным светом Асура Ра, который вже клонилси к закату, одначе, усё ищё бросал беспокойны взгляды на того, кто сице настойчиво шагал, а днесь сидел, перьдыхаючи, на той, вроде аки и проклятой, чёрной, злой круче. Сотрел на Крива, Бог Ра, и на лице егось, ужотко и не младом, а всё ж купавом, приятном для очей, залёгли, подле уголков глаз, длинны, глубоки морщинки, втак тревожилси солнечный Бог за того мальчишечку, бероса. Покачивал он своей головой, и от тогось колыхания по горным грядам пролетал лёгкий жар, будто толкающий сидящего Крива у спину, прося сойтить с энтой кручи Каркуши, да уйтить униз... туды... к людям... таким же простым, як и он, беросам.

Одначе, душа Крива, ужось ничаво тако не жаждала, не слышала вона ни чё доброго, не понимала тревоги солнечного Ра. Не мог он любоваться красой горной гряды, изрезанными краями хребтов, легохонько очерченных пологих холмов, голубыми тарелями озёр, да тонкими нитями серебристых рек... Казалось, тому погрязшему во злобе, беросу, шо у то противный

ветряной жар, подымаясь стяной предь ним, преграждает путь, а окресть него лежать ненавистные края, дороги, каменя кои окромя боли ничавось ему не принесли... боли да кровавых язвин. А у душе его, мрачной такой, просыпалси страх. И страх тот был не связан со стёжкой, чё вон избрал для себе. Пужалси он одного, не успеть до ночи найти ту зачурованну печору, не поспеть у темноте прошептать прошение ко ЧерноБоже вымолив у няго, Верховного Бога-Держателя мира Нави, силы... такой силы, абы усе его боялись и страшились!

А поелику Крив подымалси на ноги и сызнава продолжал путь. Скалиста вёршина с каждым шагом становилась отвесней да круче. И вmale по ней вже не было сил иттить, чудилось ищё морг и берос скатитси, вулетить у тудыличи... удол, стоять лишь малеша дунуть на него Асуру ветра Стрибогу, аль его сынкам. И тогда Крив опускалси на карачки, да точно зверь, принималси ползти на коленях.

А куды ж деватьси?

Деватьси вжесь и некуды! Приходилось ползти на коленях! И Крив полз... он, правду молвить, давненько истерял всяку бероску гордость, давненько стал похожим на како-то дикое существо. Ни на зверя, оно аки зверь думать могёт, а именно на существо, в которое превращается человек внегда его обуреваает поганое тако... мерзостно жёлание, не жёлание даже, а желаньеце... скверное такое, каковое окромя бёды ничево принести не может!

Осе потому Крив и подымалси уверх на карачках, хваталси руками, такими же изрезанными, покрытыми язвами да нарывами за острые края каменьев, за валуны, шо бочищами своими громадными утопали в бурого цвета земле. Туго дышал берос от усталости, широко раскрывал уста. Его обветренные, сухи губы истомленные солнцем, морозом и ветром инолды, соприкасаясь меж собой, тихонько сице похрустывали, а може то похрустывали осыпающиеся с под ног плоски голыши, струящиеся вниз к подошве горы... Вниз... тудыличи... идеже была жизнь да тёлка столь жёланная вода, такая прозрачная, чистая, леденящая зубы и столь нужная изнывающему от жажды Криву, каковый не взял её на кручу, подгоняемый тем кто усе времечко шептал о мечте.

Ох!.. Крив!.. Крив!.. Ну, раз ты втак мечтал, затратил стока своих сил: душевных, физических, посвятив усего себя тому безумному жёланию, да будет по-твоему!

И кады Бог Ра горестно вздохнув, да напоследок жалостливо оглядев такого маненького человечка, покинул голубое небо, а златые волы утянули воз за край окоёма, Крив наконец-то увидел широку пещеру. Тропа, по которой полз берос, заканчивалась прямо сторонь столь жёланной пещеры, на небольшом таком ровном месте, у длину всего лишь несколько шагов управо, да улево. Берос заполз на тот ровный пяточок, и, улегшись на ейной каменной поверхности глубоко задышав замер на како-то времечко, еле слышно постанывая от боли и усталости. Маленько погодя, едва отошедший от устатка, Крив пошатываясь поднялси на ноги, да медленно подошел ко входу у пещёры, для крепости придерживаясь за ейны края, и заглянул унутрь. Одначе, ничагось окромя тьмы лицезреть там не смог. Тады, понукая себя топать дальче, он обернулси... Бросил последний взгляд на чернеющее небушко, шо своим охабнем, украшенным серебристыми звёздными светилами, начал вукрывать Бог Ночного Неба Дый, и, задумавшись, злобно в так, вусмехнулси. Представив себе як вmale... сувсем вmale стануть страшиться его силы усе энти людишечки, живущие там унизу, оставшиеся у тама позадь него.

И тогда же смело шагнул во чёрну ту пасть пещеры, да зашлёпал уперёд тяжелехонько переставляя обессиленные, окровавленные, словно-то и не свои, а чужие ноги. Но по мере того як Крив углублялся, у пещере становилось светлее, не зане становитси светло от восходящего красна солнышка, а так будто выплывает у своём ушкуйнике Месяц серебряный. Крив содеял не овый, не десяток, а по паче шажочков так, шо яму показалось пройдёт он ту гору насквозе. Обаче немножечко опосля смог вон разглядеть да спонять, чё испускает у тот поразительный не серебряный, а голубоватый свет.

Прямо по середочке печоры, конец кыей сице и не узрел Крив, по-видимому, терялси он у дали, лежмя лёживал огромный такой валун, голубоватым светом полыхающий. Края валуна до зела насыщенно светились, перливаясь да поблескивая тягостной, отталкивающей такой, чужеродной голубизной, обжигающей, слепящей яркостью так, шо пришедшему сюды, може и незваному, беросу пришлось сомкнуть очи. И валун тот был таким мощным, здоровущим, а края его, те самые, шо светились, сотрелись искорёженными, вроде каким-то вострым орудием искромсанные, изувеченные. Оттого валуна были отколоты прямо-таки цельны куски, и у таких местах зияли, синим цветом, ямы. А кады Крив, шагнувши ближе к валуну, заглянул у одну из таких дыренций, схожих со приглубой, чёрной, бездонной пропастью, показалось ему, чё понесло его у ту бездну... Закружилась у няго головушка, затряслось тело, застонала душенька и увидел глупый берос пред собой пекельный мир ЧерноБоже. А у том мире гуляеть злобна метелица, вьюжить, осыпает она души грешников ударами колючих льдинок, обжигающе хлёстають их черны спинушки долгие плети дасуней, и раздаются крики громкие... громкие на вопли звериные похожие.

Стремительно Крив подался назад, глубоко задышал, да отёр трясущейся дланью своо сухое лицо. Не желал он пужаться того, чаво узрел, чаво ждало егось опосля смёртушки. Жёлал, будто безумец, тока одного... силы... силы такой... такой, абы усе боялись, страшились его... Да куды ж кривой Крив тебе ищё страшиться, вже и так ты не усякому люб будешь... чаво жёлаетшь? чаво просишь? одумайси!

У да не слухаеть Крив, ни Бога красна солнышка Ра, ни самого ЧерноБоже, шо пужал ево чрез эвонту бездну, ни ны с вами.

И як токмо он подалси назад, словно вынырнув из той ужасной бездны, узрел Крив, чё осколок того камня не просто светиться, перливаясь да поблескивая, он ащё и дышит... Тихонечко сице, едва заметно делает он вздох, а мгновение спустя выдох, и слышитси беросу, особенно кады камень выдыхаеть, еле различимый звук: «охфу... охфу... охфу». Тяперича содрогнулси усем телом Крив, а душа евось и вовсе звонко подвыла, подобно дикому волку во тёмну ноченьку, липкий, тягучий пот покрыл голу кожу спины, да точно облизал жидки волосенки на главе, когды увидел он прямо посторонь камня большой молот с чорной, деревянной рукоятью. У длину тот молот достигал локтя два и имел вельми гладкую, без усяких там трещинок, заусенцев, рукоять, коя крепко на крепко была вставлена в отверстие такой же чёрной, жёлезной головки, бойники которой казали плоский вид. И кады камень издавал, выдыхаючи, то самое охфу, на чёрной головке молота вспыхивало мельчайшее крошево серебристого цвета, да в лад с энтим охфу загораясь... тухло, подыгрывая тому дыханию валуна.

Крив чуток умиротворившись, уговаривая собя, шо пужаться ничаво не стоит, после тогоь чё преодолел, обозрел не тока камень да молот, но и саму печеру, освещаемую энтим холодным, голубоватым светом. Да углядел он, шо и стены, и пол, и свод туто-ва были каменными и гладкими, будто, прежде чем принесть сюды валун зачурованный, Пан долзе трудилси над эвонтой пештерой, прорубая у ней проходь да стараясь придать тому месту ровненький, дивный такой вид. Крив ащё маленечко помедлил, може усё ж пугаясь, а може лишь оглядывая печеру, засим ступил уперёд и наклонившись над молотом, крепко ухватил ту изумительну рукоять, да со трудом, поохивая поднял.

Занеже молот был до зела тяжелёхонек, ужось верно не меньше пуда весил, а можеть и поболее, кто ж знаить?... Окромя Пана, судя по сему, никто и не знает. Да може и Пан то не ведал... Он же торопилси ворогов беросам настругать, оттогоь и не померил скока у том молоте весу было-то... Ну, да мы не о том...

Крив же сподняв тот молот надсадно застонал. Вестимо почему, он же был худым с малу-лества, да сице недорослем и осталси, а кады во путь отправилси вже и сусем исхудал. А посему вздев молот, закачалси из стороны у сторону, оно як стукнуть по камню сил ужотко и не осталось.

Обаче, Крив стока преодолел ради этого удара, и ден мог он чичас уступить своей телесной немощи? Ясно дело не мог, а поелику он поборол дрожание своо измученного тела, занёс молот над головой и ощутил, аки мотнуло туды-сюды то злобно орудие, и вкупе с ним кинуло и самого Крива... справа налево... Одначе, не вобращая внимания на у то шатание, зашептал, пока ащё, берос дрожащим голосом прошение к Верховному Богу-Держателю мира Нави: «О! ЧерноБоже! Ты, Властитель Сивера, Холода! Бог Зла, Лжи, Несчастья, Ненависти, Тьмы! Повелитель Усех Демонов, Дасуней, Чорных Колдунов, Болестей, Хворей, Страданий, Мучений! Противник БелБога и Вышних Асуров, Ясуней, отрицающий их бытие! Ты вечный Мрак и Лёд! Пачуй мене человека, речёного именем Крив, шо значить идущий по шляху Кривды, вечного ворога Правды и даруй мене силы таки, кааб кожны видя меня человек ли, дух ли, зверь ли пужалси той силы, а страшась подчинялси! Силой твоей о Верховный Бог-Держатель Тьмы даруй мене владеть, а взамен энтой силы отдаю я тебе своу бессмертну душу! Да буде як!»

Прошептал то прошение Крив, а тяжёленький молот сувсем накренилси влево, оно как, по-видимому, энтов глупый замухрышка не намногось больче весил того мрачного орудия. Хотел было Крив ужось и вдарить молотом по камешку, да нежданно услышал тако явственное: «охфу». Резво повернул берос голову у бок.

И то хорошо, молвлю я вам, шо он был не из пужливых, аки Пан. И хотя дрогнул молот у занесенных над главой руках, да подогнулись ноги у коленях, смог усё ж Крив его вудержать и не уронить на своу жалку, глупу головёшку.

Зане у там с правого бока, озаряемое голубым светом камня, стояло чудище. Росту оно було здоровенного, вжесь втреть превышая в высоту энтого недоросля Крива, шо припёрси у печору с таким дурным... не хорошим жёланием. Чудище то было такое же, як и берос худобитое, казалось кожу сразу натянули на кости, не дав времячка обрасти им мяцом, ужо я не гутарю про жирок. Кости, угловато-серые просвечивались, да проступали скрезь энту кожу, коя цвета была то ли серого, то ли бурого, оно сразу у таком свете-то и не разберешь. До колена у существа были покрытые густой шерстью козлины ноги, а взамест плюсн вострые раздвоенные копыта, голова ж его поросла черными, лохматыми волосами так, шо лика не було видать сувсем. Из макушки евойной торчали вверх боляхные, удлиненные с заостренными кончиками уши, усё время беспокойно шевелящиеся. Само чудище було нагим, лишь бедра евойны прикрывала ободранная, местами и вовсе облезлая, шкура барана. Существо нежданно-негаданно, громко вздохнув, издало то самое: «охфу». И на Крива, хотя вон и сам не оченно хорошо пах, дохнуло чуждым, дурманящим, нечистым духом. Молот у руках бероса ащё раз качнулси, потомуй как ноне Крив смог разглядеть, шо лицо энтого, ей-ей, вуродца, и не было прикрыто волосьями. Оно и вовсе не находилось, аки усех живых существ на голове, а почему-то поместилось на груди... Вот! Вот! так-таки на груди, а с другой стороны чаво ищё ожидать от их создателя, энтого трусливого, козлоного Пана, в самом-то деле.

Да и лицо-то було таким не удачным, ужось не то, абы оно было страшным, а ежели точней безобразным... Обаче, наверное, луче коли б евонтого лица и вовсе не було... Пушай бы несчастный панывич, а энто як понятно, вон самый и был, дитё значит Пана Виевича... ужо б и сувсем не имел лица. И не возникало оно не на голове, не на груди... Занеже то чё находилось на груди было не лицом, да и не звериной мордой... а сице одной страхолюдностью.

Два ока болотного цвета, вылезали из глазниц. И те самы круглы болотны зрачки, как бы еле заметно топорщившись, отходили от глаз и словно на каких-то рдяно-чорных, тонких сучках мотылялись взадь... вперёд. Вроде як выкатываясь из глазницы, а морг опосля сызноа у неё закатываясь. Нос его был похожим на пятак свиной и также выпирал уперёд, образуя нещечко в виде короткой звериной морды, а занамест рта находилась ужасна чёрная дыра, с рваными краями губ.

Оно тяперича ясно, отчего так Пан их испужалси... Каку ж душу тако вуродство не устрашить?.. Вже надобно быть али смелым, али безумным, шоб не устрашиться панывичей.

Но наш Крив, он-то таким и был, смелым да безумным, поелику смог тот самый тяжёлый молот удержатъ. А панывич продолжал тяхонечко стоять и разглядывать своими выкаты-вающимися глазами человека. Малеша погода издав то самое: «охфу», он унезапно произнёс человеческим, бероским говором, обаче усё ж чуток мекая, будто козёл: «Отец... ме... Ты пришел ме... ме... дать нам повеление ме... ме... Мы готовы ево висполнить ме... ме...».

И абие, кажись прямо из гладких, ровных стен пештеры выступили панывичи. И усё такие же вуродливые, худобые, высокие, козлоногие (то верно им дар от Пана), с волосатыми, кудлатыми главами и дюже безобразными лицами на груди. Они зараз тревожно задёрпали ушами да задвигали поросячьими пятаками.

«Отец... ме... ме... Отец... ме... ме...» – заголосили панывичи вубрадовшись, да признав у том иссохшем человекке каку-то родню.

И пещера сей сиг наполнилась непереносимо противным бляением да запахом чужеродного, тёмного народа.

Оттого запаха, а може от бляенья молот у руках Крива дрогнул... Дрогнули его худы, измождённы руки, подогнулись они у локтях, и немедля чёрное орудие ЧерноБоже полетело у сторону валуна. В самое последне мгновение, кады молот почитай достиг, почитай коснулси своим плоским бойником поверхности зачурованного, светящегося холодным светом, камня, Крив успел зычно кликнуть: «Хай буде так!». Будто ищё раз утверждая свой худой сговор с ЧерноБоже и перьдачу у евойно владение своей души... душонки... душоночки...

И тады же раздалси громкий удар, посем послышалси какой-то звенящий звук, може то разбилося у дребезги усё светлое, шо вложили у эвонтого бероса его предки. Молот выскочил из рук Крива, да впал на пол пештеры, а из валуна вылетело крошево голубого камня, ринулось оно у стоявшего человекка, да воткнулось у егось жалку плоть, располосовав кожу, впившись у само мясо, и без задержу растворившись, впитавшись у той самой красной юшке.

И як тока те волшебны крупинки, бывшие кадай-то осколком камушка, лежащего века у Пекле да впитавшего у себя зло и тьму того мира, а до энтого бывшего частью самого Алатырь-камня, Центра знаний о Бел Свете, на коем высечены Законы Сварожьи, рассосались во кровушке глупого мальчишки Крива, сице у тот же миг стала менять кожа и юшка егойна цветъ, стал меняться и он сам. Оно як сила злобная не просто заберёт твоу душу, даруя силы такие... каковые усё страшиться начнутъ. Оно как сила злобная изменить тебе телесно превратив во чудовище такое... кое узрев громко замекав, испужались сами уродцы панывичи.

Эх!..Эх!...Эх!... Думай, человекек чаво просишь, чаво жёлаешь... Думай о чём мечтаешь, занеже энто прошение, жёлание аль мечта исполнитси могётъ!..

Эт... добре, скажу я вам, шо отец Величка не дожил до евонтого страшного дня, кады его сын, самый последний, поскрёбышек, махоточка, зернятко... превратилси у тако мерзко, злобно страшилище!

Глава первая. Купалов День

Беросы, аки усякий вольный, трудолюбивый люд до зела любили праздники. Ведь усе они, энти праздники, были связаны с вековыми обычаями их народа, перьдающимися от отца к сыну, от матери к дочери. И хранили вони у себе усё то, шо кадый-то было спущано аль подарено Асуром Вышней и Велесом, а посеуму напитано духом да юшкой бероских предков.

И, верно, Купалов День был водним из самых вясёлых праздников у свободолюбивых беросов, меже собой оный ласковенько именовали они Иванушкиным. Праздновалси он у ноченьку с двадцать первого на двадцать второе кресеня, первого летнего месяца, когда на Бел Свете наступал самый длинный день, да сама коротенька ночь. Солнцеворотом кликали ащё тот праздник, ибо с эвонтой ночки солнце делало повороть и день шёл на убыль.

Евонто был не просто светлый и весёлый праздник, но и самый чудной. Потомуй как у энту ноченьку огонь и вода, две столь отличные, усё время меж собой противодействующие, силы, объединялись, сливаясь во едино начало и любили друг друга, подтверждая необходимость жизни водного и иного.

По бероским преданиям у энту саму коротку ноченьку у Асура Огня Семаргла, шо стоять во тёмных небесах сберегая Бел Свет от усякого Зла и напасти, да Ясуни Ночи ясноокой Купальницы, у сил Огня и Воды, родились детки Купала да Кострома, Иван да Мавка. Прознал про ту радость ЧерноБоже и послал на земли Бел Света птицу Сириин, тёмну птицу, посланницу Властителя Пекла. От головы до пояса Сириин така купава девчинка, шо глаз не можно отвести. И светла, бела её кожа, и дивны чуть кудрявы, долги, пошеничны волосья, боже-ственно сказочны черты её лика: чёрны, тонки бровушки; густы да загнуты дугой рёсницы; алы и пухлы уста да соблазнительен взор зелёных очей. Ужотко увидевши её лицо, и не заметишь, чё до пояса она несравненной красоты девица, а ниже стана птица, с огромными коричневыми крылами, пелёсыми, мощными лапами, да большущими, загнутыми к низу острыми когтьми. А кады Сириин откроеть роть, да запоёт... так туто-ва любой забудеть кто вон таков, да чей вон сын або дочь.

Прилетела та Сириин на зелёный луг, покрытый кудреватými желдами, да разноцветными цветками, и начала петь свои песни. Взмахнеть вона крылами, осыплеть луг белыми, крупинками снега, пожжёт теми холодными крохами травы, сгубить цветы. А голос ейный зачурованный издали слышен, чарующими трелями перьливайтсьи. Услышали нездешнюю песню Иван да Мавка, Купала да Кострома, и прибежали на тот лужочек. Да задравши головушки вгляделись у небесну лазурь, на ту прелестну птиченьку, заслушались тех волшебных напевов. А Сириин вопустилась ниже, ухватила крепкими когтьми мальчонку за льняну рубашоночку да унесла далече... далече во пекельный мир, иде забыл Иван, иде забыл Купала имя отца свово, да матери, забыл лицо сёстрички.

Прошло много годков со того времячка, вырос Купала, превратилси у доброго, хупавого Ясуня, да во серебрястой лодочке, усеянной мерцающими звёздами, вуплыл из мрачного Пекла... Долго ли коротко ли, а привела егось реченька к небольшой деревеньке, идеже распрекрасны, млады девчинки водили хороводы, пели песни, да смеялись. Вжесь усе девицы были упавы, белолицы и румяны, со длинными распущенными пошеничными волосьями, с ясными очами... одначе, водна из них была краше сех, а глаза ейны голубы словно вострый нож полоснули по сердцу Ивана. Узрел ту девицу Купала, не выдавший во злобном Пекле таковой чистоты да лепоты, придержал своу лодочку, притаилси, укывшись за раскидистой ивой... той самой от каковой имечком и нарёкси, оно как Иван, значить рождённый от ивы. Спряталси за тонкими, гибкими со блестящей корой ветвями покрытыми густой, курчавой зелёного цвету листвой, затаил дыхание, не сводя очей с девицы-раскрасавицы. Девоньки, меже тем, перьстав водють хороводы, принялись плесть веночки из трав, да цветов луговых, а опосля

вставили у них зажжённые лучинки, гадая о своей судьбе и пустили их во тягучи воды реченьки. И лишь плетённый, из луговых трав и цветов, венок был пущен у речушку той девой упавой, аки тут же Купала направил свою лодочку напрямёхонько к нямю, да перьклонившись, выхватил егось из водицы... Выхватил да на голову себе надел, и нарекси днесь жёнихом той девчиночки... Ужо и тянуть-то со свадебкой не стали, сыграли вмале её... А опосля той свадьбы признала мать девы Мавки, Ясуня Купальница, у жёнихе своей дочурки, собственного сыночка... сыночка Ивана Купалу.

Братец да сестрица, муж да жёна, Иван да Мавка, Купала да Кострома... бросились у реченьку со тягучими водами и вутопли... Сам Сварог-Отец Небесный, сама Лада-Богородица стенали над у той горестной судьбиной детушек Семаргла... да сжалившись обратили тела их у цветок Купала-да-Мавка... у жёлтенький цвет – Ивана, у синянькой – Кострому.

У честь тех детушек Ясуней, Купала и Костромы, и был вустроен праздник, славя не токмо их самих, но и их светлых родителей Асуров Семаргла и Купальницы. Почитая и славя силы Огня и Воды, силы без коих неть и не могло быть жизни у Бел Свете.

Посему у ночь на Купала жгли беросы костры очищающие, по бережинам рек. Околот них плясали, водили хороводы, символ солнца красного, пели, вустраивали игрища, состязанья да прыгали чрез у те костры. Молоды беросы показывали тем свою удаль, очищая тело от скверны. Матеря сжигали у тех кострах рубашоночки снятые с хворых ребятушек, сице даруячи детям своим выздоровление. В энту веселу ночь, считали беросы, стыдно спать, зане можно було пропустить не тока чудесный праздник, но и ины дивны события у той ноченьки. Ведь токась на Купала мог простой человек убачить духов: домашних, оные сегда рядышком живут со людьми; водяных – тех самых, чё берегуть реки, озёра, болотца; лесных – властителей великих бероских дубрав, рощ, чащоб; земляных – повелителей пожней, еланей, степей... Тех духов, каковые с самого зачатия Бел Света обитають на земле, помогаючи, соседничая, обучая людей, тех самых каковые сыздавна состоять у воинстве самого Бога Велеса, да сынка его Асура Ярила.

У та ночь не спроста дана была беросам. Ибо у энту очищающую от скверны ноченьку, обавники – те, кые лечать травами, зельями, заговорами людей, да творять обереги, зачуры и знают, чё не усем должно ведать, собирали травушки, обладающие токмо нонече целёбными силами. Изгоняли обавники также из избёнок усяко зло... То само зло, оное подленько пробираясь, обитало у жилище, принося хозявам одну кручинушку. То само зло, оное беросы ищё кликали Злыднями. Маханька была та нежить, кругла да чорна, по виду не больше кулака. Ножки и ручки у нечисти тонки, загнуты у локотках, да коленцах, словно пауки, двигались вони у избёнке, по тельцу ихнямю раскиданы плавые булдыри. Ужось если таковой булдырь, выпирающий уперёд прозрачной каплей, лопнет, то у тот же миг по избёнке разойдетси неприятный дух чавой-то тухлого, аль сгнившего... Головы у Злыдней неть, а глаза, маненькими пятнышками вогоньков вспыхивають, кривинькими щёлочками рты раскрываюцси, испуская усё тот же дурной запах. Волоськов у них сама малость... може три... може четыре, да торчком вустремляюцси увись из макушки тела, оно как неть головёшки у нечести.

Ох! не зря беросы кличуть их Злыднями, ежели такой появитси у избёнке, так изведёт хозяев своим баловством, измучает, озорничая. Да сице, шо сам незримый хозяин-дух домашнего очага – Суседко, да его помощники Коргоруши; жёнка – Чудинка; Востуха – та ктось вухраняеть жилище от воров; Дрёма – ночной дух сна; Подполяник – тот чё живёт в подполе; Тюха Лохматая – дух следящий за хузяйством и детишками; да сам Отетя – домовый дух, работа коего сводилась к тому, абы ляниться, покидали избёнку, оставляя без присмотру и порядку разнесчастных хозяев. А в избёнке, стоило Суседко и евойным помочникам покинуть её, начинали править Злыдни, ломающие, изничтожающие домашню утварь, портящие продукты, калечущие самих хозяев, и, конча же ужасно портящие дух у жилище, распростра-

няючи тот самый отвратительный запах гниющей плоти. Оно от одного тако Злыдня из избёнки убяжишь, а коли их несколько дасуни подбросят так и вовсе жить не захочешь.

А вывести эту нежить обавники могут лишь у ночь на Ивана Купалы. Одначе, тадыличи, вже коли они их выведут, несдобровать самим Злыдням. Поджигают обавники сухи цветки Купалы-да-Мавки и окуривают избы. И тады Злыдни воспаляются от того светлого, усё очищающего, вогня Семаргла. И горять их чёрны тела, кривы, тонки, загнуты у локотках, да коленцах, ножки и ручонки, их волосёнки... три, аль четыре. Бегут они из жилища, из деревеньки, из Бел Света... бегут, летят... сломя круглого свого тельца, прямёхонько во пекельный мир, прямёхонько к тем дасуням, которые их и послали зло творить да людев простых изводить. Оно тадысь верно те дасуни им не дюже рады. Потомуй как Огонь Семаргла шибко прижигает усё зло, не тока Злыдней, но и самих дасуней!... жгуче им от того Огня Божественного!

А ащё в энту ночь расцветал Жар-цвет, так именовали беросы растение, у которого разрезанный побег листа выходил из земли и разворачивал свой зелёный стебель. Растет Жар-цвет у лесах, любит влажны земли, густы, непроходимы чащобы. Да цветёт, гутаритси у байках, он лишь два раза в году. Первый раз, во первом зимнем, холодном месяце на двадцать второе снежаня, в саму длинну ночь у году. И кады распускаетси, да зелёны листоньки разворачивает, да Жар-цвета лепесточки раскрывает, кажет лежащего во маковке, такусенького малюсенького, точно зернятко Бога Крышню сынка Вышни... Начинает с той ноченьки расти Крышня, а сообща с ним растит и день деньской. У ночь же на двадцать второе кресеня Крышня станет сувсем большеным. Жар-цвет цветёт токмо мгновение, а после увядает, и вкупе с ним начинается вменьшатси Крышня, да день деньской... Беросы молвят, чё ежели увидет тот чудный Жар-цвет, да ащё и Крышню, быть тебе смелым и доблестным воином, заступником бероской земли.

Оттогось мальчонки, да отроки желяючи испытать своу долюшку, да приобрести ту доблесть ночами на Иванушку ищут во лесах тот цвет. И покуда старши братья, сёстры, отцы, матери, деды, бабки не видят али тока делают вид, шо не видят, уходят во тёмны, наполнены духами дубравы и бродят во надежде разыскать то чудо чудное Жар-цвет, да получить ту смелость, доблесть воина и заступника.

Вот и Борил энтой ноченькой шел искать тот цвет... Жар-цвет... Он-то ничем не отличалси от своих сверстников, робяток, отроков двенадцати-тринадцати годков... Хотя неть! отличалси, был он и выше, и крепче своих ровесников, да оно и понятно почему. У него во роду усе были богатырьми... и отец, и дед, и прадед, и старши братцы... а вже он и вовсе удалси, такой славный мальчоночка. Глянешь на него и сразу не дашь ему евойны двенадцать годков... Скажешь, чё пареньку тому леть пятнадцать не меньше... такой крепенький вон был, будто гриб-боровичок, в объчем истинный берос. И имя ему отец ладное выбрал да дал – Борил, значало оно борящийся. Да и сам егось отец борцом был, не раз хаживал со ножом на медведя, будучи тем ищё крепышом. Токмо два годка вже минуло як помер он. Зимой на него медведь-шатун напал... ужотко бился... бился Воила (так его величали) да верно стар стал... Ведмедя одолел, обаче и сам вельми покалеченным домой возварнулси, и аки обавник не старалси ему помочь да излечить, вскорости почил.

Помер значить...

Но опосля собя деток оставил жить... И детушек тех было много... одиннадцать ребятушек, сынков четверо: двое старшеньких Пересвет и Соловей, да двое младших Борил и Млад, а меже ними, братьями, поместилось ищё семь сёстриц.

И к тому времени, як начилси энтов сказ про Борила, и старши братцы, и усе семь сестриц вжесь семьями обзавелись... семьями да детками. Тока у младшей сёстры, той кыя на четыре годка была старче Борилки, деток пока не було, занеже вона весной, во первом месяце во соковике, замуж вышла, да ушла жить в своу избёнку, шо деревенский люд зараз поставил для

молодой семьи. И днесь Борил, Млад да матушка жили у семье Пересвета и его жёнушки Златы, уж дюже у неё волосья были распрекрасного цвета, такого редро-жёлтого. У них тады четверо девчущечек росло, да усе раскрасавицы были, як и их матушка, с такими же точно златыми волосами. Пересвет, аки старший, токмо и мог братцам заменить отца. Да вон был добрым, светлым таким, николиже ни шумел попусту, ни гикал, а меньшого Младушку и вовсе баловал, понимаючи, шо мальчоночке без отца худо.

И нонешней ноченькой, як и иные робятки, Борил да Млад, ему недавно восемь лет миновало, да был он, аки можно понять и пониже, и похудей старшего братца, искали у лесу Жар-цвет...

– И, шо... каков он энтов Жар-цвет? – спросил Млад у Борила, вон шел след у след за старчим братцем во темной ночи по лесу.

Мерцающие во чорном небушке звёздны светила посылали серебристо-голубой свет, пробивающийся сквозе густы кроны деревьев, и блёкло освещали то чернолесье. Плотной стеной виднелси окресть мрачный, словно чужой лес, в котором росли всяки могутны со крепкими, да мощными у обхвате стволами дерева: дубы, липы, вязы и каштаны. Казалось он энтов гай был живым и тихонько поглядывал, скрезь ветви да листву, на шагающих робят, почитай не издаваючи звуков. Под ногами братцев лишь изредка хрустнет лежащий сучок-отросток аль еле слышно идей-то высоко у ветвях дерева ухнуть бородата неясуть да округлив свои, и без того круглы, глазищи, блянёт пужающе их лучистым светом на мальчишечек.

– Каков, каков, – негромко вымолвил Борила, идущий уперед со светочом во руках, иде на длинной рукояти был укреплен пучок веток пропитанный смолой, полыхающий ярким пламенем, освещая себе и брату торенку во тёмной дубраве. – Як же егось знает, Младушка, каков вон... его ж не так-то лягко сыскать. Ты, чё думаешь егось усяк могёт зреть? Ан, неть! Не усяк... Он энтов Жар-цвет не кажится абы кому, а тока тому кто во душе своей несёт смелость, кто подобен нашему Асуру Вышне, и ничавось ни страшитси... ни пужаитси.

– А ты пужаишьси? – прошептал Млад.

Да тут же остановилси, опасливо оглянулси назад... Он упервые пробиралси во том лесу ночью и уж, правду бачить, оченно боялси, страшилси и пужалси, одначе, пред таким смелым старшим братцем, каким был Борилка, стыдилси не только о том калякать, но, и, то казать. А посему шёл позадь него и часточко сице, абы Борила не видал, озиралси и также часто зрел у там за спиной высоких великанов... то ли велетов, то ли мамаев, ужо то не можно вбыло разобрать. Они протягивали ко няму свои длинны, древовидны руки и кажись костлявы персты. Они зыркали на негось огромными кумачовыми светящими очами, раскрывали здоровуци рты, заполненные острыми, будто лезвие ножа, зубами какого-то бурого цвету, а по их гладкой поверхности тёлка униз густа, кровава слюна... Инолды Младу, ано, чудилось, аки громко чавкають те велеты, або мамаи, и хлюпають, може сглатывая таких же як и вон робятишек.

Вух! испуганно выдыхал из себе Младушка и нагоняя братца вжималси в его широку спину, вздрагивал усем тельцем. Борил оборачивалси, ласковенько улыбалси и приподняв светоч, обводил им дубравушку, и тадыличи Млад глубоко вдыхал, видя предь собой лишь дерева мощные да красивые точно богатыри. Лес был тих и спокоен... впрочем, инде до робят долетали песни, говор да тихие звуки погудки, шо наигрывали на кугиклах, жалейки, свирели, рожке и варганах люди из их деревеньки, каковые там за чернолесьем и реченькой, праздновали и славили Купалову ноченьку.

– Неть, – мгновение спустя ответил Борил брату. – Я не страшусь и ты не боись... Занеже неможно беросу бояться, то стыдно братец... Да и таче ежели ты у душу свову разочек пустишь тот страх. Вон у тама и поселитси, пустит ростки, и ты егось Младушка отнуду не выковоришь, не вырвешь и будет он век твоей душеньке вуказывать.

Вмале братья миновали высокий лиственный гай, под каковым окормя тонкой, вихрастой травы да низеньких, плятущихся кустиков ожина ещё речённой ежовой ягодой, за востры

колодки, покрывающие те стебли, ничавось не стлалось и вышли во чистый лесок, иде под невысокой ольхой с чёрно-бурой корой, во влажной оземи и густой поросли трав хоронилси Жар-цвет. Борил шёл медленно так, шоб меньшей братец поспевал за ним, и не пугалси, а тот явно трусовато тулилси к спине старшого, намереваяся в случае вопасности укрытьси за ней.

– А, шо? – опять загутарил Млад, абы хоть реченькой изгнать тот страх из души. – Почему балабонять, что Крышня у том цвете таится, он же Бог, сын самого Вышни.

– Ну, энто так калякають, для красна словечка, – ответствовал Борил и опустив светоч ко самой землице разглядел чуюток топку почву под ногами, настолько сыру, чё у ней словно во болотце утопали босы ноги. – Для красна словца так сказывают... Оно як с двадцать второго снежаня, ночь начинается укорачиватьси, а день супротив ростит... Эвонто поворот природы с лютой зимушки на вёсну и лето, обещание тепла и пробуждение матушки-землицы. Поелику и кажут, чё Крышня наш тоже растёт. А с двадцать второго кресеня, кады на Бел Свете сама коротка ночь... усё меняется и ноне короче будять становиться день, а ночь ростит. И вкупе со днём, светом уменьшаетси добро, уменьшаетси кабы власть Крышни. Ожидает берос прихода холода, овсени и зимушки, да готовится к ней... – Борилка миг медлил, а посем паче тихим голосом, будто страшась напужать Жар-цвет, аль духов, продолжил, – он, Асур Крышня, сын самого Вышни и Майи Богини, шо явилась у Бел Свет из цветка чудного. Кады Крышня родилси, он принёс у Бел Свет людям Звёздную книгу, у каковой заключена уся мудрость, знания, обычаи и вера наша в Асуров. Засим Крышня победил ЧерноБоже, оный обрушил на земли Бел Света холода и льды, оный вукрал усё... усё тепло и вогонь... сице-то. Посему не токмо беросы, но и иные людски племяна стали гибнуть. Тадысь наш Крышня воседлал свово богатырского коня... с белой гривой, долгой... долгой, развевающейси по ветру да стелющейси по небушку, а у ней поблескивали, перьливались звёзды ясные, звёзды золотые, чё из самого Вырай-саду. Сам-то конь тоже бел, и хвост у няго белый, а копыта золотые, из очей пламя пышит, из ноздрей дым столбом валить... Ужотко такой расчудесный конь был, шо не опишешь евось усей зачурованности. Прилётел на том коне Крышня к чеврую дальнего моря-окияна, да сразилси с ЧерноБоже. Победил егось зло пожирающее Бел Свет, изогнал усех демонов и дасуней, а опосля возвернул людям тёпло и вогонь. Оттогось беросы и почитают Крышню, каковой и знания нам подарил, и от смерти спас.

Борил закончив свой сказ, смолк, да тот же миг остановилси, зане увидал упреди в скользкой тьме мелькнувший золотистый лепесток, похожий на лоскуток пламени. Млад, шагающий позади, прямо-таки налетел на старшого братца и испуганно спросил:

– Чавось?

– Показалось... чавой-то блиснуло упреди, – произнёс взволнованным голосом Борилка и взгляделси удаль. – Постоишь тут-ва со светочём, али я ево загушу? Оно як Жар-цвет не покажитси, коли у тебе во руках огонь.

– Нет! Нет! не туши! – встревожено и поспешно кликнул Млад да протянул руку к светочу. – Нут-ка, я подержу... да постою тутась, а ты сам сходи, глянь-ка. Може те то просто чудилось.

– Добре, – согласно молвил старший братец кумекая, чё Млад боитси, и развернувшись перьдал ему светоч. – Ты, тут-ва стой, ни куды ни ходь... А коли, чё я тебе позову... сице ты у тот же миг туши огонь, да бяги ко мне, вразумел?

– Вразумел, – произнёс Млад принимая светоч, и немедля принялся озираться, озаряючи тем веским вугнем усё окресть себе, стараяся изгнать полыхающим светом весь страх из зарослей леска, да из своей душеньки.

А Борил, который в отличие от свово меньшого брата ничавось не боялси, уже смело потопал дальче... тудыкась, иде яму померещилси блиснувший золотистый лепесток пламени. Чем дальче продвигалси Борилка тем паче труднее приходилось ему шагать, сыра оземь под

ногами превратилась у вязкое болотистое месиво и каждый раз утопая почти по колено, мальчик прямо-таки выдёргивал, вытаскивая ноги из этой грязной жижи.

– А... а... а..! – нежданно весьма звонко раздалось позади няго, то гикал Млад.

– Чё... чё? – также громко кликнул Борил и повернув голову, глянул на стоящего со светочём младшего брата.

Тока днесь Младушка не стоял, а судя по мерцанию движущегося пламени, вулепётывал, туды откедова братья пришли... туды у сторону реченьки и деревеньки.

– Погодь! Погодь! – загамил меньшому братцу во след Борилка, вже сожалеючи, шо вуставил там егось водного, да сожалеючи, шо и вобче взял с собой.

Но Млад, то було видно по медленно затухающему свету светоча, не слышал старшего брата и оченно скоро уносил ноги, из энтих топких, мрачных мест.

– Ах, ты?! – разучарованно и обеспокоенно молвил Борил, пытаясь вытащить застрявши у топкой грязи ноги.

Но ноги яму не подчинялись, не жёлая покидать облюбанных ими мест. Малец ащё малеша вглядывалси у тёмну ноченьку, следуя взглядом за младчим братом, который прерывисто освещал свой путь вспышками жёлто-рыжего пламени светоча. Кады ж эвонтов свет померк окончательно, он резко повертал свой стан и подавшись уперёд, согнулси да опёрси правой рукой о штой-то твёрдое, по-видимому, об оземь, а левой ухватилси за каки-то крепкие ветви кустарничка. И, не мешкая, резво да бойко выдярнул праву, а опосля леву ногу и шагнул впредь, иде аки вон, правильно догадилси была плотна земляца. Борилка встал на твёрду почву и выпрямилси.

Глава вторая. Жар-цвет

И стояло Бореньке испрямитси як абие прямо пред собой увидал мальчик тонкий эластического цвета стебель, который был свёрнут, наподобие поразительно закрученной улитки, и покоился на земле прячась у густой листве Жар-цвета. Лишь Борила на него взглянул, як тутась же принялся он разворачиваться, подымаясь увыспрь и устремляя туды же своу могучу похожу на яйцо головку золотого цвета. Это чудно соцветие, впрочем аки и сам стебель, дюже быстро росли, а внегда стебель поравнялся со лицом отрока, растение на маленько замерло... Чуток же погода вельми медленно, подобно набухающей ранней вясной почке на веточке, стал раздаваться у сторону, расширяясь во серёдке. Вспучивалась и сама удлиненна, яйцеподобна головка соцветья во серёдке. Унезапно послышалась тихая игра на скрипке, така тихая... тихая... едва слышимая. Засим энту мелодию подхватила балалайка, жалейка, свирель и наконец зазвучал глухой голос варгана, того самого музыкального вунструмента, каковой вёл своо имячко от Бога Сварога, сварганившего Бел Свет, да и сам варган. Миг спустя Борилка уловил тончайший аромат мёда, пыльцы и цветущей вёсной пятилепестковой маткиной души, кою ищё величали пахучей фиалкой. Жар-цвет издал слабо различимую трель, и на его цветущей, усё дотоль сомкнутой, золотой поверхности появилось восемь тонких, точно разрезавших головку, нитей. И тогды смыкающие цветок удлиненны концы лепестков дрогнули, да принялись отделяться друг от дружки, неторопливо разворачиваясь и распрямляясь.

Мальчуган, лицезреющий за у тем несравненным действием, отступил назад, бояся навредить раскрывающемуся Жар-цвету, один из лепестков кыего отворялся у его направлении. Лепестки неторопливо расставались, расходились у стороны и Борила видал, аки ярко озаряя околот ольхову кулигу раскрывалси изумительный, таинственный цвет. А у того цвета были смаглые язычковы лепёстки, испускающие злато-солнечный свет, и крупна корзинка унутри, белого цвета. В ширшину Жар-цвет достигал не меньше маховой сажени, на егось лепестки приходилось по два локтя длины, а усё востальное составляла та сама корзинка, оная будто б покатым бугром вылезала увысь, вроде як тут же разрастаясь уширь. Кадыка лепестки полностью распрямились, вытянулись и у таком положении застыли, да наигрыш музыкальных вунструментов стих, окресть наступила торжественна тишь. Лес нежданно наполнилси запахом цветов, а вверх во далёко небо, покрытое звёздными светилами, прямо из серёдки корзинки выбившись, вылётел мощный белый столп света. Он был таким ярым, таким слепящим, чё от того нестерпимогу сияния Борила поспешно сомкнул очи, и ано подняв руки, прикрыл дланями лицо. Но вжесь чрез мгновение, мальчик вуслыхал рокотанье небес, словно зачиналась гроза, и Бог Перун рассыпал гром и молнии в вышине, а посем звучный, выразительно-мужественный голос, молвил:

– Борил, сын Воила, открой очи!

Мальчоночка абие отворил свои крупны, зелены с карими брызгами, глаза, и, задравши голову, уставилси на того, кто гутарил, да отступил назад, абы сподручней було обозреть говорившего. И тады на белой, покатои корзиночке Жар-цвета, в прозрачно-светящемся, белым светом, тумане, он узрел Бога. То без усякого сумления был сам Асур Крышня, высокий, крепкий и ужотко зрелый годками Бог. Он был красив, той мужественной, божественной красотой какава свойственна усему светлому и чистому. У Бога была бела кожа лица и рук, светлопошеничные почти ковыльного цвета волосья, оные озарялись восьмиконечной, солнечной звёздой сверкающей над его главой да раскидывающей тот свет вкруг няго. Высокий лоб и малость широковатый, як усех беросов нос, алые полные губы и тёмно-голубые очи, такие точно сотришь ты удаль на летне высоко небушко любуясь егось голубизной. Асур был одет у белы тонки штаны да лёгку, белу рубаху, расшитую по вороту и низу, таку прозрачну, чё зрелось его налитое мощью тело. Рубаха пущенная на выпуск була опоясана красно-златым

плетёным поясом, а на ногах Крышни имелись красны сапоги с тонкими, кручёными шнурками упереди, шоб крепко обхватить голень. Асур смотрел на отрока и улыбалси, да сияли не токмо евойны уста, но и тёмно-голубые очи... И сам он увесь дивно светилси и кожа лица, и рук озарялась, тем изумительным, светлым и чистым, белым светом.

– Борил, сын Воила, – усё тем же звучным, мужественным голосом сказал Крышня. – Зачем ты пришел в лес в ночь на Купала, что ты искал тут?

– Я... я... я, – заплетающимся от волнения и восхищения языком пролепетал мальчик, стараясь справиться с собой и опустив главу, едва заметно поклонилси Богу. А засим наново зекнул прямо у лико Крышни, да вяще бодрым голосом загутарил, – я причёл у лес, абы сыскать Жар-цвет и стать смелым и доблестным воином.

– Смелым и доблестным, – протянул Асур и качнул своей божественной головой, а вкупе с ней заколыхалася из стороны у сторону сияющая светом звезда. – Но если ты мечтаешь стать доблестным воином должен ты биться тогда за народ. Должен отвагой да кровью своей доказать смелость и любовь к беросам, к земле своей, к вере своей. Так лишь мальчик, можно добиться доблести... Затем ли ты пришёл сюда?

– Я люблю мой народь, – тихонько буркнул отрок и отвел очи от сияющего лика Бога, тока ноне скумекав чё искать доблесть воина надоть не у Жар-цвета, а у сечи со ворогом земли родной.

– Молодец, – широко вулыбаясь, довольно откликнулся Крышня, сиче будто прочитал мысли мальчугана. – Значит, ты, понимаешь теперь, что старшие беросы: деды, отцы, братья отправляя вас отроков в лес, в ночь на Ивана Купалы не ждуть, что вы найдете распустившийся Жар-цвет, а ждуть они от вас другого. Того, что души ваши пройдя ночной лес окрепнут, сердца ваши наполнятся силой и тогда таким беросам юношам ничего не будет страшно: ни люди, ни духи, ни силы зла, кружащие извечно подле детей Бога Вышни.

– Да, – согласно изрёк Борилка и тряхнул своими светло-пшеничными волосьми такой же длины до плеч, як и у Крышни, токась чуток потемней, чем у Асура. – Тяперича я скумекал, чё доблесть вона придёт у душу и сердце твое ежели ты выдворишь отнуду страх!

– Правильно Борил, правильно ты говоришь и мыслишь, – вельми мягонько похвалил Бог мальчика, да улыбка сбёжала с евойных губ.

Крышня опустилси на присядки, и почитай, шо заглянул у смугло-округлое лицо отрока. Испытующе возрилси у егось крупны, зелёны с карими брызгами очи, широковатый нос с тупым кончиком, нежно-алые уста, с узкой верхней и боле широкой нижней, да продолжил:

– Я давно за тобой приглядываю Борил и вижу какой ты смелый, храбрый и светлый отрок, внутри тебя живет чистая отважная душа, и бьётся любящее сердце. Сила твоя не только в ладной фигуре, в широких плечах, она живет в тебе самом... И доблесть тебе не зачем было искать тут, потому как она всегда с тобой... была, есть и будет мальчик! Поэтому-то я и пришёл сегодня к тебе... пришёл, потому как беросам грозит беда, опасность, а может и гибель.

– Бёда... вупасность... гибель, – встревоженно вторил Асуру мальчонка и вперилси у оза-ряемые светом очи Бога увидав у них тревогу.

– Да, Борил, беда, опасность и гибель, – вздыхаючи подтвердил Крышня, и мальчишечка узрел аки у поразительных тёмно-голубых глазах Бога затрепетали тёмны тучи, кавкой-то неведомой для поющих у там за реченькой беросов, напасти. – Всех... всех... беросов коснётся та бедушка, не обойдет она ни одной деревеньки, ни одного града... И та беда, то не люди которых бероские воины всегда осилят, ту беду можно осилить лишь силой Ясуней, да человеческой доблестью. И сила та и доблесть должна сойтись в одном человеке, который сможет своей неукротимой волей победить то зло.

– Эх!... Да як же сиче... як, – растревожилси Борилка и засунув персты правой рученьки у густы волосья принялси беспокойно их теребить.

– Да, Борилушка, только такой человек сможет победить зло... – произнёс Асур и надсадно выдохнул и тады ж вырвалси из уст евойных лёгонький, теплешенький ветерок, нежно обдавший растрепавши волосёнки мальчугана у тем дуновеньем, а лицо Бога помрачнело и казалось, шо и звезда евойна солнечна вроде як померкла, и ужось не вузаряла усё окресть своим чарующим светом. – Это зло, что идет на земли бероские, создал человек, потому только человеку... беросу его и победить... И ты, Борил, я уверен, тот самый человек и берос, кто это сможет сделать.

– Я? – удивленно протянул отрок. – Но як же сиче... я ж сувсем мал ащё... мальчонка я, – Борилка на миг задумалси, а опосля добавил, – як конча не пужаюсь и коли ты вялишь поду биться с эвонтим злом. Тока ден неть паче достойных, чем я, простой бероский мальчик?

– Нет... более достойных нет, – вдругорядь улыбаясь пояснил Крышня, и покачал вутрицательно головой. – Ты сюда пришел один, брат твой меньшей убёг, стоило лесному духу показать свои очи... Да и другие робята идут с факелами, или ватагами так, что духи и звери от этого шума и гама сами разбегаются... Ты оказался самым достойным, смелым и отважным, и я уверен то, что предстоит тебе выполнить, можно преодолеть лишь с таким духом как у тебя Борил.

– Ох, Асур Крышня... – прерывисто задышав, точно пужаясь такой сурьёзности возложенной на его, и на малеша ано перьстав терebить волосы, замерши, взволнованно скузал малец. – Просто я ащё отрок, юн я.

Крышня поднялси с присядок, встал у полный рост, отчегось еле заметно колыхнулась его прозрачно-белая рубаха и златисты лепестки Жар-цвета, да оглядев мальчоночку с эвонтой высоты, отвечивал:

– Что ж, Борил, враг твой не намного старше тебя. Но в тебе есть то, что нет в других мальчиках, юношах и мужах. Это есть у твоих братьев, но они не пришли в чернолесье сегодня. Да и исполнить то, что выпадает на этой стежке, сможешь лишь ты... Ты не юноша, но уже и не дитя... отрок... Ты пришедший в ночь на Купала в лес и нашедший Жар-цвет, имеющий доблестное сердце и храбрую душу можешь вкусить силу Ясуней из рук Бога и пройдя той тропой, победить зло!.. Но, ты, Борилушка можешь отказаться, если не желаешь или страшишься идти, я неволить не стану, то той выбор, твой овринг... и если ты его изберешь, этот путь будет трудным и опасным. Решайся, мальчик, Жар-цвет не может цвести вечно, его жизнь краткая и скоро она закончится!

Борил пристально глазел у лико свово Бога, а услыхав его молвь, задумалси, и зане Крышня смолк и наступила то самое торжественное отишье, нежданно очень ясно различил позадь собя тихое уханье неясити... А сиг спустя такое же тихое, едва слышимое стрекотание сверчка, хруст ломаемой ветки, словно от чьяво-то не восторожного шага. Ночной ветерок, легохонький и приветливый, донес до него запах леса: сырой, перепревшей листвы; сладких ягодь; свежесть плёска родниковой водицы. Засим вон вуслыхал радостны песни жителей деревеньки: шёпоток гадающих о судьбине крутобёдрых девиц; звонкий смех, налитых силой и молодостью, парней; недовольный плач потревожённных детушок; да глухи удары бубна...

Он услышал волю и счастье свово народа, своей зёмли!

Ту волю и то счастье, оное како-то зло жёлало вунничтожить, пожрать, погубить...

И возвращаясь к яви, взгляделси у очи свово Бога, да громко молвил:

– Да, Асур Крышня, я готов избрать энту стёжку... И коли ты гутаришь, шо токмо я могу спомочь мому народу, сиче я согласен ступить на тот овринг и шагать по няму!

– Молодец, Борил! – радостным гласом выдохнул Бог, и слегка склонил голову у бок. – Но прежде чем ты скажешь мне окончательно, да! Я должен поведать тебе о том, куда ты направляешься.

Мальчишечка не сводя взору с лица Асура, поспешно кивнул, выражая тем свово согласие, и тадыличи Крышня стал калякать, чё торенка Борилкина проляжеть сквозе могутны

леса, да болотны земли у дальний град Торонец, иде кады-тось, много веков, заключенным у оземь, поросший мхами стоямя стоял Бог Индра. У тех местах, осторонь того Торонца хранитси во глубокой рытвине меч великого Асура, оброненный им опосля бою. Тот меч и должон добыть отрок. Лишь тем мячом можно победить злобно чудище, шо ступаеть своими ножищами с панывичами ко пределам бероских земель, мечтающее изничтожить и покорить вольный, светлый люд Вышни.

– Но кха... кха, – поперхнулси мальчик и от вуслышанного кашлянул. – Тот град Торонец, як же до него добратьси... стёженьки у той я не ведаю, да и овый ден смогу до няго дойтить?

– Дорогу тебе будут указывать, те кто придет на помощь, – сказал Асур, и звезда над головой егось стала полыхать шибутней, разгораяся, точно костерок, осыпаячи околот себе свет. – А дойти туда тебе помогут воины из рати ваяводы Мстибога, что старшинствует в граде Гарки, недалеко от вашей деревеньки. Обавник ваш деревенский... Жаворонок, слышит и видит наш с тобой разговор, только он так испугался, что и не смеет подойти ко мне, притаился за деревцем ольхи, вжался в него всем телом. Он тебя к ваяводе и ответет, то мною ему поручено будет, – Бог нежданно прервал свой сказ и отвёл взгляд, от зеленых с карими брызгами, очей отрока да посотрел позадь няго прямо у чёрну глубь леса, обращаясь к обавнику, – Жаворонок, – дюже зычно загутарил вон. – Ты слышал мое повеление... отведешь Борила. – Раздалси тихий испуганный верезг и хруст ломаемых ветвей, а Крышня задорно засмеявшись, зыркнул на мальчонку и отметил, – видишь, как взволновался ваш обавник, ноги его не удержали, голова закружилась, упал он на оземь... Ну, да ничего скоро оклемается, подымится!

Борилка узрев як загреготал Крышня, и сам посветлев, вулыбнулси да бодрым голосом закалякал:

– Ну, ежели мене помогут дойтить до Торонца... то я гутарю тады – да!... Готов я иттить у те дальни земли, готов добыть энтов меч, а опосля... опосля...

– А после вступить в бой с панывичами и тем злом, что идет на земли беросов? – поспрашал Крышня, он вжесь перьстал смеяться и ано вулыбаться, и тяперича сотрел строго, вроде як вубеждаясь у правильности свово выбора.

Асур малёхо подалси уперёд, и будто б наклонилси над мальцом сице, шо закачалси Жар-цвет. Закачалси медленно и неторопливо... узадь да перёд... право да лево... тудыли да сюдыли. И посыпались с няго к долу такусенькие малюсенькие пылинки златой россыпи, покрываючи зелёны листы и землю вкруг светозарным сиянием.

– Да, – чуть тише ответил Борилка, и голос егось саму кроху дрогнул. – И опосля вступить у сечу с эвонтим злом, – отрок глубоко задышал и уставившись во глубоки, будто небеса очи Асура спросил, – а смогу ли я то зло победить. То с каковым придётся вступить мене у брань?

– Не мне надобно говорить, а всем... всем вам, – негромко прокалякал Бог и вутрицательно качнув головой, поднял руку да убрал светло-пошеничный, почитай ковыльный локон волос, вулавший на евойно бело личико. – Того я не знаю... не знаю Борил... удасться ли вам... вам всем победить то зло. Я даже не знаю удасться ли тебе дойти до Торонца, удасться ли преодолеть все трудности и напасти лежащие на той стёжке. Про ту стёжку, что нынче ты быть может, пожелаешь выбрать, ведает лишь Небесная Мати Богиня Макошь, которая высоко во Небесной Сварге, в своих простых деревянных чертогах похожих на бероские избёнки, со своими подручницами Долей и Недолей, напрялала для тебя... волоконце твоей судьбы... Она спрялала, а Доля и Недоля завязали на ней узелки, добрые и злые, да смотали в крошечный, точно зернятко клубочек... Ей Макоши уже ведомо, но мне Асуру, который, как и все Боги, люди и живые существа подчиняются её воли, мне неизвестно победит ли в том бою Добро или Зло. Мне даже неизвестно захочешь ли ты пойти. Ведь выбор того или иного пути остается всегда за живыми существами, а не за Богами. Я могу лишь обещать тебе помощь. Всё остальное нынче и позже лишь в твоих руках, в твоём желании уберечь свой народ, в силе твоей души и твоего духа. И коли ты Борил пришёл искать ноне, здесь доблесть и удел воина, защитника

и заступника, то теперь перед тобой начертан тот овринг... где можно найти то, что искал ты. А идти по нему или нет, это только тебе одному решать и только тебе делать тот выбор.

– Тадысь... тадысь Асур Крышня, – изрёк мальчик, и обратной стороной пясти отёр лицо, будто кожа у там покрылась теми самыми пылинками золотой россыпи, каковые опадаючи с лепестков Жар-цвета покрывали земляшку солнечным сиянием. – Не могу я отказаться... занеже хоть я и мал... Може ищё и не так разумен як старши, а токмо оченно люблю я бероский люд, своих братцев, сёстричек, матушку, сродников, земляков, соплеменников. И не хочу я, абы иссяк у нас вольный дух предков, не жёлаю, абы кой-то своими злобными ножищами топтал мою землю, мой отчий край. А посему гутарю я тебе Бог мой, сын мово Бога... – Борилка на капелюшку замер, набрал уполну грудь воздуха вроде как собираясь нырнуть у речку, да громко добавил, – гутарю я да! И то да! будять последне, и слову своему я не изменю... николиже!

– Значит я не ошибся в тебе, Борилушка, – вельми тихо молвил Крышня и со тёплой посотрел на мальчоночку, словно любовалси родным сыночком, самым дорогим и милым сёрдцу отцовскому.

Асур смолк, а по его губам блуждала кака-то чудна светящаяся улыбка, от него у разны стороны исходила така приветливость, каковая наполняла Борилку смелостью и уверенностью у собственных силах. Бог ащё маненечко молчал, созерцая отрока, а посем кивнул, и, наклонившись над белой корзиночкой на которой стоял, протянувши руку, вырвал из края, из округлой дуги коей выходил золотистый лепесток, крошечное зёрнышко схожее с пошеничным. Крышня неторопливо опустилси на корточки да протянул его на раскрытой ладони, испещренной множеством тонких, глубоких и извилистых борозд, мальчику. Борилка шагнул ближе и поглядел на вытянуту руку, на раскрытой длани которой лёжало семечко, точь-в-точь як пошенично зерно, токась золотого цвета и при том лучисто пыхающее светом. Отрок осторожно, двумя пальцами правой руки, поял у то зернышко и отвёдя очи от длани Бога, вопрошающе посмотрел на негось.

– Положи это зерно силы Ясуней в рот и проглоти, – отвечивал на немой вопрос Крышня и подбадривающе потрянул головой сиче, чё кудерка егось ковыльных, осеняемых светом восьмиконечной звёзды, волосьев сызнава впала на лицо, на малеша прикрыв право око Бога.

Одначе, Асур мотнул головой и прядка медленно подлетев увясь вярнулси ко своим братцам таким же як и вон светло-пшеничным волосам.

Борилка открыл рот и положил зернышко на язык, да тут-ва вже ощутил приятно-сладковатый вкус, точно на языке ураз оказались крупны ягоды спёлой малины да россыпь цветочной пыльцы. Он недолзе удерживал зернышко на языке, а после, порывисто выдохнув, сглотнул его. И тады же изнутри усё евойно тело загорелось, запылало. Да не токмо рот, горло, жёлудок, но сугрелась и вспламенилась уся егось юшка, наполнились тем ражим жаром голова, руки, ноги. Ащё чуток и энто золото сияние проступило наружу, будто выпляснувшись с под кожи, воно покрыло полностью и тело, и волосья, и надетые на мальце рубаху, штаны, пояс. Теперича Борилка был сам словно Жар-цвет и яро блистал поразительным, золотым сиянием, а опосля также нежданно свет стал гаснуть. Тока гас он дюже мудрёно... Спервоначалу свет покинул тело, волосья и одёжу отрока, и на сиг завис у виде густой пелены посторонь мальчишечки, засим вопустилси на оземь и упиталси у то место покрытое низкими, плятущимися желдами. И лишь он исчерпалси, Борилка ошарашенно глянул на Крышню, а тот, подымаяся с присядок, да испрамяючи свой крепкий стан, и, не сводя взору с мальчика, пробалабонил:

– Борилушка, так как ты не струсил, не отказалси идти по трудной стёжке, по которой не всякий муж пожелает и сможет пройти, помни... к тебе будут приходить на выручку все те, кто входит в воинство Асура Велеса. Поэтому не страшись ступать по тому оврингу, будь смел и храбр, и тогда доблесть живущая в твоей душе, вместе с силой Ясуней, что в зернышке

проглотил ты нынче, поможет преодолеть все трудности и напасти! И еще Борилушка, тело твое – человеческое, плоть тленна и силу божественную Ясуней, сможет она держать в себе и владеть ей лишь до двадцать второго кресеня. В эту самую короткую ночь она иссякнет, также как пропал сейчас туман витавший подле тебя... До того срока ты должен выполнить предначертанное тебе и победить зло! Торопись Борил, потому как зло уже в пути!

Крышня замолчал, посотрел на мальчоночку прощальным взглядом, таким шо Борилки стало не по себе, и упервые за двенадцать годков угруди евойной чавой-то раздулось сице, чё стало муторно дышать. А Асур кивнув, напоследях расплылся у улыбке, и тады ж у очи мальчика будто из приоткрывшегося рта Бога вдарил густой белый луч света. Он ослепил мальчишке глаза, отчевось тот поспешно сомкнул их и увидел у черной мгле як закружились затейны, солнечны жёрнова. Послышалось рокотанье далёких небес, подобно зачинающийся грозе, внегда Бог Перун рассыпает гром и молнии у той вышине, легохонький ветерок приподнял увыспрь волосья Борилы и несильно подул ему у лицо. И кадысь от энтого слабенького дуновения мальчонка открыл очи ужо и не было пред ним ни Асура Крышни, ни распутившегося Жарцвета, токмо едва помахивало, своими разрезанными на много частей, листьями растеньице. Отрок оглядел впереди себя стелющуюся тёмну ольховую рощицу, иде окромя разбросанных на травушке, крошек зеленоватых, поблескивающих светлячков ничавось не було видно. Медленно вздел голову и вперилси глазами у чёрное, ночное небо, усыпанное масенькими, звёздными светилами, напоминающими их земных братцев светлячков и задумалси, переворошивая свову встречу с Богом да говорок. Унезапно позадь няго, чавой-то зычно хрустнуло, верно полومانна надвое ветвь. Мальчик порывчато обернулси и в эвонтой темнеди явственно узрел, усега лишь в нескольких шагах от себе, словно парящих над у той грязевой жигой, по каковой недавно пробиралси сам, двух духов. Токмо мигахватило Борилке, абы безошибочно признать тех о ком много раз слыхивал усяких разных баек.

Днесь предь ним, во усей красе и силе предстали дедушки: Водяной да Лесовик.

Овий, тот, кого величают владыкой реки Суж, на берегу оной и стояла их деревенька, был не высоким, и коли в Борилке имелось росту почитай два аршина и пять, аль чуток паче вершков, то и Водяной был не намногось его нижей. Телом вон походил на мужа, да тока було оно каким-то голубо-прозрачным, будто тякуща водица. Увесь дедушка распух, раздалси у ширь, а животь его низким взгорьем выпирал уперёд, от обилия той воды коя плёскалась унутри иноредь слышалось бульканье да капель. Лицо водяного было похоже на стариковское, и як тело тоже разбухло, сами чёрты евойного лика малость ано растёклись, хотя и у таком размазанном виде сохранили и морщинки, и старчески вуставшую ужимку. Нос его, одутловатый, зелёного цвета, занимал прилично место на лике и несильно загораживал очи, да нависал боляхной шишкой над выпученными впредь и сложенными у дуду зеленоватыми устами, кые тяхонечко плямкали. Малюсенькие болотны глазоньки утопли у глубине вроде как бездонных глазниц, их было почти невозможно узреть, так вони были в малы. Зелёные, долгие волосы, доходили до пояса, и така же длинна и зелёна брада да усы касалась оземи, волосья каковых, спутанные промеж собой да перылетённые тёмно-бурыми водорослями, усплошь были усеяны крученными водными улитками. Борода чуток сдвинулась у бочину и Борила, проследив за нею до низу, увидел, чё концы ейны вцепилися за какой-то низянький кустарничек. Взамест кистей и перстов у водяного были лягушачьи перепончатые лапы, а на голове аки знак Бога Велеса и символ дарованной власти находилися больши загнуты рога тура. Водяной дедушка стоял на двух ногах, потомуи как у ночь на Купала водяно воинство Велеса обзаводилось ножищами. Обаче, зане у воде у негось, там иде нонче, гляделись разбухши ножищи, усё прочее времечко помещался одутлый рыбий хвост, то стоял он на тех ногах не уверенно, покачиваяся из стороны у сторону, а абы не впасть опиралси правой перепончатой лапой на поросль ольхи.

Иной дух, величаемый дедушка Лесовик, был вельми высоким и росту верно у нем имелось не мнее косовой сажени, со стороны чудилось у то возвышалси не дух, а деревце дубочка.

На главе дедушки находились ветвистые олени рога, знак правителя над лесной братью. Тело его, руки и ноги, плотно покрытые корой дубовой, были даже изогнутыми, словно сучковатые ветви дуба.

Бородушка и волосья Лесовика, зелёно-бурого цвета, косматыми лишайниками, спадали на грудь, а крупные карие, с еле заметной жёлтизной, очи глядели по-доброму, рот похожий на зелёную веточку изгибался, явно улыбаясь мальчонке.

Духи, главенствующие у лесу и воде, стояли молча, и сотрели на Борилу, сияя и будто приглядываясь ко няму, немного погодя они кивнули у знак приветствия, смекнув, шо отрок их видеть, и похоже энтому обрадовались... Обаче, Борилка от таковой нежданной встречи был маненько ошарашен. Духи явно пришли поздаровкаться с Асуром Крышной и видели, чё произошло, оттого и не спяшили покидать место встречи, вроде собираясь чавой-то бачить мальчику.

Но потрясённый случившемся отрок на чуть-чуть словно онемел, и, не смея гутарить токась молчаливо да с любопытством лицезрел духов. Не понимая отчавось у такой-то темине вон столь хорошо видал и духов, и сам лес, и усе невысокие деревца ольхи, с её чёрно-бурой корой покрытой продольными трещинками, и листья Жар-Цвета. А зыркнув малешенько управо смог, рассмотреть и недвижно лёжащего на земле, прям под ольхой обавника Жаворонка, пожилому мужа со тёмно-пшеничными до плеч волосами, короткой не густой, такого ж цвету, бородой и вусами, припорошенных седыми ниточками волосьев. Мальчик, глубоко вздохнув и подавляя волнение у груди зычным голосом обратился к ожидавшим приветствия духам:

– Здраве будете дедко Лесовик и дедко Водяной, вечны духи, защитники лесов и водной глади! – и склонил главу у знак уваженья.

И у тот же морг духи ожили, послышались булькающие звуки, словно тякущей, поиграющей каплями водицы да не менее громкий скрип ломаемых ветвей. И дедушка Лесовик склонил свою голову сице, чё мощны олени рога, кажись прочёртили полосы у воздухе, засим вон стремительно выпрямился, и глядячи прямо у очи отрока, проскрипел в ответ:

– Приветствуем тебе Борил, сын Воила! У ночь на Купала мы, як старши своих родов, пришли сюды, абы склонить головы предь Богом Крышной, прибывшем к нам у раскрывшемся Жар-цвете, а посему мы слыхали о чём ты калякал с Асуром, и вызнали, чаво предстоить исполнить тебе отрок. Ведаем мы чё нонче выбрал ты свою стёжку у тудыличи во град Торонец, к мечу великого Бога Индры, абы сберечь бероский люд о той нежити топающей ко землям нашим... Той коя потерявши образ человеческий превратилася у злобно-мерзкое чудище, ступающе сообща с паньвичами, да вбирающее во себя и иные не менее жестоки племена. И занеже твоя торенка весьма трудна... трудна и вопасна... Мы старчи из духов воинства Велеса и евойного сынка Ярилы жёлаем одарить тебе знаком... Символом Асура Велеса какой будет беречь, сохраняючи тебе у той стёженьке!

Дедушка Лесовик смолк, и тады к няму пошатываясь на своих отёкших, некрепких ногах приблизилси дедушка Водяной, и, качнувшись, споднял голову, взглянув во лицо владыки лесов. И кадась Лесовик едва заметно кивнул, оба старшин у роду духов, немедлячи вытянули уперёд свои руки: овый сучковаты ветви, с кривинькими отростками занамест пальцев, а другой лягушачьи перепончаты лапы. И кажный из духов шёпнул чавой-то на своих: скрипящем и булькающем языках, да легохонько дунули у сторону безмолвно стоящего мальчоночки. И единожды из рук духов вылетели зелёны и голубы потоки лучистого света, первы из ветвей Лесовика, вторы из лап Водяного. Вони направились у стороницу мальчишечки, да у полёте смешались, единившись в обчий тонкий зелёно-голубой луч свету, который вдарил пряменько у грудь Борилкину, как раз у то местечко, идеже громко... громко стучить евойно сёрдечко возвещая о том, чё отрок живой и здоровый. Луч прожёт белый холст рубахи насквозе и коснулси кожи, и чичас же почувствовал мальчик, будто ласково окатила его тельце капля воды,

да также нежно огладила, тонка вѣточка с трепещущим листочком. А свет, оторвавшись от рук духов вже увесь вошёл, впиталси у кожу, и точно утоп у ней, поглощенный ейным смуглым цветом. И тады же, як тока эвонтов луч впиталси в отрока, на смуглой поверхности кожи появилси символ Бога Велеса с устремленными вверх двумя лучами. Велес учитель и скотий Бог, энто он великой своей силой привёл у Бел Свет, творенный Родом и Сварогом, движение... Он заставил дню сменятси ночью, весне летом, овсени зимушкой... Эвонто вон внёс у Бел Свет дыхание, а посему стал дышать и сам мир дольний, и сами люди, звери, растеньица, духи... А символ его, своими востремленными увесь лучами, учить людей борясь, преодолеваючи усе выпавши трудности, напасти и бѣды... учить он ценить приобретенну радость и счастье от той борьбы!

Символ Велеса продолжал слегка теплиться голубоватыми полосками, и прожѣнна рубашонка казала Бориле тот великий знак движения и дыхания Бел Света. Малец резвенько протянул перста, раздвинул разорванны лоскуты холста, и дотронулси до няго, воштуив нежно покалывание кожи. Свет ищѣ миг поблѣскивал, а после и вовсе потух, напитаив своей лучистостью сам символ приобретший зелѣно-голубой цвет. И тадысь отрок оторвал очи от знака Велеса и благодарно воззрилси на духов, а те словно того и ждали, опустив руки униз, проскрипели и пробулькали враз:

– Пуцай энтог знак сберегаеть тебе у твоюм дальнем путѣшестве! И нехай стѣжка... начертанная предь тобою, приведеть тя и тех кто последуеть за тобою тока к побѣде! Потомуй как помни Борилушка... мы духи из воинства Велеса и его сынка Ярилы будѣм жить, коль жавѣть лес и воды, почитаемы и уважаемы вашим вольным народом бероским! У добрый путь тебе мальчоночка!

Дедушка Лесовик и дедушка Водяной закончили калякать и низенько поклонились отроку так, шо их могутны, большущи рога, символ дарованной власти наново прорезали воздух, отчагось послышалси слабенький звук свиста. Борилка тот же миг оторвал пальцы от знака Велеса, склонив главу у ответь, и произнёс со усем уважением:

– Благодарствую за дар ваш, свѣтлы духи!

А духи вжесь разворачивались да неспешно покидали место встречи, гулко плюхая по грязевой жижи, чѣ наполняла ту оземь. Первым вушел дедушка Лесовик, напоследок до зела ласковенько ослабившись мальчику. Он широко перьступив своим длинющими ножищами, во несколько шагов перьмахнул ту жижу, да вошёл у чернолесье, и будто бы вукрылси за одним из ражих стволов каштана. Дедушка Водяной уходил паче медлительно, и, покачиваясь на плохо слушающихся ногах, старалси не увязнуть у водице, шо выступала под егось стопами. Пройдя почитай усѣ болотистое месиво, он нежданно вустановилси на краю энтой жижи... да взмахнул своими лягушачьими лапами-руками, и сей сиг с няго схлынула униз вода. Вона упала столпом на оземь и впиталася у неѣ, выбросив увьспрь лишь боляхны пузыреваты капли воды, на кои свѣрху шлѣпнулись те самы рога тура. Бородища да волосья ссыпались рядышком и вобратились у пухлую подуку мха, а мгновение спустя и рога утопли у энтой тѣмно-бурой, почти чѣрной жижи.

И як тока духи вушли Борилка вуслыхал тихое постанывающее: «а... а... а», энто, повидимому, пришѣл у себе обавник. Отрок резво сорвалси с места и побѣг на стон Жаворонка.

Пожилой обавник лёжал под ольхой на землюшке, егось растрепанны, покрывающие оземь волоса покоились и на сырой почве, и на зелѣных листьях Жар-цвета, а карие, слегка блѣклы от прожитых на Бел Свете годков, очи испуганно вылупились на мальчишечку, стоило тому приблизитси... Совсем малеша вон ажно не признавал Борилу, и встревоженно дрыгнув руками, да ногами, прижал длани к сердцу, желая егось зашѣтити, но чуток опосля вызнав в мальчонке свою, протяжно выдохнул и ужотко вяще спокойней посотрел яму у лицо. Жаворонок приподнялси на локте и вперилси глазьми у то место идеже распускалси Жар-цвет... Обаче, не узрев там ничавось окромя тѣмени и ольховых деревьев, вдругорядь надсадно

застонал, точно перьживаючи чёй-то дюже неприятно аль просто волнительно, и повалилси на землю, уронив главу прямо у листву Жар-цвета.

Борилка тревожась за обавника опустилси на корточки обок него, и заглянул ему у очи, а тот продолжая стонать враз закряхтел и негромко, пужливо спросил:

– Кхы... кхы... то был сон?

– Сон? – перьспросил мальчик и отрицательно качнув головой. – Ты дедко Жаворонок гутаришь про приход Асура Крышни и у то порученьи каковое он тебе дал? Так то неть!.. то был не сон, то було взаправду!

– Вох... – тяжелёхонько протянул обавник и поспешно сомкнул свои глазёнки.

Да, тут же подумал, чё надоть було и вовсе не ходить у энту часть гая, занеже оно и не хотелось, да и отродясь тут ничаво путного не сбиралось из трав... Нонче же будто ктой-то его своими сучковатыми ветвями, або руками подталкивал сюды, а тяперича... Обаче, после, Жаворонок припомнил, як бачил Крышня об вопасности, оная грозить евойному народу и о том поручении, каковое велел исполнить... А ищё он подумал о той стёжке, шо предстояло преодолеть мальчонке Борилке, чё б спасти беросов... И хотя он дюже вспужалси, но зане во душе был истинным беросом и любил свой родный люд, то абие отворил очи и начал подыматься с земли-матушки, абы исполнить то, чавось було положено Богом выполнить яму, обавнику Жаворонку!

Глава третья. У Гарки

Когда старши братья Борилы: Пересвет и Соловей, да старшина деревни Гойко прознали про то, чаво прилучилось у ночь на Купала с мальчишкой, про явление Бога Крышни и про вупасность каковой подвергайтси их народ, то ужо вельми вони задумались... Занеже были они взрослыми мужами, имели жинок, деток, а старшина и подавно внуков, усе ладно да крепко дёржали во руках топоры, дубины, луки, умели орать землю, сеять и жать будучи оралами, хлебопашцами, и никак нё могли спонять – почаму из усей деревни, да и вобче из усею людя бероского выбрал и доверил столь трудно порученье Крышня отроку оному едва минуло двенадцать годков... Ну, а то, чё Борилка могуч у теле и храбр энто ничегось не означало, ведь предстоит мальчоночке дойти до самогу града Торонца, о коем хоть и гутарять байки, а видывать никтось николи ни видывал... По у тем байкам выходило, шо у том граде вжесь много вяков никтой-то и нё жил, тот град был мёртвым, и идеже пряталси неведомо. А то, шо Борила знает куды итить надоть, ищё паче изумительным кавзалось... изумительным и непонятным.

Долзе думкали Пересвет, Соловей и Гойко не знаючи чё свёршить. Ну, и зане дюже торопил их малец, чуя, верно, душенькой своей идущу на беросов бедоньку, да ведая, шо сила Ясуней исчерпаема и дарёна яму токмо до зимушки, а пожилой, пужливый обавник Жаворонк поддакивая, поддёрживал Борилу. То было обговорено направить поутру двадцать третьего кресеня Жаворонка и Борилку у супровожденье вельми разумногу Соловья к ваяводе Мстибогу у град Гарки. И ужотко пушай тама сам ваявода и порядить, чаво дельть и як поступать, на то вон и старшина Гарок, да близлежащих ко нему бероских деревень. Матушке Белуне старши братцы столковались ни чё покудова, ни сказывать, бояся её растревожить да взволновать.

А посему ранним утром взяв сноповозку, да впрягши во неё коней Пересвета, сложив у котомку (о том позаботилась Злата) одёжу для отрока, лук, и туло со стрелами закрываемое сверху крышкой, нарочно от непогоды для дальнего пути приспособленное, Соловей, Жаворонк и Борила направились у Гарки. Он-то энтов град лежмя лёжал от ихней деревеньки недалече, и ко вечёру до него добратси можно было, потому-то и вутправились утречком, абы до темну поспеть.

Борилка сидывал у сноповозке, с невысокими деревянными бортами, да усланной соломой дном, и грустно поглядывал назад. Потому-то как там воставалась егойна деревушка, меньшой братец, с которым николиже не расставалси и на прощание, оного, спящего, поцёловал во пошеничны, растрепавшия волосики, свётлы таки, выгоревшия от ярых солнечных лучиков... Востались у там Пересвет, сёстрички и матушка... там воставалась прежняя, беззаботна ево жизнь...

А упреди проглядывало, чтой-то может и доблестное, но до зела вупасное... тако, шо мог преодолеть почему-то лишь вон...

Вон Борила, простой бероский мальчишка, шо у ночь на Купала ня струсил, дошёл до Жар-цвета. Нё дал слабины разглядываючи духов, отчагось, верно, и получил символ Бога Велеса, узрев который и братцы, и Гойко, и обавник, на како-то времечко онёмели. Опосля ж обозрев, ощупав пёрстами, единожды закивали, суглашаяся, отпустить по у той труднянькой стёжке мальчика.

А Борилка хоть и не пужалси иттить по тому оврингу, а усё ж, углубине своей ащё детской души, страшилси и той неизведанной торенки, шо лёжала предь ним, и того мёртвого града Торонца, и конешно того зла, с каковым придетси посем сразиться мечом.

И як же вобче тем мячом битси? Як?... Коли николи у руках его не дёржал. Ну, топором, луком он мог вуправлятси, а мечом... Как бится ежели николиже и не видывал его – энтов меч. Оно как у сечу со мячом йдут ваяводы, да воины из рати, а деревенским беросам вон...

тот меч, без надобности, у них во любой заварушке у руках топоры будут, по силе и моще не уступаючи ни какому другому ворудию. Топоры да може комлясты дубины, деревянные срубленны со дуба, вяза аль берёзоньки, сдѣланные из комлевой части древа, самой крепкой... обтѣсанные для лёгкости, в наверхние которых инолда набивалися гвозди.

Усе те думы, возникшие у егось головушке попозжа... многось попозжей того, аки он проглотил зернышко Ясуней, весьма мучали мальчончку. И поелику он со тоской глядел тудысь назад, на уменьшающуюся будто тающу деревеньку. Постепенно и вовсе заслонимую вставшими у полный рость богатырского виду деревьями, поместившимися со двух сторон от ездовой полосы, и тяперича образовавшимися сплошну поросль чернолесья.

Дорога, по каковой трюхала сноповозка у Гарки, была не дюже ездовитой потомуй как люд деревенский не часточко, а точнее оченно редко колесили по ней. И пролѣгла вона сквозе густы зелены нивы, в них кадый-то давно прорубили просеку и вышли предки Борилки, Жаворонка и других жителей их деревеньки к реке Суж, да основали у там свово поселение. Нонче деревнюшка ихняя стала большенькой, и людишек у ней тоже значительно прибавилося, сотри сиче дело дальче пойдѣть и будеть там увскорести град.

Ну, а може и не будеть...

Занеже вельми почитаютъ беросы раздолье, оно як Бог и Отец их Вышня – Асур простора, и коли деревенских скученность та поджимать зачнѣть, уйдуть млады мужи, прихватив своих жѣнок, да диток. Прорубятъ вони ищѣ идей-то просеку, да може не водну, выйдуть ко новой реченьке, к излучине ейной и обоснують там ново поселение, кое наяркуть каким-нить светлым имячком: Красно, Раменье, Журавка, Озѣры, Броды, Берѣзы, а може сиче як прежде звалась их деревнюшка – Купяны... Ну, чавось нынче о том мерекать, да балобонить, чичас сказ ведѣм мы о Борилушке.

Мальчик сидючи у сноповозке, которой правил Соловей негромко гутарящий с Жаворонком, сотрел на дерева, будто и впрямь унаследовавших своу мощь от огромных велетов, живших давным-давно на землях Бел Света. Сотрел на дубы, каштаны да вязы, на паче низкорослы, обаче, не мнее упавые липовы дерева со такой нежной, серой корой, прорезанной по поверхности крупными трѣщинами, бороздами да глубокими щѣрбинами. У тем дубравушкам на смѣну вставали белы, стройно-прекрасные березняки, засим не мнее расчудесные со светло-зелѣноватой корой осинники, и нежданно-негаданно махонистой полосой подымалось красноелесье с растущей тама елью, пихтой да сосной. Лес, таковой замечательный, дарующий бытие деревьям, птице, зверью и усякому вяще мелкому жужжаще-порхающему, ползающему существу, жил своей поразительной жистью... И Борилка сглотнувший силу Ясуней усю ту жизнь днесь мог распрекрасно лицезреть... И приметил вон идей-то, дюже далѣко, заросли малины и бродящего посторонь няѣ, неторопливо перьступающего с лапы на лапу, ражего, бурого медведя, разглядывающего те колки древовидны побегу у поисках поспевшей ягоды. А може у то ведмедь просто прогуливалси у своих землях, оно як малине у кресене вельми ранѣхонько ищѣ поспеть. Малинка вона конча могѣть ащѣ налиться кумачовостью во втором летнем месяце – липене, но саму силу да сласть наберѣть лишь у последнем – жнивени месяце, не раньче... О том ведал не тока отрок узревший медведя, но и сам житель лесной и, верно, смурной заяц, со длинными вушами, притаившейся во густо поросших стѣблях малины, не понимающий чаво туту-ва бродить энтов ведмедь. А чуток позжее, совсем близѣхонько, вроде як за первым, ну може вторым рядѣем сосенок мальчонка узрел нежданно вынырнувшу из глубокой норы, точно с под оземи, рыжу мать лисицу. Негромко фыркнув, вона загнала лисят, деток, казавших свои чѣрны носы наружу, обратно у нору, а сама затаилася, вслушиваясь у лес, словив своими чуткими вушами тихо ржанье лошадей и людской говор.

Борил конешно засегда хорошо видал, но то як зрел он нонче, не просто удивляло, а ужось весьма евось радовало. И вон понимал, чѣ тако дивно зренье, возможность видеть утак далѣко, утак ладно, да ищѣ и зреть духов, Асуров – энто усѣ благодаря тому зѣрнышку

силы Ясуней. Посему гляючи на живых существ Бел Света, во светлой его душе появлялася уверенность, кья вселяла у него сувсем недетску могутность. Отчагось скоренько стало легче дышать, да, и мысли о покинутой деревеньке, паче не обжигали егось смелое, бодро стучащее у груди сёрдечко.

Легохонький ветерочек, у то верно Догода, Бог Летнего ветра, сын СтриБога и его жинки Немизы, растрепал длинны, пошеничны волосья Борилки, и кажись нежно огладил по щёке придавая у тем самым жёлание шагать уперёд, ни страшась, ни пужаясь, ничавошеньки. Не пужаясь даже разлуки со близкими и дальними сродниками: с Младушкой, старшими братцами, сёстрицами, матушкой, малыми племяшками, со усей многочисленной роднёй.

Ко полудню сноповозка выкатила из хвойного бора да поехала скрезь луговину, поросшу усё ищё зелёными желдами, кое-где правда вжесь желтеющими от жарко-припекающего красна солнышка. Во широком том перелесье, притаившись у зелени трав, помахивали едущим в дальню торенку путникам: масенькие головушки белоцвета величаемого девичник, ромашка, солнечник, ворожка, белюшка; метельчаты марные, аль розовые цвётки материнки; стоящие да будто оберегающие окраины ездвой полосы бледно-голубые, червлёны колосья и кисти голубиных трав, тех самых каковые ложили у дитяткам во люлечку, носили на груди, да делали настои, абы не одулевали страшны сны. Уважали ту травеньку беросы, считая, чё зарытая ранней вёсной у поже голубина трава даст щёдрый урожай злаков.

Малец, до зела ладно играющий на кугикле, созданной из стеблей болотного камыша аль куги (ктой як кликал) разной длины да толщёны, сложенных у три вкупе, да связанных промеж собой сице, шо поднося верхни воткрыты концы у тех трубочек ко губам и дуя на край их них срезов извлекаешь тихи, нежны, и слегка свистящи звуки, поглядевши на эвонти зелёны, луговы травушки, подтянул ко себе лежащу на соломе котомку. Медленно, будто ляниво, раснуровал на ней снурки тонкие, кожные и достал оттедась наружу кугиклу, уложенную тудыличи заботливыми руками Златы, доброй и купавой жинки Пересвета. Отрок поял их у руки, и ласковенько погладил указательным пальцем сухи стебли куги, дарующей таки замечательно-прекрасные напевы, посем усё также медленно вулэгси у сноповозку, спиной прямо на суху солому, да поднеся к губам тот вунструмент принялси на нём наигрывать.

И тады ж полётела удаль по луговым бероским раздольям, по зелёным нивам вольна мелодия ветров, капель дождя, трелей соловушки, и чудилось, наполнилися и травы, и цвёты, той волюшкой и лепотой. Схоронившиися же у травушке кузнецы подхватив погудку кугиклы, начали вторить Борилки, словно не старашились ву те крохотны певуны ни злого чудища, ни самих паньвичей топающих своими ножищами ко землям бероским. Затихли Соловей и Жаворонок наслаждаясь родименьким, с малулетства знакомым наигрышем. Токмо пролетающие над мальчиком махоньки бчёлки и паче крупны шмёли, торопясь и жужжа, не вубращали на него никакого вниманья, да кони тревожно потряхиваючи хвостами, усяко мгновение, хлётско вударяючи, собя по спинам, отгоняли настырно жалующих их мух. Кони не замерли, не затихли, а продолжаючи тянуть сноповозку, еле слышно перьговаривались меж собой на лошадином языке. И казалось мальчишечке, словно калякали друг другу кони о том, як жарко припекаеть днесь Бог Ра, и ладно б було, вустановится да испить водицы у том родничке, каковой журчить недалече, прямо во леску, шо зачнётся лишь вони минуют энтovu знойну елань.

Борила, вуслыхав у тот лошадиный говор, перьстал играть на кугикле, отвел её от губ и насторожилси, наострив вуши... Но неть! кони не гутарили, они тяхонько ржали. Спервоначалу подал голос Крепыш тот, шо годками постарче и буро-серый, а опосля заржал чёрнобурый жеребец, которого Пересвет кликал Лисом, оттогось, чё вельми он походил на чёрнобурого лиса, инолды выходящего из дольного гая, и подолгу замирающего на низком, покато бугре, верно, оглядываючи с эвонтой вершины их деревушку. Крепыш и Лис явно перьговаривались, но на свовом лошадином языке и понять о чем вони калякають було неможно.

– Борилка, ты чавось перьстал играть, – спросил младшего братца Соловей и вубернувшись, по-доброму зекнул на отрока.

Соловей был ужось взрослый муж со тёмно-пошеничными волосами, курчавой короткой бородой, да такими же як и у Борилки глазами, большим носом и тонкими устами, заслоняемыми густыми вусищами, широкими плечьми, да мощными, крепкими, налитыми ядрёной силой руками.

– Да, сице, – протянул мальчик и первьёл взгляд со лица братца вустремив евось у голубу, небесну даль, без единого воблачка, чисту и схожу с очами Асура Крышни.

– Жаворонок, може перьдохнем, – произнёс Соловей, обращаясь к обавнику. – Зане минуем энтову елань, и зачнётся гай, у там уймища крыниц, а вжесь у одном така вкусна да прозрачна водица, никак ею не напьешься. Мы туды усяк раз с Пересветом заёзжаем коли нужда у Гарки бываеть трюхать.

– Неть, ня будём востунавливаться, – замотал головой Жаворонок и стал похож на коней, кои потряхивая гривой, разгоняли донимавшу их мухоту. – Нам надоть до ноченьки докатить у Гарки. Пить хошь, возьми кубыню да испей, а кони и так давеча пили, потерпеть... ужотко вони и не больно хотють пить.

– Не-а... вони хотють, – вступил у говорок мальчонка, припоминаючи як балякали меж собой кони, жёлая зайтить у лесок и напиться. – Крепыш и Лис тоже хотють пить.

И Борилка просияв вулыбкой вуставилси на солнечного Бога Ра, которого тяперича, приобретя силу Ясуней, мог зреть таким, каковым Асур и был на самом деле. Не просто светозарным впечатляющим колом, не просто солнечным жёрновом, а мощным, ражим, хотя вже и пожилым, мужем. Ра крепко сжимаючи златы поводья у руках, стоял на солнечном возу с четырьмя мельничными жёрновами заместо колёс, да высокими бортами, украшёнными сказочными рязными изображениями земель, гор, рек и озёр Бел Света, тока усё жёлто-редрым светом сияющее. Воз тянули четыре огромных пыхающих златым светом вола, нясуци мощны, чуток загнуты назад, длинны рога. Сам Бог, был оченно красив, а его тёмно-сини очи смотрели на мальчишечку сице по-доброму, шо чудилось Борилки, Асур поглядываючи на негось ласковенько ему вулыбаитси... ему... такому простому бероскому отроку... Иноредь Ра встряхивал своими златыми кудрями волосьев, и тадыличи позадь головы евойной ищё ярче загоралася восьмиконечна звёзда, точно свёрху описанная солнечным колом, символ самого Сварога. У та звёзда вспламенялася лучисто и яро, направляючи на землю-матушку свет и полудённый жар.

– Ну, ано ежели вони и хотють пить, – молвил недовольным гласом обавник. – Так пуцай терпеть... Занеже ночью ны хоть у Гарки и пустячь, потомуй как ворота там не затворяють, но ваявода ужось точнёхонько ня приметь. Ведь то ему без надобности... ны видеть.

– И то правду гутаришь, Жаворонок, – согласно закивав, отметил Соловей. – Оно надоть нам к нямю попасть, а не ему к нам. Но-но... – понудил Соловей присмиривших и будто взгрустнувших коней, оные токась появилось краснолесье, вже жёлали направить своу поступь прямо к журчащему, идей-то близёхонько родничку. Обаче, скумекав, шо поить их ня будуть возмущенно затрясли головами и обидчиво заржали.

А укачиваемый, медленно трюхающей сноповозкой, Борилка вулыбалси у ответь такому щедрому солнечному Богу Ра, и покачиваясь управо да лево, наслаждалси летним жаром, и утишившейся душой. Вмале вон сомкнул очи и задрёмал... И снились, чистому душой, мальчончке дальни грады, скрывающиеся за могутными деревянными тынами, хоронящиеся идей-то там... заоблачными далями.

Ну, а внегода малец пробудилси, Ра ужотко направил свой величественный воз ко пределу небосвода, тудысь идеже край небушка сходилси со краем зелёных пожней, лесов и лугов. Борила раскинув руки у сторону потянулси, да широко зевнув, поднялси с соломы, шо усти-

лала дно сноповозки. Вусевшись тама вудобнее вон неторопливо убрал кугиклы у раскрыту котомочку, связав её снурком и огляделси.

Сноповозка подъезжала ко Гаркам, потому как ноне повдоль ежжалой дороги, лёжали поля ржи, пошеницы, овса и гречи. В этом году весна зачилась ранёхонько и часть зёрна вже була у молочке, то есть стёбли злаков снизу пожёлтели, а верхни казали ащё зеленцу. Посему на неких полях трудились люди, вубирая то зерно у молочке, и лёжали там витые снопы, да скирды соломы, одначе, больша часть пожней покуда была не тронута и ждала свово времечка, кады злаки стануть золотого, як солнышко цвета. Там же иде задалась страда виднелись образы мужей, жён, младых парней и девиц да мёлькали пошеничны головки отроков и деток, помогающих старчим. Поля стелились удаль на много... много саженой уперёд да бока, а там идейто в отдалении, подымалися ражие, высокорослые, оберегающие не преступными стенами, те людски посеваы, лесны дубравы.

Невдолге Борила, усмотрел, оставшуюся позадь них и нямного левей, сторонь зелёноватой ветви боляхной речки, крупну деревеньку, у которой зрелось множество изб. Отрок, вытянув шею, хотел було их сосчитать, кадысь ево окликнул Соловей:

– Глянь-ка Борулушка, вон тудыличи, впрעדь, то и есть Гарки.

Малец сей же миг, развернувшись и подавшись уперёд, привстав на колени, выглянул с под плеча старшёго братца и приметил тама, кудысь вуказывал рукой Соловей, прямо за оканчивающейся пыльной ездовой полосой, огромно, сице по первому показалось Бориле, поселенье. Тот град лёжал недалече от широкой и многоводной реки Ужо, по берегу оной во множестве были разбросаны рыбацки лодочки. Несколько здоровенных ушкуев, деревянных бероских судёнышков, с узкими носами, каковыми вони прямо-таки въехали на брежину да низкими бортами, покачивалися на волнах. Бероские ушкуи во длину достигали не меньше пяти косовых саженой, а в ширину у них була уся махова сажень. На таком судёнушке не было никаких вукрытий, а у центре ровной, сплошной палубы располагалася съёмная мачта с одним косым аль прямым парусом. Также на ушкуе находилися скамьи для гребцов и мощны весла кои во любой миг приходили на смёну парусу. Град Гарки поместилси на пологом, вроде як насыпном кургане, обнесённом по колу высокими, массивными дубовыми брёвнами с заостренными и обожжёнными концами, вустремленными увыспрь. По околотку частокол вокружал глубокий ров наполненный водой, кое-где поросший кугой и рогозой. По зеленоватой, будто стоячей водице плавали дики, буроваты ути, да серы гуси. Прямо ж перед тем рвом поместились огороды, идеже градской люд растил морковь, репу, капусту, бурак. Ужо высоки, зелёны аль бордовы листки, от лёгонькогу ветерка приветственно кивали приехавшим у их град гостям.

Сноповозка беспрепятственно въехав по деревянному мосту во Гарки, миновала высоки, дубовы, двухстворчаты ворота, гладко обтесанные и укреплённые на здоровенных, поблескивающих пёглях. И опосля неспешно покатила по широченной вулочке, гулко тарахтя деревянными колёсами о колотые напополам брёвна, кыми та була выслана, абы значить вёсной и овсенью у той грязи, шо прясуща почве земель бероских не вутопнуть. По граду, с одной и другой стороны от стёжки, поместились ни чем, ни ограждённые сложенные из толстых брёвен избёнки-срубы и усяки разны постройки: сараюшки, дровники, бани, житницы, овины, сенники, конюшни, хлевы, птичники. Сами избёнки были больчей частью четырёхстенными, с одной широкой горницей, да холодными сенцами. Одначе, встречались меж них и пятистенны срубы, имеющие внутренню поперечну стену, каковая дёлила избу на две горницы. Усе избы были крыты двускатным тёсом, а в небольшие оконца вставлены бычьи пузыри аль слюда, у кого як. Проезжая, по градской улочке, Борилка видел не так много людей, занеже беросы любили труд и коль не были занёты на полях, то верно работали на огородах або у дворах. Лишь мёлькали постороннь изб, да таких же срубленных из брёвен хозяйственных построек, младши ребятёнки и приставленные к ним надзором отроковицы, а инолды из деревянной конуры, сонно потягиваяся, вылёзали собаки, низкуго росточку, да рыжего окрасу.

Они лениво позевываяючи, глядели на проезжающую, мимо их двора, сноповозку, и, потряхиваяючи головьми, трясли плетёными верёвками, оными были привязаны к своим деревянным жилищам. Открывши ротъ, Борил обозревал таку, аки ему кузалось скученность изб, построек, шо и не сразу приметил как Соловей придержал лошадей подле пятистенного сруба, бывшего жилищем ваяводы, крытого тёсом, из одного краю крыши которого, устремляясь ввысь, таращилась белёная, малёхо припорошенная сажей, каменна труба. Обок той избёнки, по праву сторону от няго, тулясь друг к дружке стояли у рядье сараюшко, житница, овин, сеник, хлев, птичник, дровник. Двери у житницу были открыты настезь и кака-то молоденька дивчиночка, неторопливо подметала там унутри, подымая вверх облака зерновой пыли, залежавшейся с прошлогу года.

Соловей, Жаворонок и Борилка слезли со сноповозки, и старший братец вукрепил поводья на толстом столбе, нарочно установленном тама для прибывающих гостей. Обавник недовольно закрихтел, и, оправив задрвшуся рубаху, молвил, обращаясь к Соловью:

– Оно, пущай Борулушка, туто-ва покеда побудеть... Покалякаем со ваяводой покамест без няго.

– Чаво сице? – вудивленно поспрашал Соловей и уставилси очами у лицо обавника.

– Чаво, чаво, – пропыхтел тот у ответь, своим густым низким голосом. – А тогось, шо вон мальчёночка сувсем... надоть ваяводу дотоль приуготовить, а то высмееть.

– Ладненько, пущай будя аки гутаришь, – изрёк Соловей. И, переведши взгляд на братца, вулыбаясь произнёс, – Борюшка побудь туто-ва.

Мальчик послушно кивнул и полез сызнава у сноповозку на прежнее место. А Соловей и Жаворонок отряхиваясь от мелких, сухих отросточков трав, приставших ко штанам, да пригладиваяючи растрепавшиеся от ёзды длинны волосы, заправляючи их за уши, направились к распахнутой двери сруба ваяводы.

Глава четвертая. Домашни духи

Борилка неотрывно слёдил очами за братцем и обавником, а внегда они пригнувши головы, вошли во тёмны широки сенцы и открыв двери пропали у самой избёнке, взволнованно вздохнул да принялси осматривать двор ваяводы: егось крепки постройки вставши у рядь; поветь – часть крытого тёсом двора, иде вже лёжала пара скирд сена и соломы. А после воззрилси на житницу, помещение, идеже хранилось зерно, мука и сухари, унутрях которого продолжала мечь пыль, поднимая её точно ветворот, отроковица, даже не вубративша внимание на прибывших. Малец недолзе глядел на ту дивчину, со двумя длинными, тонкими косичками, кои усё то времячко, шо вона наклоняясь мёла, соскальзовали со спины и скатываясь униз, стремилися впасть на пол житницы, по каковому та ступала босыми стопами. Девонька выпрямляла стан, недовольно мотала головой, и закидывала косьми на спину, а опосля сызнава принималася за свову работу. Надетая на ней бела рубаха, была обильно покрыта серо-жёлтой пылюкой... и отрок подумал, шо той девчонке, судя по сему, вельми достанитси от матушки, кады она такой замарахой явитси у избёнку.

Унезапно из пелёсо-рыжой пыли, споднятой у житнице, на двор, минуя растворёны двери, выскочил дух. То был Амбарник, дух суххраняющий хлеб у весь год от усякой напасти, птиц и зверья, частенько хохочущий, хлопающий у ладоши и таким шумом отгоняющий от хозяйского добра усех тех, кто любить поживитси на дармовщинку. Дух житницы был низкого росточку, и со трудом доходил Бориле до поясу, дюже худобый, да увесь... увесь покрытый редрой шёрсткой як, шо и неможно було узреть ни егось лика, ни чёрточёк на нём, ни даже глазиков.

Амбарник нежданно, подогнув ноженьки во коленушках, повалился на оземь упершись у неё ручонками, вставши на карачки, усем своим видом напоминаючи масеньку таку собачонку, спящу, недалече от житницы, прямо посторонь повети, да привязанную ужой к конуре. У та собачина инолды лёниво потягивалася, при том не воткрываючи очей, верно не жёлая сотреть на пришлых, лягонечко покряхтывала, али еле слышно поскуливала во сне. Амбарник, очутившись на карачках, абие замотал из туды-сюды главой, да телом, и кажись долгим, словно пожухла солома, хвостом. От нягось усе направления полётела густа рыжа пыль, котора без промедления покрыла усю землицу, окресть, своей ядрёной порошиной.

Дух же вочистившись от той пылюци, резво вскочил на ноги и Борилка не сводящий с него взору, приметил, шо Амбарник на самом деле никакой ни редрый, а жёлтенький. Узкое лицо ево и вовсе було будто человеческим, с каким-то чуть горбатеньким носиком, с яркогорящими, багряным светом, изрядными очами, и еле заметными тонкими губами. На голове у Амбарника заместо волос была уся та ж пожухла, вытянута солома, несколько волосков-отросточков торчало с подбородку. Руки и ноги тонкие, длинные, точно исхудавши аль изможденные гладом покрытые реденькой жёлтой шёрсткой, а на тело була водета кака-то коротюсенька льняна рубашонка, опоясанная блёкло-алым поясом, по-видимому, то был дар хозяев, почитаемому у беросов, Амбарнику.

Сёрдито полыхнув у сторону Борилки глазьми, дух словно кот подпрыгнул высоко вверх, во полёте развернулси, и ищё даже не приземлившись на оземь, шмыгнул сызнава у житницу, иде пыль мятённая отроковицей ужотко стояла столбом сице, чё и сувсем заслонила ту подметальщицу. Но мальчик, днесь видевший распрекрасно, зрел як делая широки шаги, верно до зела возмущённый, Амбарник подкралси к той девчущке. Он на морг замер подле неё, а засим задравши увыспрь руки, резко и зычно вдарил у длани. Раздалси оглушительный грохот, таковой будто у житницу пожаловал сам Бог Перун, метать молнии. Раскатистый гул прокатилси по амбару и выпляснувшись у двор ваяводы, кажись наполнил тем рокотанием и егось. Отчагось немедля пробудившись да громко заскуливши вубралси у свову конуру буро-рыжий

пёс. Борилка глазаючи на дивчину, видал аки вона пужливо восклонила и вцёпившись обеими руками во длинный деревянный черешок мётлы, прижавши её ко груди, принялась тревожно оглядываться. Обаче у той густой пыли, кюю она подняла, ничавось не наблюдалось, а вуглядеть стоящего сторонь тебе духа, коего ни дано, никому зреть, без особогу спозволения, и вовсе было невозможным.

Нежданно Амбарник подскочил упрытык к отроковице, и, схватив черешок мётлы, резко дёрнул егось на себя... От такой бухты-барахты девчоночка, гулко возопила и выпустила черешок, оставив ево тем самым у руках духа. Амбарник же сразу обежавши девоньку, остановилси позадь неё. Вон яростно взмахнул разошедшимися у разны сторонки тонкими вёточками ивушки, шо венчала собой мётлу, да со всей силы огрел девоньку потому самому мёсту, из оного у неё выросли две ноженьки.

– А!..а... а... а...! – заголосила дивчинка и подпрыгнула ввысь втак, як намедни подпрыгивал Амбарник.

А дух житницы ищё и ищё раз полоснул девчушку длинными вётьвями мётлы. Токмо девчонка, судя по сему, распознав кто творить те чудеса, немедля прекратила гикать и, шо есть мочи рванулась уперёд, в один миг проскочив амбар насквозь. Она почитай, чё вылетела во двор, и, прижимаючи руки к тому самому мёсту, по каковому её охаживал Амбарник, понеслась кудый-то тудыличи... впрעדь. Дивчина ретиво миновала, будто порывистый ветерок, и конуру пса (усё ащё едва слышно повизгивающего), и встревожено подёргивающих вушами коней, и сноповозку на которой расплывшись у улыбке восседал Борилка, да побёгла прямёхонько ко деревянному настилу дороги, стараясь покинуть двор во котором сице расходилси дух.

Следом за девчоночкой из житницы выбег Амбарник, но узрев, шо та направила свову поступь вон со двора, не стал её догонять, а вздев увыспрь мётлу негодующе погрозил отроковице, раскосыми ветвями ивушки... Он ещё како-то времечко потряхивал мётлой, посем усё также сёрдито швырнул её прямо к конуре пса, который углядевши або услыхавши падение того орудия, вжалси у дальний угол свово жилища, да выпуганно взвыл, верно, страшась, шо тяперича дух примитси за няго.

Но Амбарник вже успокоилси. Он потёр покрытым шёрсткой вуказательным, слегка загнутым, перстом, кончик свово вострого и горбатенького носа, будто утирая слякоть, выступившу от быстрого бега, да резко подпрыгнув вверх, развярнулси прямо в воздухе, и размашистыми шагами направилси в родимое жилище. На ходу дух житницы продолжал взмахивать руками, из которых у разны сторонушки вылетали тонки, похожи на суху солому, жёлты отростки-лучи, они вроде як впитывали у себе ту пелёсо-рыжу парящу пыль. Амбарник прошёл усю житницу, с одного края до другого, и, видимо, идей-то затаилси унутри, одначе, успев очистити свово жилище от той неприятной да вьедливой пороши.

Борила, вухватившись за животь, тяхонько смеялси, утак, абы разбушевавшийся Амбарник не слыхал егось, понимаючи отчавось дух так гневалси... Ведь Амбарник, сухранявший зерно и муку от усяких там мелких ворогов, содержал житницу у чистоте, наводил там порядок, поддерживая его, смахивая пылинки с коробов, бочёнков, мяшков и кулей, у коих находилси людски припасы. И не як не мог он снясти той девчинки-грязнульки поднявшей, наводнившей евойно жилище такой пылюкой.

Невзначай до мальчика долётел отдалённый, писклявый смяшок. Отрок поспешно повертал направо главу и уставилси на избу ваяводы, глазающей на негось небольшими слюдяными оконцами, расположенными по обе стороны от воткрытой двери ведущей у сенцы и клеть, шо были прирублены впритык к срубу, и иде хранилси усякий домашний скраб. Тамось прямо под водним из оконцев, находящимся справа от входа в избу поместилась, приткнутая ко стяне деревянна скамля, а на ней сидели, едва слышимо посмеиваясь домашни духи.

Борилка хоть и упервой видывал тех духов, но безошибочно их узнал. Осе они Суседко, да евойны помощники Коргоруши и Тюха Лохматая. И также мгновенно распознал среди них старшину домашних духов, того ктось был засега незримым хозяином избы, хранителем очага. Суседко был росту малого, со локоток, также худ як и Амбарник, да покрыт свёрху белёсонькой шёрсткой, короткой и чем-то схожей с шёрсткой ягнёнка. У хозяина избы, и длани, и лоб, и приплюснутый нос, и щёчки, и даже уста усплошь усё поросло той шёрсткой, тока паче реденькой. Зато густыми да длиннющими у няго казалися волосья, бородушка и вусы, ложившиеся дюже упавыми волнами, таковыми... чё прям бёри и косички пляти. Глаза у Суседко были серыми, нос широкий, а губы тонкие, алым цветом проступавшие скрезь белесовату шёрстку, и у лице егось проглядывалася така мужественность и сила, свойственна людям могутным и смелым, а усё потому как дух ликом своим походил на хозяина избы, отца семейства. И тяперича во лице Суседко Борюша зрел самого ваяводу Мстибога. На старшину домашних духов были вдеты серы штаны, да бела рубаха, вышитая по вороту, рукавам и низу, подпоясанная ярко-васильковым пояском, ноги у няго были босыми, также как и ладошки, густо поросшие белёсыми волосками.

Суседко, насмешливо поглядывая на житницу, слегка наклонившись, правой рукой чёсал леву стопу, да негромко беседовал с сидящими справа от него двумя большущими, пепельного вукраса, котами, каковые были домашними духами именовавшимися Коргоруши. У тех Коргоруш кошины морды заменяло ликом Суседки, со двумя серыми глазами, право слово вельми круглыми, с широким, приплюснутым носом, со тонкими алыми губами да длинными вусами и бородой дымчатого цвету, токмо их лица не были покрыты волосьями. Коргоруши были главнейшей опорой незримого хозяина избы. Калякали беросы, ежели с Суседко живут эвонти два духа, то в жилище засега будет счастье и припасы, которые хозяйственны помочники раздобудять и принясуть.

Слева же от Суседко восседала Тюха Лохматая. Энто был сувсем масенький домашний дух, присматривающий за хузяйством, да приглядывающий за хозяйскими детками. Тюха была росту с рукавицу, да поросшая всклокоченной, никадысь не чёсанной, хохлатой, серенькой шёрсткой. Не боляхны ручки и ножки, почитай с пальчик, выходили с боков её словно плоского, впрочем широкого тельцу, к оному крепилася вкругла, немногось поката, без усякой шеи, головёшка. С под лохматой шёрстки, казалися два ярких голубых крохотулечных глазка, да свернутый набок толстый, чёрный, древовидный уголёк-носик, выпирающие уперёд губаньки, будто подвядённые тем же чёрным вугольком, как-то вобидчиво кривилися. Верно, Тюхе, оченно любившей усяку домашню живность: собак да котов, не понравилось як Амбарник запустил у конуру пса мётлу. Маненький домашний дух, покачивая своей головёшечкой, скосил глазки у сторону дверей житницы, и еле слышно скузал чавой-то Суседке. Борила прислушалси и явственно различил, о чём духи гутарили:

– О, тось, не ладненько, – калякала Тюха, своим тонюсеньким, точно стрёкот сверчка, голоском. – Позоруди... аки он Ярого вuspугал. Да ден сице можно... каколь тот разнесчастненький пёсик верещал. А у чём вон провенилси, чаво тако сутвурил... абы у няго той мётлой пулятьси.

– Оно б твоему Ярому, – вступил в беседу Суседко и перьстал смеяться, голос у духа был хоть и тихим, а ужось густым, да низким, вероятно, так балобонил сам ваявода Мстибог. – Не кочумать должён, кады на двор чужи приходють, а хотя б проснуться... хотя б взлаить. Оно може те пришлые, чавось дурного мыслять. Вот Дворику и вовсе надоть молвить, аки Ярый сопя и причмокивая чужих встречает, пущай яму повелитель двора нашего, уши то и надереть... оно шоб не спалось. А може... може... те пришлы желают чого со двора-то вутащить, а твой Ярый спать, и ничавось не зумечает. Оно имя то яму выходи и не вёрное дали. Ярый, оно чавось значить? – спросил незримый хозяин избы и повернувши голову у сторону сидя-

щей Тюхи, сёрдито глянул на неё сверху униз. – Оно значить, шо должен быть тот пёс вогненный, горячий, лютый, бойкий и сильный. А он кавкой?

– Кавкой? – вубиженным голосом пропищала Тюха Лохматая и вуставилась своими крохами глазек у лико Суседко.

– А он ляжебок и тувнеядец, – повышая голосок, произнёс дух избы, и сызнова почёсал себе леву пятку перстами. – Точь-у-точь, аки твоя любимица и замурашка Домна. То ден ей Мстибог правильно вимячко выбрал – домувита, хузайственна. У то ден она домувита... такую пыль подняла... дышит и на дворе нечем. У чавось о наших хузяевах гости повдумают, а? Молвють, чё у ваяводы дочка меньша лянтяйка и грязнулька, подместь житницу не могёт. У то ей хозяйюшка наша Цветанушка у вечёру вустроить, за такую вуборку. Вжесь я о том позабочусь.

– Вох... вох... – обеспокоенно застонала Тюха и кажись ано всхлипнула, перьживаяючи за притихшего и не смеющего выйти из конуры пса Ярого, и вубежавшу куда-то прочь со двора меньшу дочку ваявода, замурашку Домну.

– Мур... х... мур... х... да... да... – закалякали в два голоса Коргоруши, поддерживая Суседко и закивали своими кошачьими головами.

Борила увидав як принялись потешно покачивать головками Коргоруши, и ужотко нё в силах сдерживаться, громко прыснул смехом, отчавось у тот же миг вобратил на себе внимание Суседко. Дух, вонзилси во лицо отрока серыми очами и ажно наморщил лоб, покрытый белёсонькой шёрсточкой, каковой тут же стал похож на взгорья поросши низинькими, стелющимися кустарничками, да перьстал, от вэнтной нежданности, чёсать свову пятку. Мальчонка, усё ащё вулыбаяся, поспешно прыгнул со сноповозки и направил свову поступь к затихшим и удивленно на него взирающим духам. Борилка подошел близёхонько к скамле, вустановился у шагу от няё, да приветственно склонив голову, молвил:

– Добре буде вам на долги века духи домашние: Суседко, Тюха Лохматая и Коргоруши!

У Суседко чичас же вокруглились глазёнки, а Коргоруши прекратив вторить своим мяуканьем незримому хозяину избёнки, широкось разявили рты, тонко очерченные алыми губами, да вывалили наружу, коротки розовато-шёршавы языки.

– Як ни скумекал, – взволнованно прокалякал Суседко не сводя взору с лица мальчика. – Ты чё мене зришь?

– Агась, – довольно ответствовал Борила и для пущей вубедительности кивнул.

– Ня можеть тогось быть, – усё тем же тревожным голуском, понижая евось почитай до шёпотка, произнёс Суседко.

Он немедля вскочил на ноженьки, выпрямилси, и, вздев вверх свои коротеньки ручки, хлопнул у ладони. И сей сиг из сомкнутых укупе дланей выскочило, да посыпалось у разны стороны, мельчайше крошево искорок василькового цвету, покрыв, и Суседко, и Коргорушей, и Тюху прозрачно-лазурной дымкой.

– И днесь зришь? – поспрашал дух избёнки.

– И тяперича, – изрёк Борилка. Малец просиял аще гуще и добавил, – вижу и тебе Суседко, и Коргоруш, твойных помочников, и добреньку такую Тюху Лохматую.

От тех слов Тюха без задержу перьстала вубиженно пучить уперёд свои чорны губки, да широкось их растянув ослабилась, а Суседко беспокойно дрогнув плечьми, ащё разок хлопнул у ладошки, не сводя пристального взгляда с мальчика. Борила лишь мотнул головой, показывая усем своим видом, шо продолжает зреть духа. И покуда Суседко усё шибче и шибче хлопал у длани, ровнёхоньким голоском отметил:

– Мы сюды прибыли не за тем, абы чё уворовать, занеже нам у то без надобности. – Он глянул в удручённо-испуганное лицо духа, у которого от расстройства вжесь до зела высоко задрались две кудласты бровки, чуток паче тёмного цвету, чем уся востольна шёрстка, и балякнул, – не пужайси Суседко, силу ты свову не растёрял.

– Не растёрал? – прекращая стучать у ладошки и выпуская ручонки вниз, перьспросил старшина домашних духов да задравши головоньку, заглянул у очи мальчишечки, – а як же ты тадыкась мене зришь?

– Так ты Суседко, глянь-ка сквозе мову рубаху, всмотрись у мову грудь. Тудыличи на кожу под каковой бьётси моё сёрдце, узекай чё там начёртано, – и слова Борюши чисты и смелы, аки и сам вон не нёсли во себе ни бахвальства, ни хваставства.

Старшина домашних духов, приподнявшись на пёрстах ног, мохнатых и покрытых волосьми, подалси уперёд, уставившись на грудь мальчонки и кажись точно прорезав тем взглядом рубаху насквозе, да гулко выдохнув, загутарил:

– Огошеньки... энто знак Велеса, Бога у чьём воинстве я состою. Як же тот знак ты отрок сполучил. Оно ж ведь... эвонтый знак не усякому могёт дароваться. Токась с соизволения Велеса аль Ярилы и тадысь, кадыличи еденять свои силы два старшины из рода духов. То вельми редко могёт происходить. Вельми редко... токмо внегда Бел Свету нужна помочь духов.

– Энтот знак... знак мово Бога Велеса у воинстве коего сустуют усе духи Бел Света, – принялси пояснять Борила, и погладил пальцами правой руки рубаху у том самом месте, иде под льняным холстом сиял зелёно-голубым светом символ Велеса. – Даровали мне дедко Лесовик и Водяной, оно як на земли беросов йдёт страшно зло, ведомое паньвичами, каковое жёлаеть убить народ Вышни. Поелику Асур Крышня у ночь на Ивана Купала явилси у Жарцвете, велев направитси мене во дальню торенку, абы спасти мой народ от погибели.

– А, потумуй-то ты и пряшёл к Мстибогу, – протянул Суседко, и обеспокоенно перьглянулси с Коргорушами, которые токась забалабонил мальчик о знаке Велеса, закрыли рты, и завёртали округлёнными, слегка наклоненными впредь кошиными ушками, шо поместились у них на макушке главы, да взволнованно застучали пушистыми, долгими хвостами о деревянну поверхность скамьи.

– Тобе надобна помочь ваяводы? – тююсенько прострекотала Тюха Лохматая и вдругорядь вытянула уперёд обиженны чёрны уста.

– Да, мене надобна помочь ваяводы, – молвил Борила, и широкось расставленными пальцами зачёсал на голову, растрепавшиеся от дуновения ветра, длинны волосы. – Асур Крышня, велел ему пособить мене. Должён Мстибог выделить воинов из рати, оные проводят мене у мертвый град Торонец идеже надоть добыть меч. Энтим самым мячом, добытым, смогу я тадысь изгнать и одолеть зло, каковое жёлаеть пожущерить беросов.

– Ох... неть! – гневливо выдохнул Суседко, и возбужденно вдарил ладошками себе по ногам, отчавось у разны стороны полётели мельчайши, васильковы пылинки. – Мстибог не захочет тебе спомогать. Он тебе не поверит. Ужось дюже вон вупрям... особлива супротив мальчонок аль девчонок... Да и тот знак, шо у тя на груди, то взакон токмо для духов, кои у воинстве Велеса и Ярила находятси, а не для гордуго ваяводы.

– А чавось ж тады деять, – перьспросил отрок, не сводя взору с лица духа.

Суседко потёр большеньким пальцем кончик своо носа, и унезапно ухватив один из наипаче длинных, точно выходящих из обьчего строю, волоськов, резко дёрнул тот на себя. Мгновенно раздалось лёгонько потрёскивание, словно зачиналси во печи огонь, и тады ж вспыхнула на носу ярким васильковым светом манюнечка искорка, да выпляснув из себе широки лучи осенила тем светом лицо духа. А старшина домашних духов, тем временем, разглядывая выпавший, на покрыту шёрстку длань, и затерявшийся, у той густоте, волосок, спросил вубращаясь к мальчику:

– Духи кады даровали тебе тот знак, вони зрели приходь Асура Крышни... вони слыхали то ваш говорок?

– Агась... видали и слыхали, – поспешно ответствовал Борила, и перьступил на месте с ноги на ногу. – Они зрели аки Крышня даровал мене зёрнышко силы Ясуней.

– Чавось? – прекратив обозревать свою ладошку и затерявшийся у ней волосик, да взбуряженно глянув на мальчишечку, перьспросил дух и кадысь приметил, шо Борилка кивнул, дрогнувшим голосом произнёс, – знать и прямь бѣданька идѣть на земли бероские... Коли Боги даровали те силы, коли Велес послал старшин, то сувсем плохонько... ой! як плохонько!!! Тадыка ступай мальчоночка у избу ваяводы. Чаво туту-ва стоишь стоймя, иттить надоть шибутней! Торопиться надоть... мальчоночка!

– Борил, мене кличуть Борил, – назвал свово имечко отрок.

– Ладно имячко, Борил... Имя воина, каковой силѣн духом, светел душой. Со таким имячком можно итти у дальню стѣженьку, воно не подвядѣть, – молвил старшина домашних духов, и мотнул головушкой на отворѣнну дверь сруба. – Ступай Борилушка у избѣнку, а я приду слѣдом и пособлю... Оно як ваявода тавкой вупрямый, егось словами и росказнями не пояти, туту-ва надоть чавой-то вумнее придумать.

– А як же без позволения входять, ден то можно? – спросил обеспокоенным голосом малец и вудивленно приподнял уверх свои крепки, сильные плечики.

– Да, як... як... а вот сице, – недовольно пропыхтел низким гласом Суседко и еле заметно склонив голову на право, на миг замер, будто прислушиваясь. Опосля он гневно топнул ногой по поверхности скамьи, и негодуячи изрёк, – он энтов Мстибог вже такой вупрямый, такой вупрямый... Ох! ну задам же я ему нонешней ноченькой... задам!... Вже поспит он у мене... поспит! А ты, Борилушка, ступай смело у избу, да прямѣхонько входи у большу горницу, идеже и восседает за столом ваявода, со соратниками из рати. Они ж там субрались повгугарить о своём, а тутась вы прибыли... и вельми Мстибог поначалу сѣрдит был, а тяперича расхохоталси... хохочет... хохочет... Гогочет точно гусь у птичнике. Иди! мальчоночка, время дорого... не страшись... будь смел, а я слѣдом прибуду!

Отрок послушно поверталси, и направил свою поступь прямо ко распахнутой двери избѣнки, а Суседко, меже тем, чавой-то негромко буркнул своим помочникам. И тады ж Тюха Лохматая повалилась на деревянну гладь скамьи, на морг задрав ввысь свои масеньки ручки и ножки, и немедля вобратилась у крошечну, не длинше указательного человеческого перста, тонку рукавицу, вязанну из серой шерстяной нити. Тяперича не было видно ни ручек, ни ножек, ни головки Тюхи, пропали у серой шѣрстки и ротик, и носик уголёк, лишь усѣ ищѣ мерцали те два крохотулечных голубых глазка, находящихся у самом вѣрху рукавицы почитай, шо на сшивном шве. Суседко неторопливо наклонившись, споднял рукавичку-Тюху и заткнул её за свой васильковый пояс втак, абы глазки духа могли глядеть по стуронам. А засим усѣ ещё бухтя себе под нос, подошёл к самому краю скамьи, каковая водним боком упиралась у стену избы, и шагнул прямо на деревянну препятствие, и точно растворившись у нём, абие пропал с глаз мальчика.

Поднявшиеся на ноги Коргоруши, неторопливо потянулись, задрали увыспрь пушисты хвосты, и, перьглянувшись, да тяхонько мякнув, следом за старшиной домашних духов вошли в избѣнку сквозе стену сруба, оставив опосля себя витающу подле деревянного препятствия едва различиму пепельну пелену.

Глава пятая. Ваявода

Борила на чуток задержавшийся посторонень дверного косяка, вухватившись за него правой рукой, и пронаблюдав уход духов, восхищенно покачал головой, да порывисто выдохнув, будто набираясь смелости, перышагнул чрез проем и вошел у узки сенцы. Слева у сенцах поместились деревянные бочоночки, и ведра, стоящи друг на дружке, верно приготовленный для чегой-ту, а справа во стене находилась коротка деревянна дверь у клеть, из-под оной слышалси приглушенный низкий говор духа, кажись то Клетник гутарил с кем-то. Мальчик толкнул от себе входну дверь и кады та растворилась, направил своу поступь у избёнку.

В срубе по леву сторону от Бореньки находилась занимающа почитай четверть горницы здоровущая бероская печь глазающая на него своим чуть закопчённым челом. Место от стёны до печи величаемое куть, иде хузяйка готовила снедь, было занавешено долгим, натянутым на уже плотным смурным пологом. От боковой стенки печи, проходя высоко, ноли под потолком, зачинались полати, деревянный настил, доходивший до супротивной стороны избёнки. Справа от Борилы повдымалась пята стена, та сама от которой и вела своо величание избёнка-пятистенка, коя дёлила сруб на две равны части. Углом повдоль евонтой и граничащей со сенцами стены, проходила широка, гладка скамля. Эвонта скамля була креплена прям ко стене, обок с ней стояли три точёны, рязны да расписны прялки, гордость любой бероской жёнки. Напротив входа, насупротивной стене горницы находились два не широких оконца.

Отрок, на малость задержавшийся у первой горнице, прислухалси и различил громкий смех, или як правильно выразилси Суседко, гогот ваяводы во второй части избёнки. Да ни чуть немедля поспёшил воперёд, и, обойдя прялки, минуя дверной проем (одначе, у которм не вбуло дверей) вошёл во втору горницу, величаемую светёлкой, занеже вона и упрямя была до зела светлой. Два оконца поместившиеся, на тех стенах, шо были супротив проёму и на вугловой, лучисто озаряли её. В этой светёлке, впрочем аки и у первой горнице, стены были белёными, а высокий потолок и ровный пол подбиты липовыми, гладко струганными досками. У правом красном углу на вугловой полке на белянькой, дивно расшитой скатёрке во серёдке стоял зелёновато-жёлтый сноп пошеницы, украшенный посохшими цветками, первый сноп снятый у энтот году. По обе сторонки от негось поместилися небольшие таки, у длань росточку липовы, резны Чуры. По одну сторонку Образы тех кого славили: Сварог, Лада, Макошь, Велес, Вышня, Перун. По другу Кумиры когось чтили: ЧерноБоже, Мара, Вий.

У левом углу светёлки находилси широкий, деревянный одер, хозяйки и хозяина избы, вустланный беловато-жёлтым одеялом, да украшённный свёрху лёжащими друг на дружке подуhamи, от самой боляхной до малой. Каковые от чуждых... недобрых очей были прикрыты тонким, белым платком расшитым рдяными, обережными знаками по краю. Вдоль стен стояли скамля и дюжие рундуки, а посредь светёлки поместилси большой четырехугольный, могутный стол на массивных ножках, установленных на вузких полозьях, абы легче було передвигать егось по избёнке. За тем громоздким столом восседал, на широкой скамле, сам ваявода, а осторонь, по водну да иную, от него сторонки, сидело несколько мужиков такого же крепкуго телосложения. Прибывши Соловей и Жаворонок примостилися на короткой, да вяще низкой скамле, слегка в отдаление от стола, насупротив громко смеющегося ваяводы, один в один похожего на тока, шо виденного Борилой Суседко, с серыми крупными очами, широким и вроде як приплюснутый носом, тонкими, алыми губами. В лике Мстибога проступала у та сама мужественность присуща волевым, сильным и смелым людям. Токась цвет длинных волосьев, брады и усов, лежащих дюже красивыми волнами, был не белёсым, а тёмно-пошеничным. Ваявода был широк во плечах и крепок в кости, сидящи рядом с ним воины, тоже казалися могутными мужами. Обаче ражий Соловей им не чуть не вуступал в мощи, но явно

пужаясь их няго приёму, сидел немножечко ссутулившись, впусивши плечи, и беспокойно теребил пальцами свой красный, широкий, плетённый пояс.

Кады Борилка вошёл у светёлку, братец и обавник обернулись, да встревоженными взглядами вуставились на мальчика, который содеяв несколько шажочков по горнице, остановилси недалече от сродников, и кивнул в знак приветствия ваяводе и его воинам. Мстибог, увидавши вошедшего отрока, ащё сильнее загоготал, евось, до энтого смуглого цвету, кожа лица зараз покраснела, сице ярко, чё он стал смахивать на варённого речного рака. Ваявода поднял со стола праву широку руку, и, направив её уперёд, указав на мальчоночку вытянутым пальцем, молвил:

– Ох, го... го... Энто шоль ваш вояка? отрок конешну не малый, ладный во плечах, да усё ж шибко мал, абы меч добыть и зло им покорить. Оно ты мне гутарь малец, ты вэнтов меч хоть кады-тось видывал... защитничек... го..го... го...

Борилка гордый по природе, сёрдито сдвинул свои густые, чёрные брови и полыхнув у сторону Мстибога глазами, громко да гневно вувветил:

– Гляди ваявода, смехом-то не удавись.

Мстибог сице неопределённо крякнул, и тут же перьстал гоготать, а тады ж немедля засмеялись те (как тяперича пересчитал их мальчик) пятеро мужей, шо сидели рядом с ваяводой. Овый из них со светлым лицом, кое було не свойственно от природы смуглым беросам, с зелёно-серыми узковатыми очами, да ковыльными, курчавыми волосами, бородой и усами, ноли на четверть головы выше чем ваявода, по-доброму зыркнув глазами у Борилку, отметил:

– Видал Мстибог, а малец-то ничавось... кусаться могёт не то, шо евойные посланники... бэ да мэ... тока и калякають, вроде бычки на выпасе. Оно вэнто сразу вёдать богатырь вошёл, со смелой и храброй душой.

Борил слушал воина, а сам вудивлялси тому, шо позволил себе у отношение к старшему таку грубость, но не приятны те мысли нежданно были прерваны. Потомуй как мимо няго неторопливо прошествовал, никем, ни зримый Суседко в сопровождении Коргорушей. Духи вуставились предь столом, и оттолкнувшись от пола, подпрыгнув, мгновенно оказались на краю столешницы. И лишь тока их волосаты стопы и подухи лап коснулись той гладкой, деревянной поверхности аки вони направилися к слегка онемевшему ваяводе. Суседко подошёл к покоящимся на столешнице дюжим рукам Мстибога, и перьступив чрез них встал насупротив егойного лица. Незримый хозяин избёнки покачал головой и сморщил свое маханькое личико так, чё стал похож на лёжалый, старый бурак, выражая усем своим видом вельми сильное недовольство. Коргоруши не отстающие от старшины духов ни на шаг, дойдя до преграды, коветую представляли собой руки ваяводы, замедлили поступь, а маленько опосля и вовсе уселись на столешнице, выпрямили хвосты и яростно застучали ими по поверхности. Суседко точно того ожидаючи, унезапно резко дунул у лико Мстибога. От порывистого ветерка у ваяводы заколыхались волосы на бороде, усах и голове. Мстибог поспешно сомкнул вочи да покрутил головой, словно изгоняючи сон каковой на него нежданно-негаданно навалилси, верно желая пробудиться. Незримый хозяин избёнки повернулси к мальчику, заткнутая за его поясок серая рукавичка-Тюха блиснула голубенькими крохами глаз, и Суседко, кривя свои масенькие губки, молвил:

– Покажь им знак Велеса... и тады ж топни ноженькой да крикни, сице оченно зычно и повелительно: «Суседко, дух ентой избы явись, именем Бога Велеса и Ярилы, я сице велю!»

Мальчик не сводящий глаз со старшины домовых духов, просиял и торопливо принялси развязывать красный пояс, да также спешно скинув с себе рубаху, подалси уперёд и казал свову грудь да горящий зелёно-голубым неярким светом знак Велеса... И, до энтого мгновения усё ищё хохочущие воины, смолкли. В избёнке наступила така тишина, шо Борил вуслыхал як лягохонько вздохнула Тюха Лохматая, а на дворе грохотая, по деревянному настилу ездовой полосы, колесами проехала сноповозка, да едва слышно заржали Крепыш и Лис здоровкаясь

со своими братьями. И тады отрок резко топнул ногой по полу, аки велел дух, и гулко изрёк: «Суседко, дух ентной избы явись, именем Бога Велеса и Ярилы, я сице велю!»

А незримый хозяин избёнки вжесь поднял руки ввысь, и токмо мальчишечка тот зов прокалякал, хлопнул у длани, из них не мешкая посыпались на Суседко и Коргорушей светящиеся васильковые крохи огоньков. Энти махие крохи упали и на Мстибога, покрыв на сиг его руки, бороду, усы, кожу щёк, белёсые густы брови и коротки ресницы, отчавочь ваявода сызноа сомкнул очи, и потряс головой, тока те крохи попав на человека, не восыпались, а враз потухли. Те ж, шо вупали на духов обернулись васильковой дымкой, от оной Суседко и Коргоруши, по-видимому, стали видны людям, потомуй как у тоже мгновение усе громко «вохнули», а ваявода подалси назад, углядев, против усякого чаяния объявившегося, пред глазами, домашнего духа. Суседко же, а вслед за ним и поднявшиеся на усе четыре лапы Коргоруши, развернулись к мальчику, и поклонились.

– О! Борил! – начал балякать незримый хозяин избы. – Ты избранный духами воинства Бога Велеса и яго сынка Ярилы, кликал мене, и, я, Суседко – старшина духов евонтой избёнки явилси и ожидаю твоих повелений!

И наново у свётелке наступила тишь, занеже не ведая чё деять, молчали не токась ваявода и егось могутны соотчичи, но молчал и Борилка, не зная, а чаво он должен повелеть. Обаче, из эвонтого томительного отишья вывел усех Суседко, выпрямив после поклону свой стан, да оправив чуть примяту бороду, он глухо закричал, выпустил удолю задравшийся стягивающий его поясок, и принялси ходить по столу взадь и впередь, всяк раз, переступаючи чрез лежаще на столешнице руки Мстибога. Коргоруши, повторяючи усё за старшиной духов, прынялись также аки и дух прогуливатьси по столу при том корча свои лица, широко разевая рты и мяукая. Суседко прохаживалси невольге, напоследях, содеяв очередной развороть и перьступив чрез руки ваяводы, он вустановилси на прежднем месте, напротив его лица и произнёс:

– Видал, Мстибог, каков у мальчоночки знак на груди вгорить? – ваявода усё ащё ошарашенно глядящий на духа торопливо кивнул, а Суседко ужось продолжал, – то... як ты понимаешь знак не простой. Знак тот Асура Велеса, каковой як Бог Скота роги свои увыспрь устрямил. И усяк дух, не важно идеже вон кумандует: в воде, лясу, поле, дворе, аль твоей избёнке, узрев тот знак поймёт водно... помогать, пособлять должён он Борилушке, не вжалеючи свово живота. А ты тут... го... го... го... будто гусь гогочешь. Энтов знак могут наложить духи лишь по воле Бога. А посему, хоть ты и вупрямый, но усё ж вумный, значить сам домысли, кто велел тот знак накласть. Накласть, зане бёдушка идеть страшна... злобна... от той бёдушки усе... усе могут погибнуть... не токмо люди, но и звери, и духи. А тяперича я покажу тебе чавойто... покажу, шо мальчонка не выдумывал ничавось, а к няму и у самом деле являлси Асур Крышня. Дай Борилушке нож, у тот самый... каковой на поясе у тя виснет без делу. Ну, – и так как ваявода не спешил выполнять то о чём просил его Суседко, а изумленно разглядывал духа, тот ищё разок дунул яму у лицо.

Оттого дуновения Мстибог резво пробудилси, и, повинуясь незримому хозяину избы, убрав руки со стола, маленько отклонилси назад, вынул из ножен свой слегка загнутый, блистающий и вострый нож, да протянул духу. Но Суседко нож не принял, заместо няго к орудию подошли Коргоруши. Вони обхватили нож своими человеческими губами, да короткими, редкими зубами, появ егось, водна за лезвие, а друга за гладку костяну рукоять и развернувшись, медленно двинулись к краю стола.

– Глянь-ка, – унезапно прорезалси густой и низкий голос ваяводы. – Коргоруши-то выходят на мене похожи... як одно лицо прям.

А Борил вусмехаясь приметил, шо Суседко перенял не тока лицо и голос Мстибога, но и ево манеру гутарить.

– Борилушка, – дуже ласковенько обратилси к мальчику Суседко. – Возьми нож, да надрежь перст на ручончке.

Мальчик хотясь, и, не понимая, вскую то надоть духу, спорить усё ж не стал, он сделал несколько шагов, и, подойдя упрытык к столу, протянул руку к ножу. Коргоруши у тот же морг склонили головы, и, раскрыв рты, опустили в широку ладонь отрока нож ваяводы. Крепко зажав рукоять ножа у руке, мальчонка поднес вострый и загнутый клинок к левому указательному пальцу. Да неспешно, зане сувсем не страшилси боли, надавил острием на смуглу поверхность кожи, прорезав у ней широку да глубоку трещинку. Одначе токмо Борилка убрал нож, як чичас же недвижно замер, и от нежданности раскрыл ротъ. Оно аки из образовавшейся ранки на свет стала выползать капля крови, да токась та капля была ни алого, аль красного цвету, того самого какого и должно ей быть, а ярко-жёлтого, почти златого, похожего на зёрнышко силы Ясуней, шо проглотил вон. Малец заворожено глядел на ту жёлту неторопливо вылезавшую из трещинки каплю юшки, а Суседко подойдя к краю стола, протянул свою волосату ручку, и, ухватив палец отрока развернул его сице, шоб ваявода и егось соратники могли зреть энту увеличивающуюся, на вроде набухающей вёсной почки, каплю крови. И лишь взгляды усех воинов упали на ету необычного цвету каплю юшки як абие раздалось негромкое, вылетевшее вёрно из груди – ох!!!

Унезапно ужесь покинувшая трещинку жёлта, яйцеподобная капля юшки обернулася у маханьку дику бчёлку, шо в обилие живуть во бероских лесах. Бчёлка проползла по коже мальчика еле заметно перьставляя своими мельчайшими лапками, да затрепетав крохотными крылушками, раскрыла их. Полурозрачные бляннувшие златым светом крылушки заколыхались и бчёлка вторгавшись от поверхности кожи, зажужжав взлётела увыспрь. Она сделала несколько кругов над головой Борилки, и, направив свой полёт к окошку, со всего маху стукнулась об слюду, и словно проскользнув сквозе неё, пропала из виду. Меже тем из пальца мальчонки ужотко вылезла очередна капля, коя также як и перва обернулася бчёлкой, и, покружив над отроком, вылетела из избёнки вслед за первой.

– Энто ты вулшебство сотворил Суседко, – едва слышно поспрашал ваявода, не сводя очей с вылезавшей из пальца мальчишечки очередной капли-бчёлки.

– Нетъ, – ответствовал за духа Борил, и, положил, усе доколь сжимаемый у руках, нож на стол, высвободил палец из руки Суседко, да зажал порез на нем перстами правой руки. Вырвавшаяся с под няго жёлтая бчёлка в энтов раз закружила над головой Мстибога. – Ден ты не скумекал ваявода, то вулшебство сотворил не Суседко, а зерно силы Ясуней, шо даровал мене Асур Крышня... Суседко, – обратился к старшине домашних духов малец, кадысь и третья бчёлка улетела на Бел Свет ткнувшись у слюду. – Выходють, ты ведал, шо у мене юшка така стала... иного цвету?

– Агась... ведал, – кивнув, молвил незримый хозяин избы. Он неторопливо развернулси и посмотрел прямёхонько в серы очи ваяводы, а посем добавил, – Мстибог, на груди у Борилушки знак Асура Велеса, кровь евойная таить во себе силу Ясуней, и бундто сама как у Ясуней... То значит одно – большая бёда... беданька йдёт на наши бероские земляшки. И от вэвонтовой бёды будутъ ревмя реветь люди, звери, птицы, леса, и реки... будут рюмить духи. Слухай, чавось гутарить мальчоночка и исполняй... занеже то калякають чрез няго сами Ясуни. Боги ваши! И помни у та сила дарована яму лишь на времечко, и ровно к двадцать второму снежаню, уся вона иссякнетъ... и тады... тады... разупрямый ты такой Мстибог сгинеть наша земляца-матушка, и беросы. И та смерть, народушки из чьего ты роду-племени, чёрным камнем ляжить на твою душеньку.

Суседко досказал те слова и враз поднял увись руки, да громко хлопнул у длани, осыпав себя и Коргорушей васильковыми крупинками искорок. И абие, судя по сему, пропали вони с глаз долой, для усех сидящих за столом, и гостей, потомуй как тяперича воины подались уперёдъ, воззрившись у в то само место, идеже мгновение назадъ видели духов, а Жаворонок и вовсе подскочил со скамьи и вытянув шею, завертал у разны стороны головой. Овий Борилка продолжал лицезреть духов и приметил он аки Суседко подмигнул яму правым глазком, сле-

дом блиснула голубыми глазами Тюха Лохматая, пялющаяся на него скрезь серы волоськи рукавицы. Засим незримый хозяин избёнки развернулси направо да вялой, медлительной поступью направилси к краю стола. Суседко вопустилси на самый краешек столешницы, и свесив маханькие ножёнки униз, принялси бултыхать ими в воздухе, однакось, при этом до зела внимательно вслушиваясь в зачавшийся разговор. Верные же Коргоруши следуя за старшиной, уселись позадь няго, и, высунув изо рта длинны, розовато-шершавые языки стали причёсывать и оглаживать свову помяту от превращений шерсть.

– Да-с... – протянул услух тот муж с ковыльными, кудрявыми волосами, шо сидел справа от ваяводи. – Тако я видывал упервой... не только Суседко и Коргорушей со твоим, мой добрый соотчич, ликом... но и юшку, шо в бчёлок оборачиваетси. Выходить Мстибог, – он резво хлопнул ладонью ваяводу по плечу, – надоть мальцу поверить... Можно много чаво удумать, но такое сутворить, чё наблюдали мои очи простому бероскому мальчику або духу неможно. Энто сразу видать творение Божье.

– Уже... эт... ты точно подметил. Творение Божье, – согласилси Мстибог и задумалси. Он легонько провёл широкой ладонью по своей тёмно-пошеничной бороде, оглаживая на ней усе волоськи к долу, и обращаясь к отроку, спросил, тока днесь глядючи на него серьёзно-встревоженным взглядом, – молви Борил, а отчавось Асур Крышня даровал то зерно тебе, а не кому иному?

– Он пояснил, – спешно забаялкал вобрадовавшийся мальчоночка, и, склонившись, поднял с пола оброненну рубаху и пояс. – Занеже я не струсил и пришёл у лес в ночь на Купала... Он калякал, шо во мне есть то, чавось неть у других мальчиках, вьюношах и мужах. То есть у моих братьев, но они не прёшли у чернолесье той ночью... да и исполнить, чё выпадает на вэнтной стёжке смогу лишь я... Я не вьюноша, но уже и не дитя, отрок.

– Чудно, право Былята, – покачивая головой, произнёс ваявода, направляя свой вопрос воину с ковыльными волосьми, точно окресть него паче никого и не было. – Чавось есть тако у энтот мальце? Вроде як и усе... ни чем не разнитси от иных, окромя росту и крепости.

– Значить разнитси, – пробачил Былята, и, расплывшись у улыбке осмотрел ладный облик отрока. – Може то у него не тока снаружи, но и унутри.

– Унутри... – повторил Мстибог говоренное за соратником. И вперившись взглядом у лицо Борилы, сызнава погладил свову бороду, каковая лёжала живописными волнами на груди, да спросил, – а чё за зло тако движетси на наши земли, Борил?

Мальчик ужось, надев на себе рубаху, и стянув стан поясом, кратко перьдал свой разговор с Асуром Крышней, сказав и про паньвичей, и про Торонец, и про меч Индры который лишь и могёт вустановить то зло. Кады он смолк, слово вдругорядь взял Мстибог и глубоко вздохнув, заметил, верно дюже им уважаемому, соотчичу, беспокойно сжимающему лежащие на столешнице мощные руки у кулаки:

– Слышь... Былята... надоть итить!

– Раз надоть и Асур Крышня велить, пойдём, – кивнул Былята в согласие головой, а после зекнув очами на отрока, поправляющего подол рубахи прогутарил, – а дорогу у тот град ты ведаешь Борил?

– Ведаю, – ответил отрок и принялси пояснять, поглядывая то в зёлено-серые очи Былята, то в серые Мстибога. – Перво-наперво надо трюхать ко граду Люпель, а посем итить у леса, шо раскинулись за тем градом... Ходють надобно усё времечко на восход солнца, на восток не меняючи направления. Чрез пять дьянков выйдем ко дальним болотистым просторам, идеже ко мне придёт тот кто вукажет тропку по болотам, а сице як минуем болота... ащё ляжить упреди далёка стёжка, но нам усё времечко будуть пособлять и направлять нашу торенку.

– Кажись, верно, калякает мальчоночка, – переглянувшись с воеводой отметил Былята, и нежно провел ладонью по поверхности деревянной столешницы, будто поглаживая доброго коня. – То, шо Торонец затерялси за болотными землями ведают усе. Обаче, вряд ли Борила

мог иде слышать, чё путь ко нему ляжить чрез Люпель. И ежели стёжку он знает, да нам её, как будеть надобность, вукажут, пора собираться у поход.

– И кто ж пойдёт? – спросил Мстибог.

– Ты останишься у граде, – молвил Былята, сице словно был старшим у Гарках не Мстибог, а он. – Подготовишь град к войне, прядупредишь других ваявод, сберешь войско... Ну, да то не мне тя учить, сам усё знаешь. А я возьму воинов, мальчонку и пойдём у тот град. Думайтси мене десять человек, предостаточно для тогу походу. Зане неведомо ищё вярнемси мы аль нет. Тебе ж соотчич, воины, коль ворог придёт к порогу нужней будуть.

– Вас будеть девять... да отрок, не маловато ли? – беспокойно глянув на соратника поинтересовалси Мстибог. Кадысь же Былята вутрицательно мотнул головой, добавил, – ну, пущай будять по-твоему. Давай тадыличи рёшим кады ж отправляться.

– Надоть скорееючи, – встрял в говор Борил и шагнув ближе к столу оперси на поверхность столешницы дланями, заглянув во самую глубину глаз ваяводы. – До Торонца путь не близкий, а зло оно ужотко топаеть ко нашим землям и нясёт сюды гибель... Медлить никак неможно!

– Ну, коли зло вже топаеть и нам надо ступать, – широко вулыбнувшись, сказал Былята, и, сжав кулаки, мощно и единожды стукнул по столу, точно вутверждая принято решение. – Тады чрез два денька, по утренней росе двадцать пятого кресеня отправимси у поход.

И тот же морг Суседко, усё ещё слушающий молвь да сидящий на столе, спрыгнул униз на пол и глухонько выдохнув, вроде прощаясь с Борилой, ушёл, в сопровождение своих верных путников Коргорушей, сквозе стену у соседню горницу, напоследок повернув голову и кивнув мальчишечке.

Глава шестая. У путь

Чрез два денька, двадцать пятого кресеня, аки и було намечано, раненько поутру Борил, Былят и ащё восемь воинов направились во поход... туды в град Люпель да лежащие за ним леса, болотны земли, шо должны были привести их ко Торонцу и мячу Бога Индры. Борилка тяперича восседал верхом на буро-сером Крепыше, шо нарочно был взят у Пересвета для дальней дороженьки. Соловей, провожаючи меньшого брата, крепко его обнял и напоследок поцеловал у лоб, чавось николеже раньше ни делыл. Он тяжело вздохнул, точно прощалси с Борюшей на век, утер тыльной стороной сухи очи, в кои чагото-сь попало, да помог братцу усестьси на коня, а засим долзе махал отъезжающим во след рукой, до тех самых пор покудась ужо и не слилси с ездовой полосой, словно сровнявшись с ней. Борилка также долзе оглядывалси назад, ощущая унутри таку тяжесть, вроде и прянь расставилси со старчим, и таким скупым на выражение чувств, братом навсегда.

Былята трюхавший осторонь мальчика, на крепком, мощном гнедом жеребце, гордо ступающем по пыльной, ездовой дороге, глянув на поникшего отрока, возмев намерение егось отвлечь от горьких мыслей, принялси выпрашивать у него о семье, братцах, сёстричках, матушке да отце. И за таким неторопливым баляканьем Борилка вроде як и отвлекси от тоски, шо который дянёчек томила его душеньку. Немного опосля малец и вовсе повеселел, да сам полюбопытствовал о семье дядьки Быляты, сице он его кликал, и о воинах, шо верхом, на дюжих лошадях ехали, позадь них. И Былята, по-доброму поглядывая на мальчоночку, поведал ему, шо семья у няго, як и у сякого бероса большенькая, детворы в ней вже осемь душ из коих пятеро сынов, да три дочуры. Старши евойны сыны да девоньки усе семейны, да сами детками обзаведенные, а два младших паренька ащё покуда холосты.

– Предпоследний, – и Былята развернувшись да указуя на парня, едущего позади них, на чубаром жеребце, молвил, – отправилси со нами.

Мальчонка обернулси, глянул назад... туды на кого казал воин. И узрел там дюже могучного вьюношу, со такими широкими плечьми, про которые гутарять беросы – сажень во плечах, высоком и як отец светлолицем. Волосы у парня были длинными ноли до плеч, да ковыльного цвета, ищё даже светлее чем у Быляты, а на лоб ложилси вихрастый густой чуб. Коротка бороде́нка, да редки вусы имелись у того вьюноша, каковому отец дал тако ладное имечко, Крас. Высоко посаженные, белесоватые, мохнаты брови, да густы, загнуты ресницы придавали его упавому лицу вудивленное аль радостное выражение, а глаза его поглядывали на Бел Свет то голубым, то серым цветом. И тось было не понятно какого ж они у него на самом деле цвета. Широкий с расширенными ноздрями нос и выступающие уперёд алые губы делали лицо Краса не токась ладным, но и смелым, волевым. Оттогось он сразу понравилси Бориле, лишь тока малец на него взглянул, а кадысь он ему ещё и подмигнул, то и вовсе расположил ко себе своей простотой.

Середь воинов сопровождавших Быляту, лишь Крас да Орёл, сын ваяводы Мстибога, были холостыми... первому було осемнадцать годков, а другому девятнадцать. Все востальны воины были семейными, пожившими на Бел Свете, опытными мужами. Каждый из них был крепкого служения да высокого росту, оно аки та мощь присуца беросам, сынкам Вышни. Былята указывая на каждого из своих соратников знакомил с ними мальчонку, гутаря о них немножко:

– Энто Орел мяньшой сын ваяводы. Глянишь на него и не вотличишь, то Мстибог идеть али сынок его, сице они схожи.

И впрямь меньшой сын ваяводы дюже походил на своо отца и ростом, и крепостью кости, и тёмно-пшеничными волосьми, бородой и усами, тока чуток мнее густыми, и даже широким приплюснутым носом, и тонкими алыми губами. Токась очи у няго были не серыми,

а карими... да и конча был он молод. Оттогось у его лице не проступали тонки морщинки при-
сущие людям взрослым, а в волосах не мелькала седина. Он был силён, мужественен и смел,
а бела рубаха, каковую он надел у путь, придавала ему каку-то чистоту и не тронутую бедами
беззаботность.

– Лучий он друг мово сынка, – меже тем калякал Былята. И, кивнув главой на подъехав-
шего к няму с левого боку воина, представляя его, скузал, – энто знакомси Борилушка, мой
соотчич Сеслав, – воин зыркнул у сторону мальчонки глазами, верно утак осе здоровкаясь.

А Борилка поёжилси, вглядываясь у того соотчича, у кыего чрез усё лицо проходил крас-
ный выпуклый шрам, зачинающийся иде-то сторонь уголка левого глаза, шедший чрез середку,
точно перерубленного скривившегося управо, широкого носа, да тонкой полосой доходивший
до верхней губы. Энтов шрам дюже портил тако приятное лицо Сеслава, у какового были
крупны очи серо-зеленого цвету, полные губы, засегда плотно сомкнутые, со слегка припод-
нятыми уголками рта. Рыжие до плеч волосы, брада и вусы с обильной порослью седых прядей,
глубокие морщины прячущиеся в уголках глаз, на высоком смуглом лбу и меж рыжеватых,
тонких бровей поясняли, шо Сеслав туто-ва по возрасту самый старшой из усех.

– Сеслав, у нас, по младости лет возвращалси из соседнего града, – стал сказывать
Былята, узрев с какой жалостью воззрилси Борила на воина. – И на нягось напала ватага душе-
губцев, у тось его и одарил ктой-то из них таким шрамом.

– А самим чавось? – поспрашал отрок и увидев як широкось просиял ему Сеслав, чуток
качнув главой, да у тот жи миг преобразив свово лицо какой-то добротой и наполнив его све-
том, просиял у ответ.

– Ты гутаришь о душегубцах? – перьспросил Былята, заметив аки соратник и мальчик
обменялись улыбками. А узрев кивок Борилкин, добавил, – ну, меже ктой-то опосля той зава-
рушки и вуполз я не ведаю, но то, шо не ушел энто точнёхонько, – и воин приглушённо загре-
готал.

Малец, окинув взглядом ражего Сеслава, да висевший у няго на поясе меч у ножнах,
казавшийся ему дюже мощным, хоть и ничагось не балякнул дядьке Быляте в ответ, одначе,
усё ж молчаливо согласилси, шо от такого воина уйтить и, верно, можно лишь ползком.

– Подле Краса трюхаеть Любин, – продолжил балабонить Былята. – Вишь каков он поше-
ничный у нас и брада, и вусы, и волосы, улыбочивый и развесёлый. У него во избёнке, засегда
песня слышна, то его девоньки поють, дочурки. Ему их Ладушка-Богородица целых восьмерых
послала, и усе друг опосля друг нарождались. Так он их вжесь который год замуж выдаёт...
да не как не выдаст.

– И чавось ни во одного сынка неть? – поинтересовалси малец и обернувшись, посмот-
рел на ладного и дюже хупавого ликом воина, величаемого Любином, со смугловатой кожей,
тёмно-серыми очами, тонко загнутыми на вроде радуги пошеничными бровьми, пушистыми
да долгими, точно у девицы, ресницами, со длинным костлявым носом и пухлыми большими
губами.

Любин был обряжен у серую рубаху, расшитую по вороту распрекарасными узорами, да
усякими там оберегающими символами Ясуней беросов, судя по сему, нарочно приуготов-
ленну ко дальней дороженьке. Сыромятный пояс огибал его крепкий стан, придавая яму ащё
большую красоту да ладность.

– Почему ж неть, есть два сынка и оба старшеньких, ужось они жёнаты, – молвил Былята
и по-доброму вусмехнулси. – Впрочем, и там пока водни девчинки рождаются... нет покуда
внучат.

– У моих братьев тоже одни девчины, – припоминая сродников, прокалякал Борила
и протяжно вздохнул.

Былята вуслыхав тот протяжный, горький вздох, посмотрел ласковенько на мальчика
и обращаясь лишь к нему, загутарил:

– От то, ты Борюша, не стони так ничавось в мале увидишьси со родными. И не заметишь, як времечко пролётить и ты ко себе в деревеньку вернёшьси. Матушку вобнимишь, сёстричек, сродников и братца, того меньшего, коего вельми любишь аки я погляжу.

– Младушка его кличуть, – улыбаясь слушаю Былята, произнёс отрок. – Он у нас самый маненький у семье, из деток матушки да отца, из мальчишечек.

Былята вотпустив поводья, протянул леву руку к мальчугану и нежно, утишительно потрепал того по волосьям, а после поведал ему о братьях-близнецах Ратмире и Гордыне, которые были схожи лицами, поелику уродились сообща. У братьев были одинаковыми тёмно-пшеничные волосы, густы бороды и усы, сведенные вкупе включенные брови, серо-зеленые очи, удлиненно-прямые носы, да узки губы. У близнецов ано морщинки, зачинающиеся у крыльев носа, схожими, тонкими полосками соприкасались со уголками рта, точно братья засега да смеялись единожды. У этих воинов были не округлые, а удлиненно-узкие лица, цвет кожи гляделси не токась смуглым, но чуток даже отдающий краснотой. Оба они были крепки и высоки, на обоих сидели одеты цветасты рубахи навывпуск перьянутые ремнями да смурного холста штаны, а на ногах находились чёрны сапоги, як и у иных соратников снурованные упреди. Правда Гордыня был маленько повыше Ратмира, тем самым егось и отличали от брата.

Замыкали, едуших по ездовой полосе путников, два воина, оба могутные и, по-видимому, не на много моложе Сеслава. Тот шо был похудее величалси Щеко, он имел такие же аки и у близнецов тёмно-пшеничные волосы, браду и вусы тока хорошенько сдобренные седыми прядями. У негось було широкое, як и усех беросов, округлое лико, серые с зеленоватыми брызгами очи, тонкие плотно сжатые губы с опущенными уголками рта да крючковатый, мясистый нос. Тот же кыего Былята представил последним звалси Сом. Это был самый высокорослый, ужотко не меньше двух аршин да тринадцати вершков росту, мощный воин. Руки евойны казались дубинами, а кулаки напоминали утолщенные набалдашники и чудилось, шо осталось тока Сому вбить у них гвозди и усё... иди мотыляй ими никто и николиже ни справитси. Одначе, по виду он был вельми добрым, сиче глядели и его небольшие голубоватые очи, свернутый у бок, судя по сему, поломанный широкий нос, и полные, алые губы. Кожа у няго была светлой, ни такой як у Былята и Краса, но усё ж не можно молвить, шо она и смуглая, аки у Бореньки. Волосы, борода и усы редкие да белокурые. Былята балабоня о нем с мальчонкой сказал:

– У нашего Сома брады да вусов аки калякають, шо ктой-то наплакал... раз... два волоска и обчёлся. Но муж и воин он славный. И ещё шибко славно он готовить. Ха... ха... – засмеялси старший из воинов и зачесав ладонью на голову завиток волос, шо скинул ему на лико ветерок, добавил, – оно затем и бул взят, абы добре нас кормить. Зане знашь во пути, снеть главней усега. Ведь на голодный жёлудок многось не проедешь и не пройдёшь.

– А сома вон ладно готовить? – усмехаясь, спросил малец, воборачиваясь и поглядывая на такого разудалого воина Сома.

– Сома, – протянул Былята и ащё громче засмеявшись, кивнул, – и сома он сварганит, он у нас не дюже привередливый.

Воины отрядившиеся у дальню торенку больно не отличались одежкой, и як Борила казали ейну простоту: рубахи серы аль цветасты, засега носимые навывпуск; сыромятны ремни на оных висели ножны с мечом, охотничьи ножи, або небольшие топоры; померклые или пелёсье штаны; кожаны сапоги; за плечами усех находились котомки, туло да луки. Право молвить у Сеслава и Былята туло для вудобства были приторочены к седлу.

А про воина Сома Былята балабонил ей-ей истинну, шо он был не привередливый и ладно готовил, потому кады к вечёру, обок реки Ужо стали на ночлег и на уду словили несколько огромных рыбин у том числе и усатого сома. Его тёска Сом со привеликой радостью принялси варить во большом котелке, шо везли с собой, наваристу ушицу, при том чаво-тось развеселое напевая себе под нос.

Борила, покуда старшие разводили костры, и готовили кушанье, искупалси у реченьке, пройдя, абы не пугать рыбину, униз по течению, а возвярнувшись лег на оземь покрытую свежесрубленной прибрежной, высокой да зелёной травушкой. Мальчишечка придвинув к себе котомку, развязал шнурки, и, достав изнутри её, кугиклы принялси играть на них. И по таким вольным, наполненным тёплыми лучами солнца, радости и счастья, землям бероским, по просторам заливных лугов, и стоящим, по другу сторону от ездовой полосы, березнякам да осинникам, полётела нежная, тихая погудка. У тот же морг смолкли голоса гутаривших воинов, затих дядька Сом, прекратив свои напевы, лишь не перьстали калякать пасущиеся ублизи кони. И тады вуслыхал Борилка, як тихо сам с собой разговаривал Крепыш, жалуясь на горьку судьбину, серчаючи на свово хозяина Пересвета, каковой пустил его у каку-то неведомую даль, оторвав от родного краюшка, от любезной его жёнки Звёздочки, да маханьких деток-жеребят. Жалилси сам себе Крепыш, чё горды кони, воинов, надсмехаясь над ним кликают его ведмедём.

Мальчик прекратил играть на кугикле и прислушалси, да вуслыхал ржание свово коня... недовольное и негромкое... Отрок широко вулыбнулси, посмотрел на голубо-серое небо, на подошедшего к краю небосвода и оглядывающего земли Бел Света со любовью и нежностью солнечного Бога Ра, и закрыв очи у тот же миг вуснул.

На пятый день стёжки, Былята, Борил и воины уехали ужось далече от града Гарки, обаче до Люпеля то составляла лишь треть пути. Вмале на перькрестке дорог, вони повернули направо и покинув пределы широкой и глубокой реки Ужо направились у объезд, стараясь миновать огромны просторы хвойных лесов. Тока миновать их почему-то не получилось... Они унезапно встали стеной с одного боку дороги, со другой же, ащё вяще непонятливо, стелилися бескрайние степи покрытые усе возможными ярчайшими, луговыми цветами, правда кое-где вже отцветающими, инолды сменяющиеся ковылями, а после наново тем многоцветным разнотравьем.

В энтом точно зачурованном месте совсем не було речек... ни в каких... ни малых, ни больших, а полуденный жар солнца, казалось иссушил кубыни путников и словно их самих, вубразовав во рту каку-то парящу сухоту. Утомленные от зною и отсутствия водицы воины оглядывали просторы земель, приподнимаясь на стременах, стараясь узреть аль услышать звон воды. Кони измученные, не мнее, а може и паче хозяев, сёрдито трясли головами, беспокоино мотыляли хвостами, ударяя жёсткими волосьми по телам, своим и тех кого вёзли на себе, да попеременно ржали, обидчиво требуя питья. По коже людей и короткой шёрсти животных струилси липкий пот, каковой не приносил облегчения, а наоборот тулил жгуче-сыру рубаху да скряпучее седло к телу, отчавось становилось лишь жарче. Такой нонче не обходимый сын Стрибога Асур Летнего ветра, тёплый и приятный Догода ни появлялси, хотясь о нём усе мечтали, а посему и призывали... но увы! ни Догоды, ни даже его легчайшего порыва, ничавось не пролетало у воздухе. Чудилось шо не тока люди и кони, но и сам бор, и елань постанывали от энтого летнего зною, а временами и вовсе становилось тяжело дышать. Густы воблака пыли, от переставляемых конями копыт, подымались с дорогами, и кружили осторонь ейной поверхности, а посем такими же рыже-бурыми мельчайшими крупинками покрывали шёрсть на ногах жеребцов, точно желаючи усё окрасить во единый цвет.

Борилка шибче усех старалси увидеть водицу, так вон желал пить, потому як давно вже опустошил и свою кубыню, и кубыню одолженную Сомом, воином с которым за последни деньки дюже сдружилси. Он также аки и други путники, приставал на стременах, всматривалси в красноелье, туды во глубины леса. И зрел он у там высоки мощны дерева ели с большущими распротёртыми у разны стороны ветвями покрытыми зелёными, жёсткими и острыми игловидными листьями-хвоинками. Зрел он там не мнее дивны дерева пихты несущие горизонтальны ветви, обильно усыпанные хвоинками, да сосну с высоко поднятой широкой кроной, с чешуйчатой серо-коричневой корой испещрённой трещинами. Во том лесу, под купавыми

деревами, идеже земля була укрыта густой полстиной сухой хвои, да низенькими травушками пробивающимися скрезе неё, медленно вышагивала, по едва различимой звериной тропке, тёмно-бурого окрасу олениха со двумя малыми оленятами, чья шёрстка на спинках казала бледно-белы небольшие пятнышки. Олениха шла по тропе, усё времечко, опасливо поглядывая по сторонам, а её детки не вотступаючи ни на шаг испуганно шёвелили своими крупными вушами, прислушиваясь ко всем звукам у лесу. Борилка, придержал свово Крепыша и кады конь вустановилси, двинулси взглядом по той тропке стараясь обогнать неспешно ступающую мать.

– Ты, чавось Борилка? – вопросил Сом, приметив чё мальчонка замер на месте и сам, придержав свово коня, посмотрел тудысь куды воззрилси отрок.

Борила, словно понимая, шо та тропочка там неспроста, направилси взглядом по ней, и невдолзе увидал мгновенно блеснувшу и тут же потухшу гладь воды. Он торопливо понудил Крепыша и кадый тот перышёл на скок, вобъехал удивленно уставившихся на него Сеслава и Былята, ехавших упереди, да проскакал малеша, а опосля сызнава придержал коня, да вгляделси у лес. Какой-то миг он искал у глубине бора ту тропочку, а найдя сызнава устремилси по ней взглядом и наконец-то остановилси на том чавось искал. Там, ужотко намного далече, иде чичас трюхали странники, и впрямь находилось озерцо... сусем небольшое с синеватой, чистой и прозрачной, еле заметно колыхающейся, водицей. Узрев воду малец радостно выдохнул, почувствовав як до не возможности иссохлись его губы, язык и даже нёбо над ним. Каза-лось язык и вовсе уменьшилси во длине и ширшине, а унутри глотки стоял такой жар, будто Борил чаво-то вельми горячущее сглотнул.

– Борилка, чаво ты поскакал? – нагнав мальчика, да придержав обок няго коня, спросил Былята. – Никак воду углядел?

– Агась, узрел, – довольным голосом произнёс мальчонка, ужотко воущая тот чудесный вкус волшебной и чистой водицы на устах. – Дядька Былята у там упереди вижу озерцо. Токмо трусить надоть ащё по стёжке, а опосля углубиться у бор.

– Идеже, покажь водица, – молвил Сеслав и уставилси по направлению стремительно поднятой руки отрока.

Сеслав привстал на стременах, и, напрягая очи, како-то времечко созерцал дали красно-лесья, обаче, засим покачал головой, верно ничавось не усмотрев.

– Далёко, – пояснил Борила опосля того, аки и други воины, придержав жеребцов, вглядываясь у лесну ширь, так и не смогли увидеть озерцо.

– Неужель ты сице добре зришь? – покачивая головой, поинтересовалси недоверчивый Сеслав, и зыркнул прям у очи мальчишечки.

– Неть, дядька Сеслав, вижу я аки и усе, – заметил Борилка и вульбаясь, похлопал ладню Крепыша по сильной шее, поощряя ехать. – Просто я глотнул божественной силы и отто-гось такими вумениями и обзавёлси... Ну, токась може мы потрусим, а то больно пить вохота!

И зане пить хотел не водин Борилка, а и усе иные странники, то тронув поводья да понуждая коней, потрюхали следом за мальцом. Вскорости они поравнялись с тем местом дороги, откудава було рукой подать до глубин краснолесья в оных и пряталось то само озерцо.

– Туто-ва, тока надобно сойти, – изрёк отрок и первым покинув седло, прыгнул на ездову полосу, густая пыль, витающая сторонь ног Крепыша, ураз поплыла густым маревом к сапогам Борила и немедля сменила на них цвет с черного на пелесый.

– А кони туды к озерку дайдуть-то аль неть? – спросил Сеслав, спешиваясь и вглядываясь во лесну даль.

– Дайдуть, коли мы ногами потопаем, – ответил мальчоночка и первым ступил во невысоки травы, шо полосой вухраняли подступы к бору.

– Былята, давай, тады, ежели там и упрямя будеть водица на ночь востановимси, а то день до зела жаркий был. Да-к и солнце ужо к закату тронулось, – предложил Сеслав, и двинулся за мальцом.

– Есть там озерко, есть, – буркнул Борилка, сердчая, шо ему не верить.

Да потянув поводья на себя, пошёл шибче, шоб значить быстрее найти водицу и дука-зять усем, чё гутарил правду. Лес, у который вступил мальчоночка был хвойным, у нем меша-лись ели, сосны и пихты. Обаче в эвонтом месте окромя ели ничавось не росло, их мохнаты, здоровенны, пониклы ветви стёлились по земле, почва сплошь, уся была покрыта иссохшими хвоинками, сломанными ветвями, а кое-где и порушенными стволами упавших деревьев. Ели наполняли воздух, в красное, запахом ядрёной хвои и горьковатым ароматом живицы, сте-кающей по стволам деревьев да застывающей у там в виде жёлтовато-прозрачных наростов, топорщившихся недалече от зеленоватых молоденьких шишек. Шагающий упередил сех Борил всматривалси удале, он вжесь давно узрел озерко и теперь вельми торопилси, занеже хотел убедить недоверчивого Сеслава да и других воинов, шо ни чё, ни надумал. Отрок прибавлял шагу, резко дёргал за поводья буро-серого Крепыша, которого секли по телу ветви ели, бойко перьпрыгивал чрез упавши стволы деревьев, и напоследях приблизилси настолько, шо озерко блеснуло яркой-синевой воды. И у тот же морг услышал позадь себя восторженные, одобри-тельные возгласы воинов да радостное ржание коней, почуявших водыку.

Обойдя очередну полосу деревьев, мальчик вышел на берег озера, да глянув на таку вождеденну воду, раскрыл до энтого сомкнутые, сухие и потрескавшиися губы, и абие у ротъ хлынул живой дух прохлады, перьмешанный с чистотой места. Борила стора от жёлания быст-рее напиться, остановилси и обернувшись, зекнул глазами на вышедшего из-за ели Сеслава, тот поравнявшись, протянул руку, и, придержав под уздцы Крепыша ласковенько вулыбнулси да кивнул, позволяючи, тому кто их и вывел к воде, испить её первым. Малец вубрадовавшись разрешению, отпустив поводья не мешкая побёг к бережине и резво впал на колени пред води-цей, прямёхонько во густой зелёный мох, шо пухлыми подуками укрывал по кругу нешироко озерко. Низко склонившись над той дюже чудесной жидкостью, вон вытянул губы и принялся пить, таку чисту с лёгким привкусом живицы и хвои, воду.

Мальчонка утолял жажду вельми долго, ужось усе воины, сменяючи друг друга, напи-лись, заполнили кубыни, у том числе и его, а он всё никак не мог оторваться от водицы. Напо-следок вон сделал ищё пару больших глотков, засим вопустил ладони у озерцо, набрал у них таку изумительную воду и обмыл лицо да волосы, кои от жара, пота и пыли слиплись, и висели словно снурки, и тадысь тока поднялси на ноги. И тагды воины подвели к воде лошадей, оные зайдя по колени в озерцо, пили также долзе як и Борила, да смачивали у ней свои длинны, раскрасивы гривы.

Отойдя от края берега, мальчишечка осмотрелси, тяперича кады он напилси и жажда перь-стала егось изводить можно було и восхититься таким красивым, чудным местом, у котором они вочутились. Озерко окружали те самые широкие у обхвате, высокорослые ели, ближай-шие подступы к нямю поросли ярким, зелёным, пухлым мхом, кажись нарочно здесь высажен-ным. Насупротивной же стороне озера мальчик разглядел тропочку, да тока не зверину, ту, шо проходила рядышком, по каковой двигалась олениха-мать и взгляд Борилы, а точно пробитую людскими ногами, которые творя стёжку убирають со неё стволы, ветви и веточки. Малец вгля-делси у ту торенку, вон даже привстал на носочки, стараясь выведать, куды ж она вядёт, но та стёжка ускороности терялась из виду... там... идеже, ражими стенами, стояли хвойны дерева и уютка не тока одной ели, а сызнава уперемешку с пихтой и сосной.

– Место ладное, – молвил, рассматривая озерко Сеслав и погладив своей шершавой от мозолей ладонью отрока по мокрым волосам. – Умница Бориша, шо вузрел энто озерцо.

– Там с той сторонюшки озерка торенка, – указуя на противный берег закалякал малец. – И та торенка ня зверина, а людска йдётся вона во глубины леса, и идей-то теряетси, вже то я не зрю.

– Идеже тропка? – у два голоса взволнованно перьспросили Сеслав и стоявший сторонь него Былята, и вонзились взглядами туды куды указывал мальчонка.

– Агась, и я ту тропку зрю, – вступил у разговор Орёл, он поднялси с оземи, иде сидючи на мягком мхе снуровал свои сапоги, абы те крепко обхватывали голень ноги. – Та тропа чиста... прав Борил не зверина, людска... А може тудо-ва идей-то поселенье людей, али может гнездо душегубцев каких? У таки кругом чащобы, окромя душегубцев в энтих землях никтой и не поселитси, кому ж оно нужно прячаться от честного люда.

– Не дюже то похоже, шо тут могут обитать душегубцы, – заметил Сеслав и вроде выпрашивая у свово шрама, провел указательным пальцем по тому насегда вспухшему шву кожи. – Вжесь я ведаю, чё тот злобный люд николиже ни чаво дельного не могёт делать, окромя боли и зла, а тутась вишь як мудрёно усё устроено, – Сеслав обвел рукой, будто очерчивая коло по краю бережина озерца. – Тудо-ва оно ж сразу видать ктой-то вухаживает за водицей и озерком. Весь берег мхом уважен, а у водичке ни веточки, ни иголочки. Коли кто тута и живёт, то явно не душегубец... то ктой-то иной.

– А тады ж кто? – встрял с вопросом, самый молчаливый из усех, Гордыня и мотнул главой у сторону противоположного берега. – Кто ж у таку даль зайдётся? Кому тако надобно?

– Може какой лесной народец, – соглашаясь с Сеславом закалякал Былята, он воинами был избран старшиной, оттогось его слово было засегда последним и должно самым верным. – Одно точно, народец тот не злой, гляди як вони лес чтуть и любить, а ежели любить, значь у душе ихней свет править... Ну, и тадысь усем понятно свет и зло, и тьму засегда изгонить. – Былята задрал голову и посмотрел вверх, тудыка на усё ащё голубовато небушко, кое, обаче, уже покидал Асур Ра, и произнёс, – нут-ка, давайте чё-ль на ночлег становитси, лучше место и не выбрать. Орёл, Крас, а ну-кась, пройдитесь, може чаво подстрелите, вже тут дичи должно быть у достатке.

Крас и Орёл вуслыхав указанье старшины, согласно кивнули головами, да принялись сымать с сыромятных, широких поясов ножны с мечами. Пристроив оружие на мох в одно место, парни перькинули через плечи туло со стрелами да взяв по луку ужотко было двинулись на охоту, кады Борил заглянув у узковатые, зелено-серые очи Быляты, выпрашивающе прогутарил:

– Дядька Былята, а може и я с ими схожу, мене засегда братцы да отец брали, да и нонче я такой глазастый... вжесь усё узрю окресть.

Старшина воинов посотрел на взволнованного мальчика, и, благодушно вулыбнувшись, пожав мощными плечьми, ответил:

– Отчагось сходи, коли робяты берут. – И первьёл взгляд, зыркнув на Краса, который меж тех двоих был усегда старшиной, и кады парень кивнул, добавил, – тока далёко не хаживайте. Да сице, шоб мы могли прийти к вам на выручку. А то усё ж неведомо, ктой то топтал ту тропочку.

Борилка утак вобрадовалси, шо не дослухав Быляту, мгновенно скинул со плеча котомку, да пристроив её к оружию робят, торопливо взял у Сома, туло и лук, каковые тот по доброте души пристроил на своем коне, да спине, абы отроку було по-легше. А опосля, скорым шагом, поспешил за парнями, обходящими озерцо по левому краю бережины, покрытому мягким и кое-где влажным мхом. Мальчик вскоре нагнал Краса и Орла и также як они медленно пошёл следом.

Обогнув озерко, они вышли к тропочке, и, ступив на неё, остановились, шоб осмотретьси. Та торенка и впрямь була ладно вутопанна, и будто ездова полоса покрыта свёрху бурой пылью. Со неё были сметены або вубраны ано мельчайши листься-хвоинки, а по поверх-

ности ейной проглядывали следы. Водни из них принадлежали зверю, то были влажны больше следы волка, точно животное та совсем недавно алкала из озера водицу. Одначе, были тут-ва и следы чем-то схожи с людскими стопами. Токмо вони были не крупными, и, по длине, кажись, принадлежали отрокам, такого ж возраста як и Борилка.

Присев на корточках обок стёжки и воглядев, вошупав следы и людски, и зверины Крас како-то времечко молча их созерцал, а посем поднявшись и пройдясь уздъ да перёдъ по тропке, развернулси и крикнул, обращаясь к Быляту:

– Отец, тутась людски слёды, давеча хаживали... обаче, похожь то прибредали отроки, равнолетки Борюши нашего.

Былята вслухалси в окрик сына, и кивнувши, ответствовал сице, шо голос евойный пролетевши, своим приглушённым звуком, наполнил токась земли покрытые мхом и саму водну гладь озера:

– Шо ж, будьте начеку, далёко не ступайте, оно як у ребятёнка засежда есть отец аль дед.

– Ладненько, – согласно и тоже тихонько выдохнул Крас, и, пропуская уперёдъ глазастого Орла пошёл за ним следом.

Борила обернулси назадъ, посотрел на своих путников. У там, за озерцом, Сом и Любин уже разводили костры, востальны ж воины принялись собирать сушняк. Малец чуток помедлил, да засим уприпрыжку побёг нагонять робят, на ходу поправив туло на плече. Орёл шел дуже медленно, осторожно и бесшумно ступая на оземь, и у то ж времечко внимательно рассматриваючи чернолесье. Борилка нагнал Краса идущего следом за соотчиком, и парень воглянувшись сердито зыркнул на него, тяперича прямо-таки тёмно-серыми очами, да, мотнувши головой, отчавось егось вихрастый чуб подлетел увыспрь, шёпотом молвил:

– Ты, чавось скачешь аки конь? Усё зверье разбежитси, при таком то гаме.

Отрок тот же сиг перышел на шаг и понятливо провел пальцем по устам, показываючи, шо будет соблюдать положенну у таком случае тишину. Крас сменив на лице выражение с сердитого на сурьёзное, усё ж одначе вухмыльнулси, да поспешил за уходящим Орлом, а мальчочка, меже тем, не отставаючи, но днесь ступая неслышно, прынялся оглядывать земли справа и слева от себе. Как вон и приметил раньче, в этом месте, ели стали наново перемешиваться с сосной и пихтой, и, возвышаясь плотными стенами подбирались почитай, шо ко самой торенке. Неиде кругом не було заметно никакого поселенья, ни избёнки, ни даже шалаша, у которых частенько вотдыхают али прячутся от непогоды охотники. Тропка, усё также хорошо наторенная, вела впередъ, инолды петляючи управо и улево, може прячась под мощными ветвями ели, а може заманивая в свои неизведанны глубины чужаков. У бору було оченно тихонько, кажись от той духоты которую нонче сотворил Бог Ра, зверье присмирив отлеживалось у прохладных норах под землёй або под широкими ветвями деревьев, создающих навес. Но глазастый Борила усё ж вскорости узрел, под малорослой молоденькой елью, серого, большущего зайца. Тот прилег на оземь, и, поглядываючи по сторонам, тревожно подёргивал длиннющими вушами, вслушиваясь у те новы, неведомы ему до нонешнего денечка, звуки, пришедши у лес.

Разглядев того зайчину мальчонка восстановилси, спешно снял с плеча лук и открыв кожанну крышку туло достал отнуду стрелу. Лук отрока был простым. Концы егойны, величаемые рогами, были выточены из рогов оленя, древко содеяно из дубовой ветви, а тетива сварганена из жилы зверя. Вставив стрёлу у лук да придерживая её пальцем, Борилка направил острый наконечник у направлении зайца. Уже вельми медленно вон оттянул тетиву к правому уху, и, прикидывая на глаз, отпустил её. И абие вырвавшаяся из лука, порывиста да крепка, стрела с черенковым наконечником, венчающаяся пером орла, чуть слышно засвистев и будто рассекаючи воздух, понеслась к притихшему зайцу, каковой успел токмо тревожно повесть ушами, як остриё шиловидного черенка распоров серу шерсть надвое вошло у его тело.

Орёл и Крас услышав радостный возглас Борилки ураз повернулись, а малец уже сошёл с тропы и направился напрямёхонько к убитому зайцу.

– Чавось? – раздался позадь мальчонки недовольный говор Краса.

Борилка вуказуя рукой на молоденько деревцо, под которым лежала дичь, на морг обернулси, замедлив своу поступь и глянув во нахмуренны лица робят, негромко изрёк:

– Зайца я тама подстрелил, – да не мешкаючи прибавив шагу, перешёл на скок и у таком подпрыгивающем виде, двинулси ко добыче.

Проскакав по озеке укрытой полстиной хвои, сувсем немножечко, Борила унезапно почувствовал, аки та ушла у него с под ног, и он на чуток вроде завис у воздухе. Отрок поспешно глянул себе под ноги, и узрел там узку и, верно, бездонну рытвину, порывисто взмахнув руками, будто крылами, он откинул у сторону лук, а миг спустя полетел униз, ведомый тяжестью ног. Пытаясь удержаться на поверхности земли, Боренька даже впилси перстами у край озеки. Токась пальцы рук вырвав цельный пласт почвы соскользнули униз, следуя за двигающимся телом. И стоило рукам покинуть тот наземный мир, як чичас же послышалси глухой скрёжеть, вроде як волокли до зела здоровенну крышку от бочки по деревянному, гладкому полу избёнки. И Борилка, усё поколь глазеющий у вышину сереющего неба, увидал, шо прямо над ним сомкнулась земля, сице точно у той круглой крышкой закрыли сверху бочечку. Свет немедля потух, и мальчик продолжающий свой быстрый полёт, куды-то удал под землюшку, осталси у полной тьме.

Протянув руки уперёд, мальчоночка пыталси вухватиться за коренья, мотыляя ногами он врезалси плотными подошвами сапог у землю стараясь снизить быстроту полёта, но ничагось не помогало, потомуй как стены того прохода, по-видимому, сделанные людскими трудолюбивыми руками, были вельми залащенными. Казалось, шо по энтому ходу пускали воду, которая и обмыла стены, уничтожив на ней усяки выступы, щели, бугорки и выемки, из земли не торчали ни то, шоб коренья, ни було даже самых маханьких, тонюсеньких корешков. А Борила сице и не замедлив быстроту движения лишь до боли забил себе ту гладку оземь под ногти. Нежданно проходь и вовсе накренилси да пошёл отвесно униз. Ко всему прочему он ащё и сузилси, а поелику отрок раза два у нём застрял, впившись своими широкими плечьями у стены лаза. Всяк раз кады мальчишечка осе так застревал, у таком висячем положение, он, кряхтя, глубоко вздыхаючи (да вжелая ужось пробиться хотя б куда-нить) начинал дёргать ногами да извиваться телом. Борилка вупиралси стопами подошв у стены, порывисто двигал плечьями управо и лево, и напоследях, усё ж выскочив из полону, сызнава продолжал свой полёт. Очередной раз застрявши, занеже проходь наново дюже сузилси, малец почувствовал як кой-то снизу крепко схватил его за ноги, обутые у сапожищи и резво дернул удал. Плечи отрока не мешкаючи, словно салазки заскользили по стенам. Вдругорядь малеша полёта и проход закончилси, резво оборвавшись. Борила вымахнул из няго и первое, чё успел разглядеть, ищё ано не приземлившись, здоровенну дубину со круглым набалдашником, оной егось тутась же огрели прямо у середку лба. Послыхалси зычный звук удара, и пред очами мальчоночки появилась густа тьма.

Глава седьмая. Гуша

Борила открыл очи, и проморгалси, изгоняя усё ащё витающий осторонь них черный дым, а кады чуток пришёл у собе увидал, шо находится во большой землянке, идеже и пол, и стены, и потолок были сплошь земляными. Мальчик пошевелил руками и огляделси, вон сидывал прямёхонько на куче мягкого бурого мха, прикрывающего оземь, позади няго поместилси не широкий в обхвате, кривой столб, подпирающий свод землянки. Руки отрока, завешенные назад, были крепко связаны сице, шо столб вупиралси у его спину своей шершавой, порыпанной корой. У землянке, коя походила на бероску четырехугольну горницу, у том месте иде сидел привязанный ко столбу мальчоночка, було довольно светло, занеже в земляных стенах жилища, на равном удалении друг от друга, во округло-выдолбленных углублениях располагались испускающие бледно-голубоватый свет лесны гнилушки. В ширшину землянка достигала не меньше косовой сажени, а у длину была и вовсе большенькая так, шо другого конца ейного и не обозревалось. Оно, плохонько просматривалось, ищё и, потомуй как у те самы гнилушки, там дальче у стенах сувсем перьстали светиться и вже почитай померкнув, токмо изредка, махой каплей нежданно вспыхивали, како-то мгновеньце брезжили, озаряя землю вокруг себя, да тутась же тухли. У мальчика, от полученного удара, на лбу вскочила здоровенна шишка, а голова слегка кружилась, поелику вон и не сразу разглядел того кто вуказывал тутова, да чичас, тихо кряхтя, шёл из полутемной части землянки ко няму. Борилка узрев како-то расплывчато, серо-бурое пятно, сызнава порывисто проморгалси и тады ж смог лицезреть приближающегося.

– Охо... хо! – тока и выдохнул отрок, внегда существо вышло в озаряемый светом кусок жилища, и стало ясно видно.

И, верно, тако существо окромя «охо... хо» и не могёт ничавось паче вызвать... Ну, може ащё громкое «а... а... а!..» но Борила трусом николиже не был, посему и издал то самое «охо... хо».

Существо, однозначно, было людского роду-племени и росту такого же як и мальчик, сидящий абие на куче пожухлого, сухого мха да взволнованно вглядывающийся в облик хозяина жилища. Человечек, сделал пару шажочков и остановилси, как раз насупротив мальчоночки, сице точно жёлал, абы тот углядел увесь егойный облик ужотко весьма скривлённый, с повисшей униз, и чуть ли не лежащей на груди, головёшкой. Одначе, на спине у существа горба вовсе и не имелось, а голову оно клонило по той причине, шо та была до зела боляхна, и како-то не суразмерная сравнительно с телом, руками да ногами. На голове сувсем не зрилось волос, а там откудова вони должны расти находилась коротка, тёмно-бура шёрсть. Такой же шерстью бурой да короткой были покрыты и руки, и ноги, и усё туловище существа, и энтим самым оно маненько смахивало на медведя, имея тако же аки и у тот зверь коренасто, мощно тело. Лицо его хоть и не було мордой, и на нём отсутствовала шёрсть, усё ж было сложно назвать ликом. Ужо не блистало оно привлекательностью, а наоборот казалось дюже отталкивающим. Широченный нос, приплюснут так, шо и сувсем не можно узреть ноздрей, лишь едва различимы тонки щели. Нависающий над лицом лоб крупный, покрытый корявыми и глубочайшими, словно русла рек, морщинами, заканчивалси кудреватými, густыми бровьми напрочь загораживающими махонечкие очи, какого-то тёмного почти, шо чёрного цвету. Уста у энтого человека были также внеобычны, широки да толсты ко сему прочему ищё и пучались. А нижняя и вовсе выворачивалась, и оттого, шо подбородок прямой да большенький тоже як и лоб выпирал уперёд, вона, вэнта нижня губа, покоилась на подбородке. Из-за оттопыренной губы очень хорошо просматривались два ряда зеленоватых зубов, а из левого уголка рта стекала тонкой струечкой бела пузырчата слюна. На существе окромя обмотанного подле бёдер холста, на вроде бероской женской, токмо короткой, понёвы, зеленоватого цвету ничавось не имелось.

Оно и ясно почему, ведь та сама шерсть должно неплохо сугревала его коряво тельце. Борил оглядел человечка, аки гутарится, с головы до ног и ещё раз громко охнул, зане днесь на существе заметил свои чёрные сапоги, правда не снурованные, а на плече висевше туло.

Человечек, шагнув ближе к мальчику, гулко закричав, присел на корточки, да заглянув у егось зелены с карими брызгами очи, на ломанном бероском скузал:

– Зайша плока убивад... ок! плока, дак аки ды убил таво зайша... болна будид дибя.

– Зайца, – с трудом разобрал о чём калякает жилец этой землянки, принялся оправдываться Борилка, почувствовав як от сказанных услух слов загудела ударенна голова. – Я убил зайца, абы пожелвить егось.

Существо яростно замотало из стороны у сторону головёшкой, сице чё из евойного рта во все направления полётели пухлы снежинки слюны, и сердито молвило:

– Лиша мой, убивад могу тока я.

– А ты ктой таков? – спрашал Боренька, узрев у мелких, растянутых очах человечка обиду.

– Я шишуга, – гордо вскидывая уверх своу здоровенну голову, гикнуло существо.

– Ах, – обрадованно признёс малец и пошевелил крепко стянутыми позадь столба руками. – Ты лесной дух, эт ладно... Тады ты должён.

– Я ни дука, – недовольно выдохнул человечек своим сиплым, низким голосом. – Я налода.

– Налода? – повторил мальчик, явно не понимая о чем балабонить человечек. А миг спустя разгадав то чудно слово, пожав плечьми, молвил, – обаче шишиги не народ, энто лесны духи и вони...

Однакось, рассерженно существо, протяжно закричав, будто тащило на себе чавой-то весьма не подъемно, протянуло правую руку уперёд да махонисто расстопылив пальцы, короткими, крепкими и малёхо загнутыми когтьми, на вроде звёриных, приболно стукнуло мальчищечку у лоб сице, шо от вэнтото удара у тогось наново закружилась голова. Человечек, мгновение помедлив, верно позволяючи Бориле проморгаться, произнёс:

– Я ни шишига, а шишуга... ни дука я, а жидил лиша... Моя налода очинно дливня. Мы налода ни дука... И мы лубим лиша, звиля, пдиша. Мы указиваем за озиллами, лодниками, клучами и ни позволяем даким аки ды, убивад зайша, и не дока зайша.

– А, сице вы выходят не духи, вы люди, – поморщившись от тогось крепкого да болезного удара об лоб острых, словно острие стрелы, когтей, закалякал Борилка. – Я уразумел... уразумел... вы народ, шишуги. От-то я и не ведал, шо такой народ есть... думал шишиги энто таки масеньки духи лесны, охраняюци корни деревьев от зла усякого, того, шо из Пеклу у Бел Свет иноредь хаживает.

Шишуга поднялся с корточек и выпрямившись посотрел на отрока свёрху униз, да покачал головой, ужось правда не так яростно, посему слюна стекающая по подбородку, не разлетелась в стороны, а лишь, сорвавшись с него, юркнула кудый-то ближе к земляному полу, и принялся разьяснять:

– Шишуги налод, и он окланяит колни диливив од злобнык лудий, кодолыи пликодяд в наши лиша, абы лубит дилива, убивад зайша и пдиша.

– Я убил зайца, занеже был голоден, жёлал пожатать, – отвечивал мальчик, стараяся втолковать такому сёрдитому человечку, шо ни о чём дурном, ни помышлял.

– Гы... гы... гы, – загиликал шишуга, и потер меж собой волосаты ладошки. – Голодин... и я голодин, подому съим дибя. Ды болшой и дакой кушный.

– Неть! неть! – испуганно вскрикнул Борилка припоминаючи полученный по лбу удар, и понимая, шо человечек кажись ня шутить, да дёрнулси уперёд намереваяся разорвать связываюци егось путы. – Я вовсе не кусный, и шамать мене не стоить... зане я до зела горький... горький. Тьфу и у рот неприятно брать.

– Кгы... кгы... кгы, – тяперича шишуга не смеялся, а похоже закашлял. – Кушный... кушный.

Существо казалось те слова да немедля развернулось и медленной поступью, усё ещё покашливая, пошло тудысь у тёмну часть землянки. А Борила узрев уходящего шишугу, ощутил аки на голове у няго сами собой поднялися дыбом волосы, по коже спины колкой волной пробегли крупны мурашки, и во душе, на какой-то сиг, появилси дикий ужас, жёлающий вырваться из приоткрытого рта. Токмо малец поспешно сжал плотно уста и принялся шибче рваться вперёд, стараясь разорвать ужу связывающу руки.

Скрывшегося, у сумраке землянки, человечка, в энтот раз, было усё ж можно разглядеть и мальчоночка видал як тот чуток пройдя, остановилси осторонь левой стены и, покряхтывая, наклонившись, поднял чавой-то с пола. Кадыличи ж он сызнава распрямил свой стан, и неторопливо развернувшись, направилси к мальчику, Борилка задышав ищё тяжелее, с большим усердием принялся рвать сдерживающие егось путы. Потому как приближающейся шишуга нёс во руках ту самую здоровенну дубину с набалдашником, каковым судя посему и был приответственно огрет мальчишечка по лбу. Человечек подошёл ближе к отроку и занёс над ним дубину, ноли коснувшись ейным набалдашником свода землянки.

– Погодь, погодь, – гикнул мальчоночка, и, задравши голову, уставился на занесенную над ним дубину. – Глянь чавось у мене на груди есть.

– И чиго дам? – слегка покряхтывая, спросил шишуга, продолжая подпирать дубиной потолок свово жилища.

– У тама знак Асура Велеса, – торопливо ответил Борилка и повел очами в сторону груди. – Ты як лесной житель, должён подчиняться Велесу поелику...

– Никаму я ни подчинаус... сыг... сыг, – чуть слышно рыкнув, скузал шишуга. – Я дйби ни дука, я лудя.

И человечек, сувсем немножечко согнув ноги у коленях, отвел назад дубину с округлым набалдашником, запрокинув туды не тока руки, но и усё тело, да абие, резко, низвергнув её на голову отрока.

– Ай! – токась и вуспел выкрикнуть малец, да у последний морг увидав летящу в его направление дубину, склонил голову униз подставляя под тот удар не лоб, а затылок, шею и спину.

Раздалси довольно громкий звук, будто ктой-то сломал вельми крупну ветвь у дерева, таче Борилка вошутил сильну боль в подставляемой им спине, и голове, да вдругорядь пред евойными очами проплыл густой чёрный мрак, усеянный с водного краю яркими белыми крапинками света.

Верно, како-то времечко, та темина парила пред глазами мальчика, засим белы крапинки света нежданно вспыхнув начали мерцать, будто звёзды во ночном небе, а ускорости и вовсе принялись увеличиваться, разрастаяся уширь, поедая усю мглу. Немного погодя они полностью поглотили ту плотну темриву, заполнив очи отрока сначала белым, а опосля бледно-голубым светом. Мальчоночка, пару раз моргнул, и узрел поперед себя кучу сухого бурого мха, да лежащи на нем раскиданны у разны стороны ноги. Медленно покрутив головой, Боренька почувствовал резку боль сразу у главе, шее и спине. Он ещё раз порывисто моргнул, тряхнул свисающими, устремлёнными к долу волосами, и неспешно подняв склоненну, и точно повисшу удол главу, распрямил шею, стан, да осмотрелси.

Малец усё так же находилси в землянке, привязанный ко столбу, в шаге от няго на земляном полу валялась дубина, да туло, а недалече, в светлой части жилища, приткнувшись ко стене, свярнувшись калачиком и укрыв голову руками лёжал шишуга, над оным лётало цельно облако масеньких, жёлтых бчёлок. Они нещадно жалили человечка и у лицо, и спину, и руки, и ноги, да несмотря на шёрсть, по-видимому, причиняли дюже болезненны страдания. Шишуга легохонько да вельми жалостливо постанывал, и, стараясь отбиться от бчёлок, инолды отры-

вал руки от головы, мотылял ими тудыли-сюды, жаждая разогнать расшалившихся махунечких животинок. Обаче, при энтот он открывал своо и вовсе ничем не прикрыто лицо, у кые немедля, прямёхонько у бледно-буровату кожу, впивались сёрдиты бчёлки, кусая ащё шибче да злее. Шишуга тадысь издавал продолжительное: «А... а... а!..» да пронзительно всхлипывал, будто собираясь ревмя зареветь.

Борила задрав, тяжёлу от боли, голову, поглядел увыспрь. Там, над ним, совсем близёхонько также витали бчёлки. Чай вони, вылетаючи из раны, оставшейся на главе и спине, да кружа над волосьями отрока, не жалили егось, а даже наоборот точно старались помочь. Еле слышно жужжа, бчёлки, порывисто дергали своими крохотулечными ножками, и, ссыпали с них на мальчоночку мельчайше крошево златого света, от которого боль у ранах вроде як утихала.

– Бчёлки, бчёлки, – заплетающимся, неповоротливым языком вымолвил отрок. – От пут мене освободите.

Бчёлки словно смягнув, о чём просить мальчик, сей же миг порхнули униз, да воблетев привязанного ко столбу Борилку, зажужжали обок стянутых ужой рук. Како-то мгновение вони настырно и весьма шумно там жужжали. А чуток погода малец почувствовал як сила пут стала слабеть, тады он резко потянулси уперёд, да, единожды с энтим напрягая усю своу мощь, дёрнул руками у стороны. Раздалси тихий скрип и остатки, подобно обожженных у местах, иде трудились бчёлки, верёвок распалися, высвободив руки отрока. Борила припал спиной ко столбу и поднеся руки к очам осмотрел их. Кожа на запястье тяперича була не смуглой, а сине-жёлтой. Огладив перстами те саднящи места, вон поморщилси, да подняв праву руку увыспрь, ощупал голову, из раны коей усё ищё сочилась юшка, оборачивающаяся у бчёлоч, а длинны волосы висели какими-то спутанными клоками. Опираясь спиной о столб, покачиваясь вправо або влево, мальчишечка тяжело поднялси на ноги, на чуток застыв у таком положеньце, шоб прийтить у себе, да прогнать завертевшихся сторонь очей голубоватых капелек света.

Вмале обрета, каку-никаку, крепость, в до энтото трясущихся коленях, он шагнул уперёд да склонившись, поднял с пола туло и ту саму дубину от каковой сице пострадал. Торопливо закинув туло на плечо и имея таку защиту, аки дубина, у руках, мальчик двинул своу поступь прямёхонько в тёмну часть жилища, хорошенько оглядывая его по ходу. Он прошёл мимо усё ащё стонущего человека, над оным висело облачко бчёлоч, попеременно егось жалищих, да попал у сумрачно место землянки, которая оказалась не такой уж и длинной, як то ему чудилось, и завершалась гладкой стеной. Осторонь с ней, почитай касаясь её водним краем, в своде потолка находилась дыра, сквозе кью малец, судя по сему, и влётел у жилище шишуги. На полу, прям под лазом, лёжала небольшая горка буро-зеленоватого мха, постеленная там для мягкова приземления. Мальчик, обозрев пустоту эвонтой полутёмной части жилища, неспешно развернулси и посмотрел назад, туды идеже находилси столб укрытый мхом, и у шаге от какового высилась ровна, гладка земляна стена.

Словом, як уяснил для себе Боренька, выхода из эвонтого жилища не було...

А тады же аки покидал землянку шишуга?

Ведь земляны стены довольно гладкие и нииде ни зрелось на них ни двери, ни какого иного проема.

Мальчик ищё малеша постоял, покачиваясь от вдаренной головы, и глядючи на колыхайшийся, точно парящий голубоватый свет, исходящий от гнилушек, а посем двинулся к шишуге, желая разузнать у того, як покинуть столь благодушно жилище да гостеприимного хозяина. Подойдя к человеку, Борилка восстановилси от негось на небольшом удалении, он медленно протянул у направление того дубину и лягохонько пихнул шишугу набалдашником в спину. И у то ж мгновение бчёлки зажужжали звонче да пронзительней, они, враз, отлетев от шишуги, подались у высь, да собравшись, сжавшись у лучистый жёлтый комочек, зависли над ним. Малец наново пихнул хозяина жилища у покрыту шерстью спину и загутарил:

– Шишуга, выведь мене отсюда... Я уйду из твою леса и николиже больше ни одного зайца не вубью.

– Ни кушный... ни кушный... голкий, – отрывая руки от головы и выглядывая из свою калачика-укрытия, молвил шишуга. – И плавда тако голкий ды... тако голкий... и ок! болна кушаиша.

– Я ж тебе калякал, шо горький, а ты не поверил, – произнёс отрок, и опустив дубину униз, уткнул набалдашник в пол, опершись на неё так, абы егось меньше качало.

Шишуга неторопливо разогнул спину, выпрямил ноги, и руки, и, улегшись на земляной пол спиной, уставилси взглядом на кружащий над ним комочек бчёлок, да протяжно закряхтев, подтянув своу вывороченну нижнюю губу к верхней, добавил:

– И болна кушаиша... бона.

– Ты мене тоже до зела больно шибанул по главе, – заметил мальчик и слегка повел ею у бок, отчевось пред глазами вдругорядь завертелси голубоватый свет. Борила маленечко медлил, а кадысь увесь ветворот из свету иссяк и лежащий на полу шишуга глазеющий то на негось, то на бчёлок тяжело вздрогнул усем телом, поспрашал, – шишуга, а у тебе имячко то есть? Мене вот кличуть Борила, а тя як?

– Мини зовуд Гуша, – поспешно ответил шишуга, и, подняв руку погладил пальцем свой малёхо вспухший от вукосов нос. – И я ни кадил тибя ист... Я им ягоды, колешки, шишки... и... и... а лудей ни... ни.. Кадил шдукнуть, шоб болна было и тибю... аки дому зайшу.

– Аття конча... Оченно я радёхонек, шо ты мене не вжелал пожвакать, – откликнулси отрок и глянув на явно пужливого и какого-то вельми забитого шишугу, приподняв дубину вотступил назад, абы тот мог подняться с полу. – Одначе, я Гуша шамаю зайцев, оленей и усяку другу живность. Я шамаю мясо, посеуму и стрелял у евонтого зайца, я егось жёлал зажарить и сить.

– А ды шишки... и..и... иш да колешки, – забалабонил Гуша и медленно принялся подыматьси, узрев оно дело бчёлки шибче заужжали и слегка подались уверх.

Шишуга неторопливо усевшись, поджал ко себе ноги, приобнял их руками, будто опасааясь за них. Таче вон, также неторопливо, развернулси, приткнулси спиной к стене и задрав голову, вонзилси взглядом у лицо мальчоночки.

– Знашь чё... шишки да корешки шамай сам, – скузал Борилка. И, направив набалдашник дубины на сапоги, которые шишуга натянул на свои ножищи, и ноне трепетно обвивал руками, добавил, – мене сам Асур Вышня и Асур Велес вуказали ходють у лес и вохотитьси на зверя и птицу, а поелику я сице и буду засегда поступать. А, ты, Гуша давай сымай мои сапоги, – отрок потрянул дубиной, отчавось бчёлки подались маненько униз, и шишуга нанова порывчато вздрогнул усем телом. – Сымай, сымай да поживей. А опосля вывода мене отсюда, занеже вишь бчёлки до зела сёрдиты. Хотють вони влететь у лесной бор и суздать тама улей. А ежели ты бушь ищё тама чё лишне пустомелить, то они могут и перьдумать да повпробывать тебе на вкус, зане похоже ты усё ж паче кусней мене и не такой горький.

Гуша унезапно ослабилси, и евойна вывернута, лежаща на выступающем уперёд подбородке, нижня губа сице растянулась у ширь, шо он мгновенно перьстал быть отталкивающим, а разом стал симпатишным... И глаза его удруг блеснули ярким зеленоватым светом, вовсе вони и не были чорными. Шишуга не мешкая принялся сымать с ног сапожищи. Кады ж вон их снял, то Борила увидал небольши волосаты стопы, словно у отрока, с короткими, толстыми пальцами да загнутыми чёрными когтями. Гуша протянул сняту обувку мальчику, а тот приняв, но усё ж опасаясь присесть, стал натягивать их так... стоймя, притулив на всяк случай дубину к правой ноге. Боренька ано не стал снуроватьси, страшась, шо шишуга, дюже похорошевший от вулыбки, могёт сызноа по-дурнеть и огреть его эвонтой дубиной. Внегда сапоги, хотясь и с трудом, потомуй как суконки обтягивающе ноги маленько слезли, вочутились на прежнем месте, Борилка ухватил у праву руку дубину и распрямив стан, встрепянул

плечом поправляя сице туло, висяще на широком ремне на спине, да обратившись к шишуге, поспрашал:

– А вас тут-ва у бору, шишуг таких... много жавёт аль як?

Гуша продолжаячи шериться, судя по сему кумекая, шо лишь таковой улыбкой да доверчивым взглядом могёт расположить к себе обладающего днесь воружием, а значить и силой, мальчика, отвечивал:

– Мого... мого... Наш дуд мого. Но вше живуд шимьями... тока я овья... овья.

– А чаво ж ты овый? – не сводя взору с улыбочивого и такого доверчивого лица шишуги поинтересовалси мальчуган, и подняв леву руку, провёл перстами по затылку, откуда вдрогорядь вылетело две бчёлки, кые без задержки, присоединились к парящему жёлтому комочку.

– Вок!..вок!... – Застонал Гуша, и громко втянув носом воздух, горестно загутарил, – шилно шидидый я... шидидый и ушо дудо-ва... Одогош шишугушки миня ни лубяд... вок!

– Ужотко эт ты прав Гуша, до зела ты сёрдит, – согласилси отрок. Он мотнул у сторону дубиной, указуя таким образом подыматься на ноги и скузал, – сице, шо давай выводь мене отсюдава, а то там, верно, мои путники изволновалися искаючи мене.

– Ночя у лишу, – пояснил шишуга, и, подняв увись сомкнуто во кулак руку, оттопырил указательный, толстый да короткий палец, с загнутым коготком, направляючи егось на свод землянки, да качнул своей здоровенной головой. – И двои пудники кичад... кояд и кичад... Болил... Болил!

– А ты откедова то ведаеш, шо вони гамють? – удивленно спросил малец, и нанова лягонечко мотнул дубиной.

– Шышу... шышу я... вшо... вшо шышу... Болил! Болилка... кичад... иди ды? – прокалякал Гуша и ащё ширше растянул нижню губу.

– Коли гикають, знать переживают да тревожатси, – загутарил мальчишечка и вотступая назад, вздел леву руку вверх едва помахав бчёлкам, словно подзывая к себе и немедля те, точно понимаючи Борилку взвились выпрь и подлетев к няму, замерли издавая тихое ж... ж..ж.. – Тадысь давай поторопимси, – вуказал он.

– Кгы... кгы... кгы, – издал Гуша и кивнув на жужжащее облачко прокалякал, – а бчолки у дибя из галовы ушо вылядад.

– Вылетают... вылетают, – недовольно забалабонил малец, почувствовав аки очередна бчёлка, проползла по спутанным волосьям, да еле слышно зажужжав, присоединилась к воблачку. – И похоже вельми серчают на тя... занеже ты продолжаеш седеть.

Шишуга услышав ту молвь, абие сменил выражение лица с довольного на встревоженное да стал подыматься на ноги, усяк морг поглядывая на бчёлки, которые, лишь тот двинулси, заскользив своей спиной по гладкой земляной стене, издали резкое ж..ж... ж. Предупреждаючи, абы вон не шалил! Опосля ж приглушив звук, сизнова тяхонько зажужжали. Гуша так-таки, хоть и потряхивал пужливо руками, да качал своей большенькой головёшкой тудыличи-сюдыличи, усё ж поднялси на ноги. Совсем на чуток он выпрямил спину и сровнялси ростом с Борилкой, но засим надсадно выдохнув, сгорбатилси да свесив тяжёлую главу униз, развернулси и медленно поплёлси у темну часть свово жилища, прямёхонько к дыре в потолке. Шишуга подошёл упрытык к стяне, и задравши голову вуставилси взглядом во чёрный проем лаза. Шагающий следом за ним мальчоночка, увидав шо тот встал над дырой, открыл було рот, желяючи спросить – идеже выход? Тока Гуша унезапно протяжно и дюже горестно гикнув, присел на корточки, да отскочив от пола, стремительно взлетел вверх, и мгновенно исчез у дырище. Борила от эвонтой нежданности подбёг к куче мха, да ступив на неё, востановилси прямо на том месте, откуда сигал шишуга и вперился взором у лаз. А зане облачко желтоватых бчёлки до зела ясно освещало и ентот угол, и сам проход... то малец смог узреть Гушу, каковой впиваяся загнутыми, острыми когтьми на руках и ногах у земляны стены лаза шибко проворно карабкалси ввысь.

Прошло како-то времечко и ход ведомый из жилища шишуги накренился, а ползущий по нему Гуша пропал с глаз отрока. Токмо шишуга исчез у изогнувшемся проходе, як Борилка запаниковал, струхнув, шо тот могёт бросить его водного туто-ва. Мальчик взволнованно оглянулси направо и налево, обозрел пусту землянку шишуги, иде окромясь кривого столба, да двух небольших кучек сухого, пожухлого мха на полу, ничавось не було, да не ведая у чё тако надобно предпринять, абы не быть здесь покинутым, вздев голову, громко крикнул во проход:

– Гуша, ты токась гляди, мене не забудь вытащить, а то бчёлки сёрдятся.

– Кгы... кгы, – долетело до мальчишечки, чавой-то тако невнятное.

Сице, и, не уразумев, чё тот возглас значил, малец взволнованно продолжал глядеть вверх, стараясь хоть чего-нить рассмотреть у той темени, переминаясь с ноги на ногу, да постукивая концом набалдашника себе по голенищу сапога, подумкиваяючи, шо ж делать коль шишуга решить его туто-ва кинуть. Но Гушу, по-видимому, бчёлки усё ж добре вспужали, оно як вmale Борилка услышал едва различимый говорок, долетевший из высоко:

– Билиш за лялизку, я выдашу.

А чуток погода послышалси тихий шорох да с прохода спустилась и сама лялизка. «Верно, ужа», – помыслил отрок, кады узрел аки из дырищи вылезла да вопустилась ко нему тонка, в ширину не толще сложенных вкупе двух пальцев, вервь, какого-то ово ли серого, ово ли зелёного цвету, а може зелёно-серая, и вельми влажна, склизка на ошупь. Мальчик недовольно осмотрел ту ужу, не дюже-то доверяя такой склизкозти, да боясь, шо вона евось не вудержить. Обаче, зане выходу из вэнтной землянки другому не було, Борила откинул у сторону дубину, и, схватившись за ту, ащё ко всему прочему мягку, ужу, потянув на себе, намотал её на праву ладонь, да крепко взялся за неё, капелёшку, свёрху. Посем вон махнул левой рукой и указываяючи на проход, обращаясь к бчёлкам, негромко загутарил:

– Бчёлки святите мову стёжку, – воблачко немедля, вроде уяснив гутарену мальцом речь, подалось выпсрь ко входу в лаз.

А мальчик крепче сжав вервь правой рукой, зычно крикнул уввысь:

– Гуша давай... тащи мене, да побыстрей... а то вона почемуй-то до зела склизкая, боюсь сорваться.

Шишуга похоже чавой-то издал, занеже до мальчишечки долетело раскатистое кгы... кгы... и начал тянуть Бореньку наверх. Да ужось чрез миг подошвы сапог отрока, оторвались от сухого мха, и взлетевши ввысь Борилка принялся подыматься по узкому проходу. В энтот раз мальчик не застревал у лазе, кажись потому як кады летел униз вже пробил себе стёжку, оттогось чичас двигалси хоть и прерывисто, но усё ж не увязая плечьми в стенах. Правда его права ручонка усё времечко соскальзывала, а поелику Бориле пришлось ухватиться за верёвку и левой рукой. И у то ж мгновение сверху долетело раскатистое «як... як...» и подъём на чуток прекратилси, то Гуша перьдыхал, домыслил мальчик. Обаче, малеша погода подъём выпсрь продолжилси. Бчёлки летящее опереди хорошо озаряли лаз и мальчоночка видал его дюже ровны земляны стены, ухоженные, токмо не таки, аки ему по первому казалось, гладкие. Усе вони были иссечены у мелку прореху, таку мелку... едва различиму и, судя по сему, оставленную когтьми шишуги.

Направление лаза малёхо изменилось и ускорости мальчишечка узрел и самого Гушу который стоял над лазом склонивши голову, согнув спину и широкось раззявив рот. Глянув на шишугу Борила, токась тяперича, понял почему лялизка была такой склизкой... Оно аки та лялизка была ни ужой, а языком Гуши, каковой вон выволок изо рта, спустил униз у проход, и днесь, втягиваяючи у себя, вытаскивал на нем ввысь отрока. А малец взирая, видал, як от тяжести и вусердия у Гуши увеличались, став здоровенными, зелёны глаза и точно две древесны гнилушки, шо восвещали евойну землянку, засветились. Изогнута и лежаща на подбородке губа шишуги вроде як разделилась надвое, воброзовав, меж глубокой пропастью у коей лёжал язык, две высоки, похожие на горные сопки, гряды. Бчёлки вылетев из ямы первыми,

замерли тихо жужжа над головой Гуши, а тот даже не вбравшись, от натуги, на них никакого внимания, резко втянул у себе язык сице, шо Борилка выпустив его из левой руки схватилси за край лаза и подтянув тело вылез на лесну подстилку. А мгновение спустя разматал лялизку с правой руки. Язык Гуши абие соскочил с длани мальчонки и полетел у направлении рта шишуги. Послышалось тихое окмуш и лялизка заскочила унурть рта, зубы звонко вдарились друг о дружку, и сомкнулись, а нижня губа, подлетев с подбородка вукрыла верхню, и кажись маненечко припрятала расплывшийся кончик носа.

– Обаче, – протянул Борила, подымаясь на ноги и рассматривая шишугу, утак словно видывал упервой. – А як же энта дырка вуткрываитси?

– Пл... пл... пл... пл, – издал Гуша, и ротъ яго вдругорядь отворилси, нижня губа ужотко лишившись своих горных гряд впала на подбородок, а кончик зелёно-серого языка ищё раз выглянув из-за раскрывшихся зубов, затрепетал у воздухе. – Пл... пл... пл, – продолжал осваиваться с лялизкой шишуга, а кады напоследях тот обрел своу истинну гибкость, корявенько ответил, – дам ист в плокоде дакы палычка, дыкни ее и дыла одклоидши...

– А, палочка, – повторил за Гушей отрок и оглянулси.

У краснолесье, шишуга был прав, вже правила ночь, на далёком, чёрном небе чуть заметно поблескивали сине-серебристы звёздны светила, а на оземи, на лесной подстилке также попеременно вспыхивали зеленеваты светлячки.

– Надо ж, а я кады лётел униз, той палочки не приметил, – тихонько добавил мальчонка, будто страшась прогнать очарование летней, прохладной ночи, насыщенной запахом леса.

Гуша шагнул к яме и заглянул у неё, може проверяючи на месте ли его палочка, кадысь унезапно идей-то недалече послышалси продолжительный шорох, а таче еле различимый окрик: «Борилка! Борила! Идеже ты?!»

– Тута! Тудо-ва я! – поспешно откликнулси мальчишечка. И посотрев на шишугу, просявши, молвил, – слышь Гуша, мене ищуть.

– Да... шышу... шышу, – ответствовал шишуга и Борила уловил в его сиплом, низком голосе испуг.

Гуша порывисто замотал головой, точно осматриваючи просторы тёмного леса, иде с разных сторон слышалси хруст да радостный окрик воинов, а морг спустя и вовсе замелькал яркый отсвет светоча.

– Эвонто мене дядьки Былята, Щеко и Сеслав ищуть, – разъяснил малец всполошивше-муся Гуше. Да повысив сей миг голос, прокричал воинам, – тута я! Тудо-ва!...

– Помаут бидя будуд, – вроде як, и, не спрашивая, а утверждая обреченно прокалякал Гуша.

– Чавось? – не разобрав чудну речь шишуги, перьспросил Борилка.

– Галова болид, кушад кадел... помаут бидя будуд, – наново повторил шишуга и горестно вздохнув, поднял праву руку да принялси чёсать шёрсть за боляхным округло-удлиненным, оттопыренным ухом.

Глянув у робко-растерянное лицо шишуги, на каковом маленьки глазки беспокойно бегали управо да улево, малец лягохонько засмеявшись, произнёс:

– Ащё як бить будут... Спервоначалу дубиной по головёшке твоей огреють, а опосля...

Но Гуша не пожелал выслушать чавось будячь с ним опосля, и резво шагнув уперёд, провалилси в лаз, а мгновение спустя лежащая на земле коловидная крышка содеяв кругово движение, заехала на дыру и закрыла проход. Мальчик усё ищё продолжаючи хохотать, присел на корточки и пальцами ощупал то место идеже допрежь был лаз, так-таки тяперича там окромя густой опавшей и иссохшей хвои да плотной оземи ничавось не проглядывалось.

– Борила! – раздалось у шаге от няго.

Отрок мигом вскочил на ноги и в свете светоча увидал встревоженны лица дядьки Былята, Щеко и Сеслава. Он сице им вобрадовалси, шо словно малой бросилси навстречу, да приткнувшись к Быляте крепко евось обнял. Воин провёл рукой по волосам мальчика и негромку вохнул, молвив:

– Бчела куснула... У тя чё юшка с головы, шо ли бяжить?

– Агась, – довольным голосом откликнулси Борилка. – Этось мене шишуга Гуша по главе дубиной огрел... Больно було, – мальчоночка высвободилси из объятий воина, шагнул назад, и, посотрев на облачко бчёлок изрёк, – будьте вольны! – да взмахнул рукой, и те послухав его у тот же сиг протяжнее зажужжав, направили свойный полёт у тёмну мглу леса, а невольге и вовсе погасли в ночи.

Аки тока бчёлы улётели, мальчишечка указав рукой на то место, иде был лаз во землянку, быстро пояснил воинам, чавось с ним прилучилось. Щеко, Сеслав и Былята долзе таче топали ногами потому месту, желаючи и впрямь проучить сёрдитого Гушу, за удары дубиной по голове мальчика, но сице, не добившись ничавось, повели свову пропажу, энто значить Борилу, к озерку.

Малец лишь тока узрел вблизи озерца разведенны костры поспешил к ним, и ано не умывшись, лишь сбросив с плеча туло, да кивнув усем востальным воинам, кои его искали со другой стороны леса и сошлись на зов Быляты, улёгся сверху на нарубленные для вотдыха еловы ветви и закрыл очи, поелику от тогося удара голова уже вельми сильно разболелась. Сом присев на корточки, осторонь мальчика, приложил к егось разбитой главе мокрый ручник, да едва слышно охая и ахая, от продолжающих иной раз вылётать, с под волосьев отрока и ручника, ярых бчёлок, запричитал чавой-то, жалеючи и больно сопереживаючи Борилке.

Ну, а сам Борил, токмо сомкнул глаза, успокоенный живущим у энтих местах тишиной и покоем, да чудесным лесным духом, тутась вже и уснул, не пожелав пожущерить того самого зажаренного зайца, из-за какового втак добре и получил... сначала по лбу, а опосля и по затылку.

Глава восьмая. Зачурованный край

Борил пробудился оттого, что почувствовал как кто-то весьма пристально заглядывает на него. Мальчик лежал на левом боку, теплое пламя горящего костерка сугревало его спину, с трудом раскрыв глаза (уже как ему вельми жаждалось поспать), он узрел перед собой распрекрасную девицу. Та присев на корточки, в нескольких шагах от бережины озерца, не сводила своих чудных зелёных глаз с его лица да ласковенько вулыбалася. У тот же миг отрок, вздрогнув усем телом, от взвонной нежданной встречи, резво поднялся со своей лежанки, да усевшись так, абы казать деву, вмале проморгался. Во краснолесье усё ищё витал полумрак, и солнышко красное лишь тока... тока сбиралось выкатиться на небушко, едва ощутимый ветерок дул из глубин леса принося на себе слабый аромат водицы, хвои и живицы.

Дева, на кою вуставились малец, меже тем неторопливо поднялась с присядок, и, выпрямившись, встала во весь рост. Она була очень худенькой и высокой, её дивна с лёгкой голубизной кожа, немножечко светилась, да энто, тако приятное для очей, сияние расходилось у разные стороны и кажись озаряло усё кругом, и мох на оном дева стояла разутыми стопами, и синеву озера лежащего за ней и вроде як сами дерева ограждающие то расчудесно место. Изумительные, длинные, отливающие зеленцой, волосы, разделенные на две части, были заплетены у толсты, не меньче чем кулак Борилки, косы. Они, спускаясь с главы, обвивали тонку, изящну шейку девицы, и, сходясь на груди, образовывали нещечко в виде переплетённого круглого обода, пылающего ярким смарагдовым цветом, у центре кыего был изображён, из тех же опутанных волосков, образ женщины. Эвонтов чарующий лик женщины проступал не четко, а точно таилси у лучах света, вкупе с тем ясно було видно, что у руках ейных находятся колыхающиеся от движения, похожие на нити судеб, тонки волоски. У девы были крупны глаза, маненький, вздёрнутый кверху носик, да полные, алые губы. Сама она была неодета, лишь её пышну грудь и круты бёдра прикрывал зелёный, будто подуша мягкий мох.

– Ты, кто така? – чуть слышно прошептал Борила, страшась спугнуть ту сказочну деву.

– Я дух, – произнесла дева и приоткрыв рот, сверкнула в евойну сторону двумя рядами белоснежных зубов. – Меня зовут Берегиня, русалка которая служит Богини Макоши, Великой Мати, Небесному Закону. Я и сёстры мои, из века в век оберегаем людей от зла, потому и носим мы на груди зачур из сплетённых волос, с образом Богини Судьбы. Оттого и живём мы по берегам рек, озёр, морей, всякого водного источника, ибо приставлены сюда Макошью, чтобы следить за порядком.

Борила неотрывно сотрел у упавое лицо берегини, а як она загутарила про зачур первьёл взгляд на него, и заметил, шо на крохотку образ Богини у нём ожил, и оченно купаваая, седовласая, зрелая годками Макошь встряхнула нитями судеб, волосками девы.

Берегиня смолкла на чуток, содеяла пару шажочков у направление к мальчику да гляючи на него сверху униз, негромким, песенным голоском, продолжила:

– Знак Асура Велеса, что горит на твоей груди, и власть оберегающая, коя мне положена от Богини Макоши, призвали меня, чтобы я оградила тебя и твоих путников от бедушки вам грозящей.

Русалка сызноа замолчала и обернулась назад, словно вслушиваясь в тишину леса, иде правила предрассветна тьма, а легчайший вятерок, порхающий окресть, нежно касаясь головы отрока, трепал его длинны кудри. Еле заметной полосой, на восходе, показалси первый розоватый луч, ащё блёклый, блёклый, одначе, поведавший, шо Бог Ра ужотко направил своих златых волов и воз ко границе небосвода. Берегиня оглядела хвойный бор и озерко, шо покоилось на энтой прогалине, и идеже гладь воды покрылася лёгкой рябью, да перьстав вулыбаться, понизив глас до шёпотка, скузала:

– Борила...

Мальчоночка, правда, не дав докалякать русалке, перьбил её и удивленно спросил:

– Берегиня, а отнуду ты знашь як мене кликать?

– Полночи твои путники, искали тебя по лесу, и звали по имечку, – ответила русалка. Она сделала ащё овый шаг уперёд, присела обок мальчика, да глянув зелёными глазами у его лицо, добавила, – ну, да мы не о том... Как тебя кликают, теперь знаю не я одна, а и другие... те кто живет в этом лесу, те кто следят за деревьями, зверьми и птицами. Борилушка подымайся поживее со хвойной лежанки бери своих путников и уходи из краснолесья. Шишуги уже вылезают из своих жилищ, и собираются вместе, и их очень... очень много, а в руках они сжимают крепкие дубины, которыми могут лихо управляться. Они собираются вместе, чтобы напасть на вас и всех вас.

– Увбить, – взволнованно прошептал мальчик и надсадно задышав, завертал, усё ищё тяжелой от полученных ударов, главой, стараяся углядеть во парящем сумраке сёрдитых шишуг.

– Ну, может и не убить, но уж точнёхонько хорошенько проучить, – пробалыкала Берегиня и повела, вздёрнутыми кверху, угловатыми плечьми, отчавось сияние, исходяще от ейной кожи, мгновенно накрыло Борилку, точно стараясь упрятать его от живущего у лесу раздражённого народца. – Это их лес... их... Здесь не живут лесные духи, лишь шишуги. И живет, правит этот народец, тут много... много веков. Вы же тут нежданные чужаки, а посему лучше вам незамедлительно покинуть этот лес. Выйдя из него, вы ступите на ездую полосу и в тот же миг будете вне опасности... туда... на дорогу шишуги не смеют заходить. Борила, запомни, как только окажитесь на полосе, то езжайте по ней, не сходя ни в лес, ни в луговину, покуда не минуете неширокую речку Ковыльку... Там за Ковылькой закончатся земли шишуг, вы же перебравшись по мостку через речушку на другой берег, сможете спокойно отдохнуть в камышовых зарослях, где вам ничего угрожать не будет. Но до Ковыльки доедите вы лишь к вечеру, а потому запаситесь водой. И запомни... запомни Борилушка, ни в лес, ни в луговину не заезжайте, следуйте прямёхонько по ездой полосе, никуда не сворачивая. – Русалка прервала свою речь и уставилась зелёными очами у мальчоночку, безмолвно вопрошая усё ли он уяснил, и кады тот понятливо кивнул, вже паче повелительно молвила, – а теперь подымайся и торопись отрок. Тушите костры, берите воды и спешно уходите.

Берегиня протянула руку к лицу мальчика и ласковенько просияв, провела мягкими подушечками пальцев по коже лба, и абие почудилось тому, вроде як нежно поцеловали его губы родименькой матушки, напутственно отряжаючи у путь. Русалка лягло, аки летний ветерок, шо обдувал кудри отрока, поднялась с корточек, и, распрямив стан, взмахнула руками, будто жёлаючи вспорхнуть. У тот же сиг стопы ног её оторвались от поверхности земли, покрытой мхом, и Берегиня взлетев выспрь, на чуток замерла у там, засим резво перьвернулась вверх ногами сице, шо Борила испуганно охнул... да утак верх ножищами полетела к озерку. Её зелены косы, обвивающие шею да образующие обод зачура, при том ано не шелохнулись словно, были единым целым с кожей аль телом Берегини. Русалка подлетела к глади озерной и резко упала в синеву вод. Раздалось зычное бульк... бульк, сице точно туды прыгнула лягушка, а услед за ней друга, и Берегиня, пройдя сквозе разошедшиеся у разны направления боляхные круги водицы, провалилась у глубины озера.

И токмо вона исчезла, издав звучно-продолжительный бульк... так чичас же тихо закряхтел за соседним костерком дядька Любин, сберегающий покой своих соотчичей, да бывший у энту ночь на дозоре. Обаче, усё то времечко, шо малец гутарил с духом, сидящий подле огня, свесив свою главу на грудь, и мирно почивавший, по-видимому, сморенный силой Берегине у сон, но тутась вже мгновенно пробудившийся. Любин порывчато вскинул голову вверх, потряс ею, прогоняя, навалившийся на него, сон, а таче упёрси взором в водну гладь озера, иде у месте ухода русалки, ужось кружили водны круги поменьче. Засим вон медленно повернув голову налево, глянул на мальчоночку и едва слышно, абы не побудить соратников, спросил:

– Чавось прилучилося Борила?

– Надоть отседова уходить, – тихонечко ответствовал отрок, и, оторвав взгляд от синих, коловидных ободов трепещущихся на воде, перевёл евось на война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.